

**Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории**

Серия «Научное наследие»

Выпуск 1

В.В.Политов

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КОМИ КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

Сыктывкар, 2005

УДК

В.В.Политов. Промышленность Коми края в XVIII веке. – Сыктывкар, 2005. – 120 с. (Научное наследие / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО Российской академии наук; выпуск 1).

Работа выходит к 80-летию со дня рождения историка В.В.Политова и 35-летию Института языка, литературы и истории и открывает серию изданий, посвященных ученым ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. В ней дана общая характеристика Коми края в XVIII в., на основе обширного фактического материала показаны возникновение Сереговского соляного промысла и на его основе – солеваренного завода, развитие этого предприятия в XVII и XVIII вв., освещено зарождение металлургической промышленности в Коми крае, начиная с первых небольших предприятий на нижней Вычегде, обстоятельно исследована история сыольских чугунолитейных и железоделательных заводов. Во вступительной части освещены жизненный путь ученого и основные результаты его научных исследований, приведена библиография опубликованных и рукописных трудов В.В.Политова. Для специалистов-историков, преподавателей учебных заведений, всех интересующихся историей Коми.

Редакционная коллегия серии

А.Ф.Сметанин (отв. редактор), И.Л.Жеребцов (зам. отв. редактора),
А.А.Попов (зам. отв. редактора), И.О.Васкул (отв. секретарь),
П.Ф.Лимеров, В.А.Лимерова, Э.А.Савельева, А.Н.Турубанов,
Г.В.Федюнева, Ю.П.Шабаев.

Научный редактор выпуска
доктор исторических наук И.Л.Жеребцов

Рецензенты
доктор исторических наук М.А.Мацук
кандидат исторических наук Л.П.Рошевская

© Коми научный центр УрО РАН, 2005

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Данная книга открывает новую серию работ, выпускаемых Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН – «Научное наследие». В этой серии будут издаваться, главным образом, неопубликованные труды ушедших из жизни ученых, работавших в Институте. Наряду с рукописями, неизвестными широкому кругу специалистов, в тот или иной том «Научного наследия» могут при возможности включаться и некоторые ранее издававшиеся работы, ставшие библиографической редкостью, но востребованные, а также публиковавшиеся ранее в сокращенном варианте или в переводе. Каждый том будет открываться вступительной статьей, освещающей жизненный путь ученого и основные результаты его научных исследований. Предполагается приурочивать издание выпусков серии к юбилейным датам исследователей.

Первый том «Научного наследия» выходит к 80-летию со дня рождения В.В.Политова, работавшего в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН с 1966 по 1979 год и внесшего заметный вклад в развитие исторических исследований в регионе. Публикуемый труд представляет собой диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, написанную В.В.Политовым в 1979 г. Диссертация по ряду причин не была защищена, ее рукопись хранится в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН (Ф. 5, оп. 2, д. 250, 162 л.).

Принципиально важно отметить следующее: издание труда В.В.Политова – не только заслуженная дань уважения этому исследователю, почти полтора десятилетия проработавшему в Коми филиале АН СССР, являвшемуся сотрудником Института с первых дней его создания и внесшего свой весомый вклад в исследования многих проблем истории Коми, но и признание того, что данная работа имеет серьезное научное значение. Диссертация В.В.Политова является цельным, законченным монографическим исследованием, посвященным важному аспекту социально-экономического развития Коми.

В тот период, когда исследователь разрабатывал историю формирования промышленности в Коми крае, проблема генезиса капитализма и, в частности, вопросы возникновения капиталистического уклада, социальной природы российской мануфактуры, темпов и хронологических рамок промышленного переворота оставались дискуссионными. Одна из таких крупных дискуссий прошла на сессии Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» в июне 1965 г., где был обсужден коллективный доклад группы историков, возглавляемых Н.И.Павленко. В.В.Политов внимательно изучал материалы этой дискуссии о формах и социальной природе крупного производства в России, касавшихся не только промышленности XVIII века, но и

предшествующих столетий («Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии». М., 1969). Вполне вероятно, что эта всесоюзная дискуссия историков сыграла свою роль в том, что В.В.Политов принял решение обстоятельно разработать вопросы истории промышленности в Коми. В 1975 г. он опубликовал статью «Сереговский солеваренный завод во второй половине XVIII в.», материалы которой вошли затем в его диссертационную работу. На ее основе исследователь в 1979 г. подготовил обстоятельную работу «Развитие металлургической промышленности в XVIII в. в Коми крае», предполагая издать ее в выходящей в Коми филиале АН СССР серии «Научные доклады», но она не была опубликована. Рукопись хранится в Научном архиве Коми НЦ УрОРАН (Ф. 5, оп. 2, д. 273, 55 л.).

Поставленные в диссертации вопросы и к настоящему времени не получили должного освещения в имеющихся публикациях, немногочисленных и носящих, в основном, научно-популярный или информационный характер. В сущности, труд В.В.Политова является единственной специальной крупной работой, посвященной истории промышленности Коми края в XVIII в., а то, что автор привел материал и по развитию солеваренной промышленности в XVII столетии, делает ее еще более интересной в научном отношении. Не случайно именно к этому труду обращались исследователи при подготовке ряда работ. Материалы В.В.Политова не были забыты, они частично вводились в научный оборот – использованы, в частности, при написании фундаментальной двухтомной «Истории Коми с древнейших времен до наших дней» и серии научно-популярных книг (их авторы особо отмечали значение материалов Валентина Васильевича при освещении сюжетов, связанных с историей промышленности). Однако этого явно недостаточно, поскольку основная часть труда В.В.Политова, собранных им данных остается малодоступна широким кругам исследователей. Поэтому издание работы В.В.Политова отдельной книгой представляется вполне актуальным и важным в научном отношении.

Наибольший интерес в этом труде представляют вторая и третья главы, посвященные развитию солеваренной и металлургической промышленности в Коми крае. Первая глава является, в сущности, вводной, в ней дается общая характеристика территории, населения и управления Коми краем, природных условий и путей сообщения. Отметим, что в период работы В.В.Политова над текстом еще не было специальных публикаций по истории административно-территориального деления Коми края, поэтому в своем труде он привел некоторые новые на тот период данные по этой проблеме.

Работа публикуется с незначительными сокращениями и редакторской правкой, снабжена необходимыми комментариями, вступительными статьями о жизненном пути ученого и основных результатах его научных исследований, подготовленными д.и.н., проф. В.И.Чупровым, и

библиографическим указателем трудов В.В.Политова (составители В.И.Чупров, М.В.Хайдуров). В структуру работы внесены изменения. В авторском варианте диссертация состояла из четырех глав. Однако при подготовке труда к публикации редакция сочла более логичным включить небольшую по объему последнюю главу «Ремесло, промыслы и мелкотоварное производство» в состав первой (вводной) главы в качестве параграфа, а также поменять местами первый и второй параграфы первой главы.

Планируется, что в следующих томах серии «Научное наследие» будут опубликованы работы Е.С.Гуляева, Л.Н.Жеребцова, Ю.Г.Рочева, А.С.Сидорова и других видных ученых института, не утратившие своего научного значения, содержащие богатые и разнообразные материалы, по-прежнему представляющие огромный интерес как для специалистов, так и для более широких кругов читателей.

*А.Ф.Сметанин, ответственный редактор серии «Научное наследие»
И.Л.Жеребцов, научный редактор выпуска*

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЛИТОВ
(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Валентин Васильевич Политов родился 28 апреля 1935 года в городе Кирове в учительской семье. Отец Василий Михайлович Политов и мать Антонина Георгиевна Политова воспитали детей (у Валентина были брат Владимир и сестра Татьяна) в любви к книге, к порядку, доброте и порядочности. Детство у Валентина прошло в Яренске Ленского района Архангельской области, куда родители были переведены, и где отец долгие годы был директором Яренской средней школы. Василий Михайлович и Антонина Георгиевна пользовались большим уважением яренчан и оставили о себе хорошую память.

В 1955 году В.Политов окончил Яренскую среднюю школу. Затем служба в армии, и в 1958 году Валентин выдержал трудные экзамены и поступил в Московский государственный историко-архивный институт, который окончил в 1963 году, получив профессию историка-архивиста. Направление он получил в город Сыктывкар в Архивный отдел при Совете Министров Коми АССР. В институтском дипломе Валентина Васильевича только хорошие и отличные отметки. Дипломную работу он выполнял под руководством ректора историко-архивного института Л.А.Никифорова. В отзыве на работу, которая называлась «Русско-турецкие отношения в 70-х гг. XVII в. Бахчисарайский мирный договор 1681 г.», профессор Л.А.Никифоров отметил, что «студент Политов проявил способности к научной работе, настойчивость и трудолюбие. В результате представил большую и содержательную работу, основанную преимущественно на неопубликованных материалах». Действительно, дипломная работа В.В.Политова (более ста машинописных страниц) написана на основе документов Центрального государственного архива древних актов. В устных отзывах о работе В.В.Политова отмечалось, что она при небольшой доработке может быть защищена как кандидатская диссертация.

В сентябре 1963 года по июнь 1965 года В.В.Политов проработал в архивном отделе при Совете Министров Коми АССР и в Центральном государственном архиве Коми АССР, где проводил большую организаторскую и исследовательскую работу. Командировки в районные архивы республики для формирования комплекса документов тех или иных учреждений с последующей сдачей в Центральный государственный архив, археографическая обработка документов, научно-исследовательская работа по популяризации документальных материалов – основные направления деятельности Валентина Васильевича в архивных учреждениях. В 1965 г. В.В.Политов заочно закончил Коми государственный педагогический институт. Однако тяга к научной работе взяла верх, и он 23 июня 1966 г. подает заявление на конкурс на замещение должности младшего научного сотрудника по специальности «История СССР» в Коми филиал АН СССР. 15 июля 1966 г. В.В.Политов утверждается в избранной должности и

приступает к научной работе. Отделом истории в те годы заведовал к.и.н. В.Н.Давыдов. Василий Николаевич видел одну из главных своих задач в подготовке квалифицированных специалистов, способных самостоятельно вести научную работу. Валентин Васильевич, прошедший блестящую научную подготовку и хорошо знакомый с архивным делом и архивами Коми АССР, практически был уже подготовленным научным исследователем.

В 1966 году выходит сборник документов «Установление советской власти и гражданская война в Коми крае (1917 – 1920 гг.)», составителем которого наряду с Н.А.Дегтевой, В.Г.Зыкиным и А.Е.Мальцевой явился В.В.Политов. Сборник, подготовленный к 50-летию Советской власти, стал уникальным в своем роде, привлек огромное внимание общественности республики и вызвал большой научный интерес исследователей. В 1967 г. Валентин Васильевич Политов за активное участие в подготовке к печати и издания сборника документов и материалов «Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае» был награжден Почетной грамотой Совета Министров Коми АССР. Получение этой грамоты – одной из самых высоких наград республики, несомненно, было признанием вклада архивиста в изучение проблем Октябрьской революции и гражданской войны.

В год прихода В.В.Политова в Коми филиал АН СССР в отделе истории научные сотрудники, занимающиеся проблемами досоветской истории Коми края, работали над крупной научной темой «Классовая борьба в Коми крае в XVIII – начале XX вв.». Как специалисту по периоду феодализма, В.В.Политову было поручено выполнение планового научного раздела по истории крестьянского движения в Коми крае в XVIII в. Параллельно с выполнением основного научного плана Валентину Васильевичу как опытному архивисту поручается ответственное задание – сбор архивного материала и подготовка к публикации сборника документов «Образование Коми автономной области». Во время переизбрания В.В.Политова на новый срок в январе 1970 года отмечалось, что Политов проявил активную научную и общественную деятельность. Об этом говорят слова из характеристики, данной для переизбрания. «В 1968 году участвовал на 10-м Всесоюзном симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград). Сдал кандидатский минимум по иностранному языку. Написан ряд статей для календаря памятных дат Коми АССР. В.В.Политов принимает участие в общественной работе, является членом бюро первичной организации общества «Знание», активный дружинник».

Об активной работе говорят награды и поощрения, полученные В.В.Политовым за этот период. В конце 1967 г. он получил Почетную грамоту Сыктывкарского горкома КПСС и горисполкома за активную работу в добровольной народной дружине и участие по наведению общественного порядка в городе. Как инициативному члену

республиканского Совета и общества охраны памятников истории и культуры, Валентину Васильевичу Политову вручается грамота и денежное вознаграждение.

В 1970 году молодому исследователю за плодотворную научную деятельность, успешное содействие выполнению научных планов и активное участие в общественной работе объявляется благодарность Президиума Коми филиала АН СССР с вручением Почетной грамоты.

В конце 60-х – начале 70-х годов В.В.Политов ведет большую издательскую работу. Только за два года (1969-1970 г.) им было опубликовано восемь статей в «Календаре памятных дат Коми АССР». 1970-1971 годы отмечены выходом двух крупных сборников документов: «История индустриализации северного района (Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР)» и «Образование Коми автономной области», где В.В.Политов являлся одним из составителей. Особенно большой общественный резонанс вызвал второй сборник, приуроченный к юбилею республики. 50-летие автономии широко отмечалось в Коми АССР, и издание книги, в которой было опубликовано много новых архивных данных, стало значительным шагом вперед, настоящим научным открытием. Сборник «Образование Коми автономной области» получил высокую оценку архивистов Коми АССР и Москвы, а его составитель удостоен высшей награды республики – Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Коми АССР.

В 1971 г. В.В.Политов принимал участие в зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР, на которой выступил с докладом о положении рабочих Кажимских заводов во второй половине XVIII в. В этот юбилейный год Валентин Васильевич опубликовал три статьи в республиканских газетах, дважды выступил по радио – о присоединении Коми края к русскому государству и образовании Коми автономии. Он написал ряд рецензий – на лекцию Габова «О ленинском отношении к памятникам истории и культуры», на статью Сидорова «Пути сообщения в Коми крае», на рукопись Терентьева «Страницы истории с. Брыкаланска», сам активно выступал с лекциями по линии общества «Знание», выезжал в различные районы республики. В 1971 году на темы «Гражданская война в Коми крае», «Образование Коми АССР», «Итоги развития Коми АССР за 50 лет» В.В.Политов прочитал 35 лекций.

В начале 70-х годов группа исследователей приступила к работе над сборником документов по истории Коми комсомола, и Валентина Васильевича, как опытного архивиста-исследователя, пригласили для археографической обработки документов. В 1973 г. сборник «Коми комсомол в документах» был издан. Так же, как и предыдущие документальные публикации, он получил высокое признание, а Валентин Васильевич был награжден Почетной грамотой Коми обкома ВЛКСМ за большую работу по воспитанию молодежи и активное участие в подготовке и выпуске названного сборника.

В 1973 году В.В.Политов поступает в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР. Тема его диссертации – «Развитие промышленности в Коми крае в XVIII веке». Научным руководителем стал известный историк, д.и.н., профессор А.А.Преображенский (Институт истории СССР АН СССР, Москва). К этому времени начинающим аспирантом было опубликовано 11 научных работ.

Рассматривая вехи жизненного пути Валентина Васильевича Политова можно с уверенностью сказать, что десятилетие (1966–1975 гг.) было самыми плодотворными годами его жизни.

Во второй половине 70-х годов в Институте языка, литературы и истории (образован в 1970 году) шла работа по созданию обобщающих трудов по истории Коми АССР с древнейших времен до наших дней и истории г. Сыктывкара. В.В.Политову был поручен раздел, охватывающий весь XVIII век. Как аспирант-заочник, В.В.Политов успешно работал над кандидатской диссертацией. Не прекращалась и общественная работа как внутри института (член редколлегии стенной газеты «Искатель»), так и за его пределами (дружинник, член методсовета республиканского общества «Знание», член научного совета при Архивном отделе Совета Министров Коми АССР, член городского Совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры).

В 1978 г. вышла большая коллективная работа «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней». Впервые в местной историографии издается книга подобного рода. Участие в ней было почетным, и авторский коллектив состоял из высококвалифицированных специалистов. В этом обобщающем труде В.В.Политов явился автором крупного раздела: «Коми край в период дальнейшего развития феодально-крепостного строя и зарождения буржуазных отношений (XVIII в.)». К 200-летию г.Сыктывкара также была издана обобщающая работа по истории столицы Коми АССР. И здесь В.В.Политов автор одного из разделов.

Это были важные научные работы, подводящие некоторые итоги исторических исследований в Коми АССР. Они вносили огромный научный вклад и показывали уровень развития исторической науки в республике. К этому времени (1978 г.) В.В.Политовым была написана кандидатская диссертация «Промышленность Коми края в XVIII в.» - объем 160 м.л., готовилась защита. Однако в 1979 г. В.В.Политов в связи с семейными обстоятельствами переводится на работу в Яренский краеведческий музей, и защиту диссертации пришлось отложить. К сожалению, она так и не состоялась. 31 мая 1984 г. Валентин Васильевич Политов скончался и похоронен в Яренске.

Биографический очерк был бы не полным, если не сказать о любви Валентина Васильевича Политова к своему родному Яренску. Со студенческих лет, несмотря на занятость, а затем и многоплановость научной и общественной работы он по крупицам собирал материал об Яренске. Ни в каких планах эта работа не значилась, отчета никто за ее

выполнение не спрашивал, но Валентин Васильевич упорно работал над книгой. И огромный труд был увенчен успехом. В 1978 г. в издательстве «Наука» (Ленинградское отделение) выходит книга под названием: «Яренск: (исторический очерк)» (110 страниц). Подобное издание (о небольшом городке, а затем селе) в «Науке» было редчайшим явлением, если не единственным, и автор оставил о себе вечную память.

В.И. Чупров

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В.В. ПОЛИТОВА

Первое научное «крещение» Валентин Политов получил в студенческие годы. Дипломная работа, написанная на основе материалов Центрального государственного архива древних актов, явилась, по существу, началом исследовательской деятельности. Знания, полученные в историко-архивном институте, послужили основой, которые предопределили первое научное направление исследований. С 1966 по 1973 год с участием В.В. Политова было издано четыре сборника архивных документов и материалов, которые выходили к юбилейным датам Коми АССР и имели большой научный и общественный резонанс.

Первый солидный сборник документов и материалов «Установление советской власти и гражданская война в Коми крае (1917-1920)» вышел в Коми книжном издательстве в 1966 году и был посвящен 50-летию Октябрьской революции. Такого сборника еще не видела научная общественность республики. В сборник было включено 219 документов, большинство из которых публиковались впервые. Составители сборника – а в работе над ним участвовали, кроме В.В. Политова, известный ученый республики В.Г. Зыкин, директор Центрального Государственного архива Коми АССР Н.А. Дегтева и заведующая партийным архивом Коми обкома КПСС А.Е. Мальцева – учли практически все требования, предъявляемые к изданию документов советского периода, и выполнили инструкцию по археографической обработке документов гражданской войны.

В сборнике были опубликованы документы, извлеченные из фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, Центрального государственного архива Советской Армии, Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, партийного и государственного архивов Архангельской области, Государственного архива Вологодской области и его филиала в г. В.-Устюг, Чердынского краеведческого музея, а

так же партийного архива Коми обкома КПСС и Центрального государственного архива Коми АССР.

В книгу включены статьи и корреспонденции из различных газет, которые в значительной степени позволили восполнить утраченные документы периода 1917–1920 гг. и полнее осветить исторические события. Чтобы по возможности избежать одностороннего подхода к освещению событий, составители привлекали и документы, авторами которых являлись представители Белого движения. В сборнике дано приложение, в котором публикуются воспоминания участников гражданской войны, статьи из газет о героинях коми народа Домне Каликовой и Дарье Кочановой, а также следственные материалы по делу Латкина. Сборник снабжен примечаниями, которые дополняют тот или иной документ разъясняющей информацией, дают поясняющие сведения о людях, упомянутых в материалах. Именной и географический указатели способствуют более быстрому поиску нужных сведений и свидетельствуют о высоком научном подходе к издаваемому сборнику.

Сборник «Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае», как отмечала пресса того времени, был встречен с интересом «не только специалистами в области истории, но и широкой общественностью». Прошло несколько месяцев 1966 года после выхода книги (тираж 2000 экземпляров), и он стал редкостью. Директор книготорга И.Д.Петрунев в интервью газете «Красное знамя» отмечал: «Книга разошлась буквально в несколько дней после ее издания. После этого ею много раз интересовались, поступали письма-заявки от учителей, библиотек. Писали нам с просьбой выслать книгу даже из-за пределов республики».

Заведующий кафедрой новой и новейшей истории Одесского государственного университета доктор исторических наук Н.Д.Петряев, ранее работавший в Коми пединституте, так отзывался о сборнике: «Сборник – прекрасный подарок коми народу, всем народам СССР к 50-летию Великого Октября. Не только историки, но и любой современник, кому дороги великие революционные традиции советского народа, с огромным интересом, с пользой для себя познакомятся со знанием дела».

В газете «Красное знамя» приведен также отзыв старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П.И.Шуктомова, который отметил: «Документальный сборник, выпущенный в канун Советской власти, является значительным вкладом в историческую науку, имеет большое познавательное и воспитательное значение». Он же выступил с рецензией на сборник в журнале «Вопросы истории КПСС», где дал высокую оценку работе.

Большой научный успех выпал на долю сборника «Образование Коми автономной области», подготовленного к 50-летию Коми автономии. В этом сборнике на В.В.Политова выпала основная тяжесть по сбору и археографической обработке документов (В.Н.Давыдов здесь сыграл,

скорее, роль научного редактора и явился автором предисловия). В сборник включено 166 документов, он подготовлен в соответствии с правилами издания документов и оснащен необходимым научно-справочным аппаратом. Умелый подбор документов – книга начинается с обращения к населению группы коми солдат 11-го Псковского полка с призывом о создании зырянской автономной республики (ноябрь-декабрь 1917.) и кончается включением в состав Архангельской губернии нижней части Печорского уезда и Тиманской тундры (27 мая 1922 года) – позволил достаточно полно показать исторический процесс развития и образования Коми автономии. В.П.Зыкин в рецензии на сборник, опубликованной в «Красном знамени», отметил: «Сборник документов является своеобразной машиной времени. Она переносит читателя в другую эпоху, позволяет почувствовать ее «аромат». Профессиональный подбор документов действительно позволяет ощутить «аромат» времени, а внимательное изучение сборника позволяет сделать вывод, что автономизация коми нашла всестороннее освещение».

Два последующих сборника об индустриализации Севера и истории коми комсомола, в работе над которыми принял участие В.В.Политов, также имели большой общественный резонанс и вызвали массу откликов, в том числе и в «Вопросах истории КПСС». Все эти четыре сборника документов, вышедшие в довольно короткий срок, внесли неоценимый вклад в развитие исторической науки в Коми АССР и немалая доля заслуги в этом Валентина Васильевича Политова.

Второе научное направление в работе В.В.Политова связано с популяризаторской деятельностью. С 1967 по 1970 гг. он издал в «Календаре памятных дат Коми АССР» девять статей, посвященных юбилею сел, учреждений, исторических событий и людей. В.В.Политов, опираясь в основном на архивные материалы, показал в небольших, но ярких по содержанию статьях историческое развитие выбранных сюжетов.

Третье направление научных исследований (посвященное истории Коми края в XVIII веке) в 70-е годы XX в. становится главным в работе В.В.Политова в Коми филиале Академии наук СССР. Основное внимание Валентин Васильевич в этот период уделил изучению промышленного освоения Коми края. Им были проанализированы проблемы развития Сереговского солеваренного завода, положение рабочих Кажимских горных заводов во второй половине XVIII в. В связи с работой над одноименником «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней» В.В.Политов выполнял большой объем исследований. В главе «Коми край в период дальнейшего развития феодально-крепостнического строя и зарождения буржуазных отношений (XVIII в.)» он обобщил все исторические факты, накопленные до него, ввел новый архивный материал, в результате чего был дан обстоятельный анализ исторического развития Коми края в XVIII в. В указанную главу вошли вопросы административно-

территориального устройства и управления, демографии, экономического развития края.

В частности, анализируя генеральное межевание, реформу Екатерины II, В.В.Политов приходит к выводу, что «оно ограничило крестьянское землепользование». В.В.Политов обстоятельно показал процесс превращения некоторых отраслей домашней промышленности в мелкотоварное производство, товарность животноводства, новые виды промыслов – заготовку леса для казенного кораблестроения, связь крестьянского хозяйства с рынком, историю Сереговского и Кажимских заводов, охоту, рыболовство, пути сообщения и торговлю. В специальную главу были выделены вопросы, говорящие об углублении социальных противоречий и развитие классово-борьбы. Здесь В.В.Политов рассмотрел положение крестьян, налоговое бремя и выделил шесть форм сопротивления крестьян. Выход одноименной истории «Коми АССР с древнейших времен до наших дней» говорил о том, что историки Коми АССР поднялись на новую ступень в исследовании проблем Коми края.

Замечательным достижением Валентина Васильевича Политова явился выход книги «Яренск» в Ленинградском отделении издательства «Наука». В книге на базе значительного, главным образом архивного материала дан исторический очерк Яренска (ныне центр Ленского района Архангельской области) с древности до наших дней. Работа состоит из предисловия и 11 глав. Довольно подробно и убедительно автор доказывает свою точку зрения на происхождение наименования реки Яренги и города Яренска, говорит о первом упоминании Яренска в исторических документах (1384 год). Все периоды исторического развития России и Советского Союза нашли отражения в истории маленького городка и села. Книга иллюстрирована. Сейчас она является библиографической редкостью.

Свой вклад В.В.Политов внес и в изучение истории города Сыктывкара. К 200-летию Сыктывкара перед историками Коми филиала АН СССР была поставлена задача – написать книгу о столице республики Коми со дня образования города (1780 г.) до 1980 года. Задача была успешно выполнена. В.В.Политову, как специалисту XVIII в., было поручено написать о Сыктывкаре – со времени присвоения ему статуса города до второй половины XIX века. С этим поручением Валентин Васильевич успешно справился. История Сыктывкара указанного периода написана ярким, образным языком и читается как поэма о любимом городе. Жители Сыктывкара и Республики Коми должны быть благодарны В.В.Политову за эти написанные им исторические сюжеты.

Работы В.В.Политовым, в основном, опубликованы. Однако, кандидатская диссертация «Промышленность Коми края в XVIII веке» оказалась незащищенной. Этот труд заслуживает внимания и, будучи опубликованным, несомненно, вызовет интерес у научной общественности. Обратим внимание читателей на историографию и новизну, которую внес автор в исследовании вопроса. Во введении В.В.Политов довольно

обстоятельно характеризует актуальность проблемы, рассматривает дискуссионные вопросы о генезисе капитализма, формы и социальную природу крупного производства в России. Свое региональное исследование он проводит через призму развития капиталистических отношений в России. На наш взгляд подобный подход, не узколокальный, а общероссийский, выводит работу на значительный научный уровень.

Ценным в работе является то, что автор сделал не просто библиографическое описание работ, вышедших ранее, а дал хороший критический анализ. Верно подмечено, что работа Н.И.Ульянова «Очерки истории народа Коми (зырян)» отличается схематичностью, узкой источниковой базой, отсутствием важной главы о развитии производительных сил. Выводы Ульянова о том, что XVIII в. был шагом назад по сравнению с XV–XVII веками, Политов считал ошибочными и мы присоединяемся к этому заключению.

Критике подвергается и работа В.М.Подорова «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)». Характеристика социально-экономического развития края в XVIII в., данная В.М.Подоровым, из-за ограниченного круга архивных материалов, по мнению Политова, носила поверхностный характер. Неправильным считает Политов и постановку Подоровым вопроса, рассматривающего как единое целое огромную территорию зырян и пермяков, которые имели существенную разницу в экономическом развитии.

Отмечая большой вклад авторов первого тома «Очерков по истории Коми АССР» в исследование проблемы XVIII в., Политов говорит о некоторых неизученных вопросах, среди которых комплектование рабочих кадров, организация производства, крестьянские неземледельческие промыслы, классовая борьба. Анализируются работы Н.Ф.Демидовой, Н.В.Устюгова, Л.П.Лашука, В.Г.Геймана, Б.Я.Розена, А.К.Трошина, Я.А.Балагурова, Т.И.Беленкиной, Д.Д.Балуевой, которые затрагивали некоторые проблемы развития промышленности в Коми крае. Историкографический обзор позволил В.В. Политову сделать вывод, что история промышленного развития Коми края в XVIII в. «до настоящего времени остается мало изученной». В работе дается довольно подробная характеристика архивных источников.

Диссертация В.В. Политова «Промышленность Коми края в XVIII в.» носит комплексный характер и касается практически всех вопросов промышленного развития края. Особенностью работы является то, что в ней, наряду с вопросами исторического развития Сереговского солеваренного и Кажимского горнометаллургического заводов, уделяется много внимания технологии производства. В работе характеризуются (что для исторических работ необычно) геологические условия соляного рассола, техника проходки скважин, установка рассолоподъемных труб и соляных варниц и их устройство. Таким образом, В.В.Политов явился первым историком, который дал описания технического устройства и

строительства заводов. В целом изложенный в диссертации материал, позволяет сделать вывод, что работа имеет полный, законченный характер, вносит неоценимый вклад в исследование вопроса и будет полезна для историков и всех читателей, интересующихся историей родного края.

В.И. Чуров

ОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ В.В. ПОЛИТОВА

1966

Установление советской власти и гражданская война в Коми крае (1917–1920 гг.). Сб. документов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 355 с.

1967

45 лет со дня основания Центрального государственного архива Коми АССР // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.55–57. (В соавторстве).

1969

415 лет селу Глотова // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.12–15.

Селу Троицко-Печорску 255 лет // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.15–20.

40 лет со дня образования Северного края // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.39–43.

Федор Степанович Чумбаров-Лучинский (к 70-летию со дня рождения) // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.55–61.

50 лет со дня начала героической борьбы партизан Извайльской волости // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.72–79.

1970

Селу Летке 325 лет // Календарь памятных дат Коми АССР. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.26–28.

Павел Иванович Покровский (к 75-летию со дня рождения) // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.89–92.

Селу Важгорт 480 лет // Календарь памятных дат Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.21–25.

История индустриализации северного района (Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР). 1926–1941 гг. Сб. документов. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во. 670 с. (Составитель; совместно).

1971

Образование Коми автономной области. Сб. документов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 223 с. (Составитель; совместно с В.Н.Давыдовым).

Положение рабочих Кажимских заводов во второй половине XVIII в. // Ленинская национальная политика в действии (Тезисы докладов и сообщений на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР). Сыктывкар. С.103–104.

1973

Коми комсомол в документах Сб. документов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. 141 с. (Археографическая обработка).

1975

Сереговский соляной завод во второй половине XVIII в. Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX вв.). Сыктывкар. С.37–50. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 16).

1978

Коми край в период дальнейшего развития феодально-крепостнического строя и зарождения буржуазных отношений (XVIII в.) // История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.69–88.

Яренск. (Исторический очерк). Л.: Наука. 112 с.

1980

Город Усть-Сысольск в период разложения и кризиса крепостнического строя // История Сыктывкара. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. С.23–36.

ПУБЛИКАЦИИ В.В.ПОЛИТОВА В ГАЗЕТАХ

1964

Об одном стихотворении И.А.Куратова («С собакой», опубликованном в «Вологодских губернских ведомостях»). К 125-летию со дня рождения И.А. Куратова // Красное знамя. 28 мая.

Живой голос документа (Архивные документы – источники сведений о трудовой и культурной деятельности народов) // Красное знамя. 15 ноября.

1967

Нювчимские бунтари (Волнения работных людей на Нювчимском заводе в 1774 г.) // Красное знамя. 15 апр.

Эхо пугачевщины на Вычегде // Вперед. 4, 8 июля.

Равная среди равных // Красное знамя. 5 сент.

1969

Это было в 1633 году // Молодежь Севера. 12 сент.

1970

Бунт (О выступлении коми и русских крестьян против Яренского воеводы в 1636 г.) // Молодежь Севера. 23 янв.

Соляной бунт // Красное знамя. 8 февр.

1971

Помогая друг другу (О помощи коми народа голодающему Поволжья в 1921–1922 гг.) // Югид туй. 23 марта.

Вековые связи // Югид туй. 19 авг.

Сельское зодчество (О книге Л.Н.Жеребцова «Крестьянское жилище в Коми АССР») // Красное знамя. 2 дек.

1973

По Вычегде и Северной Двине // Заря. 23 июня (В соавторстве с Н. Калашниковым).

По Вычегде и Северной Двине // Новая жизнь. 30 июня (В соавторстве с Н. Калашниковым).

Увидеть красоту прибрежных северных мест // Звезда. 7 июля. (В соавторстве с Н. Калашниковым).

1976

Была ли «Екатеринская просека» // Красное знамя. 16 мая.

По древнему торговому пути. По Северо-Екатеринскому каналу // Красное знамя. 20 окт.

«... село сие в особливом почтении» (Об истории создания г.Усть-Сысольска) // Красное знамя. 15 нояб.

1978

Улицы – летопись города // Красное знамя. 11 янв.

1979

Годы большой жизни: к 200-летию Сыктывкара // Югид туй. 5, 9 мая.

ЛИТЕРАТУРА О В.В. ПОЛИТОВЕ И ЕГО РАБОТАХ.

Шуктомов П.И. Борьба за власть Советов в Коми крае // Вопросы истории КПСС. 1967, №5. С.129–130.

Серов П. По поводу одной книги // Красное знамя. 1967, 22 нояб.

Зыкин В. Таким было начало // Красное знамя. 1971, 21 авг.

141 страница истории // Молодежь Севера. 1973, 26 сент.

Чистяков В. Переключка поколений // Красное знамя. 1974, 19 янв.

Турьев Г. Переключаются годы // Войвыв кодзув. 1974, №7. С.53-55.

Виноградов Л. Летопись славных дел // Вопросы истории КПСС. 1974, №9. С.144–148.

Тугулуков Н. Переключка поколений // Красная Печора. 1978, 18 нояб.

Александров А. Книга о Яренске // Красное знамя. 1979, 4 мая.

Политов Валентин Васильевич // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2000. С.138.

Составители В.И. Чупров, М.В. Хайдуров

ВВЕДЕНИЕ

Историческая наука всегда уделяла большое внимание изучению вопросов экономической жизни общества, что вполне закономерно. Изучение производства во всем сложном и противоречивом процессе его возникновения и развития, изучение условий труда и жизни производителей являются одной из главных задач историков.

Трудами отечественных историков на основе изучения комплексов архивных документов выяснены многие важные вопросы из истории российской промышленности в период перехода от феодализма к капитализму. Такие вопросы как общий размер и динамика отдельных отраслей крупного производства, условия их возникновения и существования на различных этапах, технико-экономические показатели отдельных заводов, связи с внутренним и внешним рынком, источники и пути формирования рабочей силы, организация труда, положение трудящихся и их классовая борьба, экономическая политика государства нашли свое принципиальное и обстоятельное освещение в целом ряде фундаментальных исследований [1]. В то же время в существующей исторической литературе проблема генезиса капитализма, формирования и развития промышленности применительно к Коми краю и ряду других национальных окраин не нашла еще полного разрешения. Поэтому, несмотря на то, что наша работа ограничена территориальными и хронологическими рамками, она в известной мере примыкает к широкой проблеме генезиса капитализма в России.

Из дореволюционной литературы мы можем почерпнуть чрезвычайно мало данных о развитии мелкого и крупного производства в Коми крае XVIII века. В 1896 г. в Петербурге опекунским правлением по делам наследников Д.Бернадаки была издана небольшая популярная брошюра под названием «Кажимские заводы наследников Д.Е.Бернадаки в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии». В брошюре с целью показать «полезную деятельность» опекунского управления кратко описано производственное оборудование того времени Кажимского, Нювчимского и Нючпасского заводов, их производительность, рынок сбыта продукции. Все эти данные касаются в основном пореформенного периода. Работа не выдерживает серьезной критики, т.к. лишена исследовательского характера*. В статье В.Боголюбова «Экономический быт крестьян северного края по крестьянским наказам в Екатерининскую комиссию 1767 г.» затронуты вопросы социально-экономического развития северных

* Следует отметить, что данная публикация и не претендовала на исследовательский характер; ее, скорее, следует рассматривать как источник по истории Кажимских заводов. (Прим. ред.).

уездов, в том числе и Яренского, включая вопросы о развитии и распространении крестьянских промыслов, отходничества и торговли [2]. Ограниченный круг источников и обширные территориальные рамки исследования не позволили автору дать более полную картину состояния крестьянской промышленности в Коми крае в рассматриваемый период.

Значительно больше сведений по этому вопросу имеется в советской литературе. В экономическом и краеведческом журнале «Коми му» («Зырянский край») № 4-6, 7-10 за 1924 г. и № 11 за 1925 г. была опубликована статья местного краеведа и общественного деятеля А.Анисимова «Кажимские горные заводы (К материалам по истории горнозаводской жизни в Коми области)». Фактически статья посвящена одному Нювчимскому заводу, других заводов она почти не касается. Работа предпринята автором с целью доказать перспективность дальнейшего развития Кажимских горных заводов для Коми автономной области, пришедших в упадок и оставшихся все более нерентабельными*. Исторический экскурс в XVIII век, предшествующий этим рассуждениям, имеет, таким образом, подсобное значение и базируется на устных преданиях, почти не опираясь на архивные источники. В нем приводятся краткие сведения о возникновении Нювчимского завода, биографические данные о его владельцах. Больше освещается развитие завода в пореформенный период. В статье много методологических и фактических ошибок, неточностей. Причины возникновения заводов автор путано объяснял распоряжениями правительства «оживить дикий край». Оценки автора иногда не соответствуют им же приводимым фактам. Приписывая тому или иному заводовладельцу заботу о рабочих, он тут же приводит факты нищеты и бесправия заводских жителей. Ввиду того, что те немногие сведения, которые содержатся в статье Анисимова без указания на источник, нами собраны из различных архивных фондов, статья не использована при написании диссертации.

В 1932 г. появилась общая работа по истории Коми края под названием «Очерки истории народа коми (зырян)» Н.И.Ульянова [3], где автор сделал попытку с марксистских позиций дать сжатый систематический очерк истории коми с древнейших времен до начала 30-х годов. Подвергая острой критике «буржуазные» и «буржуазно-националистические» истории коми народа (биармийскую теорию, теорию отсутствия у коми классов и классовой борьбы и т.д.), Н.И.Ульянов показывает историю коми как закономерный естественно-исторический процесс смены общественно-экономических формаций, как историю народных масс, классов и классовой борьбы, как неразрывную часть общей истории народов России.

* В настоящее время из трех заводов действует только один завод Нювчимский в поселке Нювчим Сыктывдинского района. (Здесь и далее, кроме оговоренных особо и выделенных курсивом, примечания В.В.Политова).

Но вместе с тем автор и сам оказался не чужд некоторым «разоблачившимся» им так называемым «националистическим взглядам»: критикуя колонизаторскую политику самодержавия, он не замечает прогрессивного значения вхождения Коми края в состав России, благотворного влияния русской культуры на коми.

Иногда автор допускает ошибочные выводы. Идеализируя прошлое народа коми, он считает XVIII век шагом назад по сравнению с XV–XVII веками, с чем нельзя согласиться. Говоря об экономическом развитии края, он пишет, что Кажимские заводы прошли в своем почти двухстолетнем развитии через все стадии, начиная с посессионной мануфактуры до промышленно-капиталистической фабрики новейшего типа [4]. Недостатком работы Ульянова так же является ее узкая историкоэкономическая база, схематизм в изложении многих важных вопросов. Непосредственное развитие производительных сил края выпало из поля зрения автора и осталось неосвещенным.

В 1933 г. вышла вторая обобщающая работа – двухтомный труд В.М.Подорова, где рассматривалась как единое целое история коми-зырян и коми-пермяков [5]. Уже сама по себе такая постановка вопроса неверна, так как нельзя рассматривать огромную территорию, населенную коми-зырянами и коми-пермяками, как единое целое. Уже в XVIII веке существовала значительная разница в экономическом развитии не только этих двух крупных групп народа коми, но и внутри каждой группы**. При изложении событий и фактов, относящихся к XVIII веку, автору присущ тот же недостаток, что и его предшественнику. Ограниченный круг архивных материалов и их слабый анализ обусловил известную поверхность характеристики социально-экономического развития края в XVIII веке. Отводя главное внимание описанию различных форм землевладения, автор выпустил из виду такой важный вопрос как развитие производства.

Некоторые краткие сведения о Кажимских заводах имеются в работе П.Г.Любомирова, который справедливо относил их к предприятиям, «имеющим краевое значение» [6].

*** С этим утверждением В.В.Политова вряд ли можно безоговорочно согласиться: ни размеры территории, ни отличия в уровне экономического или иного развития отнюдь не исключают возможность и целесообразность разработки общего труда по истории коми-зырян и коми-пермяков. Суждение В.В.Политова можно признать отчасти справедливым лишь в том смысле, что уровень развития исторической науки в регионах в начале 1930-х гг. не позволял в то время с должной полнотой и обстоятельностью обобщить сложные и противоречивые процессы исторического развития двух близких народов в единой работе. (Прим. ред.).*

Наиболее значительным явлением в историографии Коми АССР в 50-е годы был выход в свет первого тома «Очерков по истории Коми АССР» – обобщающего фундаментального труда, авторский коллектив которого составляли главным образом сотрудники Института истории АН СССР. В «Очерках» на основе прочной источниковедческой базы прослеживаются важнейшие этапы и направления развития истории Коми края с древнейших времен до победы февральской буржуазно-демократической революции. Глава пятая «Развитие крепостничества и зарождение капиталистических отношений на территории Коми края (конец XVII – конец XVIII вв.)» написана Н.Ф.Демидовой. Характеризуя в целом хозяйство Коми края, Н.Ф.Демидова уделила достаточное внимание и развитию промышленности [7]. Автор приводит ценный фактический материал, дающий представление о возникновении и развитии в крае крупных купеческих железоделательных мануфактур, о Сереговском солеваренном промысле. К сожалению, развитие крестьянских неземледельческих промыслов, которые во многом предопределили экономические сдвиги в направлении капиталистической эволюции, остались нераскрытыми. Отдельные вопросы, связанные с комплектованием рабочих кадров на заводах края, организацией производства тоже требуют уточнения. На них мы остановимся ниже. Слабо раскрытой осталась и классовая борьба заводского населения.

Вопросы истории народа коми в XVIII веке получили освещение так же в обобщающем труде Института истории Академии наук «Очерки истории СССР». В томе, посвященном второй четверти XVIII века, в главе «Народы Севера» имеется раздел Н.Ф.Демидовой о коми народе во второй четверти XVIII века [8]. Говоря о росте общественного разделения труда, Н.Ф.Демидова выделяет в крае два района: промысловый север и земледельческий юг. В томе, относящемся ко второй половине XVIII в., имеется соответствующий раздел Н.В.Устюгова [9]. В 1972 г. вышла монография этнографа Л.П.Лашука «Формирование народности коми», в которой в обзорном порядке (§ I, глава III) прослеживается развитие хозяйства и экономических связей края в XVII–XVIII вв. [10]. Таково освещение данного вопроса в общих печатных работах.

Когда речь идет об отдельных исследованиях, посвященных заводской промышленности края, нельзя обойти вниманием вклад, который внесли в изучение данной проблемы В.Г.Гейман и Н.В.Устюгов. В.Г.Гейман в статье «Соляной промысел гостя И.Д.Панкротова в Яренском уезде XVII в.» [11] на основе обнаруженных им новых документов, писем приказчика промысла Шергина впервые рассматривает вопросы техники и организации производства, рабочей силы на Сереговском солеваренном заводе. По его мнению, соляной промысел в Серегове является «предприятием фабрично-заводского типа, пользующимся наемным трудом свободных рабочих» [12]. Ими становились крестьяне прилегающих к заводу волостей Яренского уезда, вынужденные в поисках денег оставить занятие

земледелием и продавать свой труд. Статья В.Г.Геймана – одна из первых работ, относящих элементы зарождения капиталистических отношений к XVII веку.

Н.В.Устюгов в статье «Из истории борьбы чернососных крестьян против приписки к промышленным предприятиям» [13] впервые изложил долгую и очень запутанную историю приписки чернососных крестьян трех вымских волостей к соляному промыслу Панкратьевых в начале XVIII в., показал их упорство в борьбе с хозяевами за возвращение в свое прежнее состояние.

В 1957 г. вышла книга Б.Я.Розена под обобщающим названием «Северная соль» [14], где истории развития Сереговского завода («заводу первой величины», как его называет автор), его подъему и «закату» отводятся соответствующие разделы. Автор наряду с архивными документами привлек планы и чертежи. К сожалению, отсутствие ссылок на источники снижает ценность этой интересной работы. В монографии А.К.Трошина, посвященной начальному периоду развития нефтяной техники в России [15], приводятся краткие введения о нефтяном промысле архангельского купца Ф.С.Прядунова на р. Ухте. В конце книги приложены документы – экстракт из дела Берг-Коллегии о нефтяном заводе Прядунова на р. Ухте в 1745–1751 гг.

Кандидатская диссертация Я.А.Балагурова «Очерки по истории Кажимских горных заводов» – первое по времени самостоятельное исследование о возникновении и развитии в Коми крае крупных форм промышленности. Автор использовал материалы Центрального государственного архива Коми АССР*, государственные архивы Вологодской и Кировской областей, опубликованные литературные источники, периодическую печать. Диссертация состоит из двух частей. Первая часть из пяти глав посвящена дореформенному периоду. Вторая часть – из семи, охватывает пореформенный период и доведена до Октябрьской социалистической революции. Вся работа, как отмечает сам автор, предпринята с целью «во-первых, внести посильную лепту в дело создания истории заводов и, во-вторых, дать материал по истории коми народа, развитие которого происходило в постоянном контакте с русским народом. В силу последнего обстоятельства в очерки введено описание ряда фактов, не имеющих прямого отношения к истории заводов». Многоплановый характер диссертации, обилие вопросов, поднятых автором, не оставили место для более полного и глубокого освещения проблемы промышленного развития края во второй половине XVIII в. Первая глава, рассматривающая заводы на первой стадии их развития, напоминает скорее прелюдию к истории заводов в последующем столетии. В главе дано описание хронологии возникновения Кажимских заводов, их рудной и лесосырьевой базы, на основании ревизских сказок анализируется

* *Ныне – Национальный архив Республики Коми. (Прим. ред.).*

состав рабочей силы. Справедливой критике подвергнут В.М.Подоров за несостоятельное утверждение, что к заводам на посессионном праве были прикреплены Благовещенская, Вильгортская и другие прилегающие волости и что крестьяне этих волостей были заводскими крепостными. В то же время сомнительны некоторые причины, которыми Я.А.Балагуров объяснял причины возникновения Кажимских заводов: железный голод в стране, потребность металла в связи с активной внешней политикой правительства. Материалы Центрального государственного архива Коми АССР, использованные автором, даны со ссылками по описям 1920-х 30-х годов и не соответствуют современному научно-справочному аппарату архива.

Позднее попытку отдельно проследить уровень промышленного развития Коми края, то, как возникали и развивались первые формы капитализма в промышленном производстве в дореформенный период, сделала на материале местных архивов и опубликованных источников Т.И.Беленкина в статье «Развитие промышленности в Коми крае в конце XVIII – первой половине XIX вв.» [16]. Автор полагает, что промышленное производство в рассматриваемый период находилось на первых ступенях развития и в большинстве случаев сохраняло тесную связь с земледелием.

В статье Д.Д.Балуевой «Имущественное расслоение и развитие отходничества в коми деревне в середине XVIII в.» анализируется такое явление как отходничество у коми крестьян [17]. Автор приходит к выводу, что непосредственный производитель еще не оторвался окончательно от средств производства и что коми крестьяне в середине XVIII в. относительно редко превращались в постоянных наемных работников.

Таким образом, история промышленного развития Коми края в XVIII веке до настоящего времени остается мало изученной*.

Источниковедческой базой работы явились материалы, отложившиеся в пяти архивах: Центральном государственном архиве древних актов

* Уже после смерти В.В.Политова появилось несколько публикаций по истории Сереговского и Кажимских заводов, Ухтинского нефтепромысла в основном научно-популярных: брошюра И.Л.Жеребцова и Д.А.Несанелиса «Четыре века истории» (Сыктывкар: Коми отделение ВООПИК, 1990), статья М.А. Мацука «Заводы в верховьях Сысолы» (Вестник политической информации. 1989. №6), буклет Н.П.Юшкина и М.А.Мацука, посвященный Нювчимскому заводу, и нек.др. Особого упоминания заслуживают обстоятельнейший сборник документов «Архивы гостей Панкратьевых XVII–начала XVIII в.» (М., 2001. Т. 1), содержащий богатую информацию о Сереговском сользаводе, и сборник документов и материалов «Нефть и газ Коми края» (Сыктывкар, 1989). Тем не менее основной вывод В.В.Политова о недостаточном освещении истории промышленного развития Коми в XVIII в. остается справедливым. (Прим. ред.)

(ЦГАДА)*, Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР)**, Государственном архиве Архангельской области (ГААО), Государственном архиве Вологодской области (ГАВО), Центральном государственном архиве Коми АССР (ЦГА Коми АССР)***. В ЦГА Коми АССР материалов по теме исследования сохранилось немного, и они носят косвенный и отрывочный характер. В основном это дела Усть-Сысольского и Яренского судов, а также переданные из ЦГАДА в 1965 году материалы Усть-Сысольской нижней расправы.

Из ЦГАДА использованы документы, отложившиеся в фондах Берг-Коллегии, Главной соляной конторы, Сената, Яренской Воеводской канцелярии, Усть-Сысольской и Яренской таможен, а также Экономические примечания к генеральному межеванию по Яренскому и Усть-Сысольскому уездам Вологодской губернии.

В фонде Берг-коллегии, основанной в 1719 г., просуществовавшей с некоторыми перерывами до начала XX века, отложилось огромное количество дел, освещающих различные стороны горнозаводской промышленности России, формирование рабочих кадров и их борьбу против феодального строя. Однако следует указать, что документов о частных заводах по сравнению с казенными сохранилось гораздо меньше, и они весьма скупо освещают внутреннюю организацию производства, его оборудование, сбыт продукции, состав рабочей силы. По интересующим нас вопросам в фонде сохранились указы Берг-коллегии Яренской воеводской канцелярии, разрешающие постройку Нювчимского, Кажимского и Нючпасского «железододействуемых» заводов, табели заводских контор со сведениями о выплавке чугуна, купчие крепости на покупку к Нювчимскому заводу крепостных, рапорты и переписка о выполнении военных заказов и другие материалы. В этом же фонде нам удалось обнаружить хорошо сохранившиеся планы Нювчимского и Кажимского заводов, составленные унтер-шахмейстером А.С.Ярцевым, будущим известным металлургом и начальником Олонецких горных заводов.

После упразднения в 1775 г. Берг-коллегии заводы на местах были переданы в ведение губернских казенных палат, поэтому часть материалов

* Ныне Российский государственный архив древних актов. Далее в сносках будет употребляться сокращение современного названия архива – РГАДА. (Прим. ред.).

** Ныне Российский государственный исторический архив. Далее в сносках будет употребляться сокращение современного названия архива – РГИА. (Прим. ред.).

*** Ныне Национальный архив Республики Коми. Далее в сносках будет употребляться сокращение современного названия архива – НАРК. (Прим. ред.).

с заводской промышленности края (до 1796 г., года восстановления Берг-коллегии)* отложилась в фонде Вологодской казенной палаты ГАВО.

В фонде Главной соляной конторы отложились материалы, свидетельствующие о развитии старейшего в Коми крае Сереговского солеваренного промысла в условиях господства государственной соляной монополии, о поставке и колебаниях спроса на соль.

Из фонда Сената нами использованы документы о борьбе крестьян трех вымских волостей с владельцами Сереговского промысла гостями Панкратьевыми.

В фонде Яренской воеводской канцелярии имеется свыше двух тысяч дел, отображающих разностороннюю деятельность этого учреждения, действовавшего на территории края с 1727 по 1780 г. Определенный интерес представляют журналы, протоколы и определения канцелярии. Воевода единолично или со своим помощником, «товарищем», ежедневно давал распоряжения по наступающим свыше указам и решал челобитчиковы и судебные дела. На рассмотрение воеводы представлялись «докладные выписки» из дел, по которым он выносил приговор. Жалобы крестьян на заводовладельцев, точно так же как жалобы заводовладельцев на «забравшихся в долг» крестьян и не являющихся на завод, являются ценным источником для изучения положения этой группы трудящихся. В протоколах же канцелярии зафиксировано выступление работных людей на Нювчимском заводе в 1774 г.

Материалы Яренской и Усть-Сысольской таможен, относящиеся к торговым занятиям крестьян, их связям с рынком, интересны тем, что они указывают на промысловые занятия сельского населения. Из ассортимента зарегистрированных товаров можно выделить некоторые изделия мелкого товарного производства. К сожалению, указанная группа документов сохранилась в фондах крайне неполно, а поэтому ясного и полного представления о промысловых занятиях крестьян мы получить не можем.

Из материалов ЦГИА СССР мы использовали документы фондов Канцелярии генерал-прокурора и департамента горных и соляных дел. В фонде канцелярии генерал-прокурора среди судебных дел немало дел о наследстве и об опеке. Для нас наибольший интерес представляют дело об опеке малолетнего наследника Сереговского завода Ивана Рыбникова. Здесь представления, прошения наследника, переписка вологодского губернского прокурора Борноволокова с генерал-прокурором Беклешовым и министром юстиции Г.Р.Державиным о махинациях с солью опекунов, вологодских купцов Митрополовых. Дело об опеке Сереговского завода,

* Согласно работе Н.И.Павленко «Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.» (М., 1953) и «Большой советской энциклопедии» (т. 3), Берг-коллегия действовала в 1719–1731, 1742–1783 и 1797–1807 гг. (Прим. ред.).

начавшееся в Вологодском сиротском суде, закончилось высшими инстанциями.

Из фонда Департамента горных и соляных дел извлечено дело с витиеватым названием: «По постановлению горного совета о собрании сведений на каком основании отдан Сереговский завод в частное содержание и на каком основании приписаны к нему крестьяне». И хотя оно датировано 1815 годом, но отображаемые в нем перипетии имели место в XVIII и даже в XVII веке. Здесь запросы Департамента вологодскому губернатору, переписка последнего с казенной палатой, объяснительные записки владельцев Сереговского завода. В номенклатуру дела вошли копии жалованных грамот первым владельцам Серегова Усоля и выписки из писцовых и переписных книг. Все эти документы дают нам возможность сквозного выявления способа приобретения купцами рабочей силы, определить характер эксплуатации их труда. В ГААО необходимые для данной темы материалы содержатся в фондах Яренского городского магистрата, Яренской нижней расправы, Архангельском губернском правлении. В первом фонде сохранились в небольшом количестве записи различных сделок, при заключении которых в магистрате взимались пошлины, договоры крестьян с подрядчиками о найме и некоторые другие материалы. Интересны, но до сих пор мало использованы исследователями документы второго фонда, насчитывающего 1540 единиц. Среди судебных и опорных дел особенный интерес представляют неизвестные еще материалы о волнении в 1788 г. на Сереговском Заводе.

Из фонда Архангельского губернского правления мы использовали документы о заготовке в Коми крае корабельных лесов, о строительстве здесь первых лесопилок («пильных мельниц»).

При просмотре фондов Архангельской казенной палаты нам удалось выявить интересный источник – «судовую книгу» Сереговского завода с записями расходов за доставку соли водным путем. К сожалению, дальнейшие поиски подобных книг ни к чему не привели. Очевидно, в этом фонде она оказалась случайно. Наконец, в фондах Вологодского наместнического правления, Вологодской казенной палаты ГАВО тоже отчасти сохранились документы, касающиеся нашей темы. В упоминаемых фондах есть отдельные статистические данные о выплавке чугуна на сысольских заводах, о занятиях крестьян разработкой брусяного и точильного камня на Печоре и другие материалы.

Общим недостатком используемых нами архивных материалов является их разобщенность, отрывочный характер заключенных в них сведений, которые не всегда дают возможность воссоздать полную картину, в одинаковой мере осветить все интересующие нас вопросы.

Из опубликованных источников мы использовали указы крестьян в «Комиссию о сочинении нового уложения» 1767 г., напечатанные в сборнике Русского исторического общества (в дальнейшем – Сб.РИО) [18],

Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем – ПСЗ), путевые заметки И.И.Лепехина [19] и П.И. Челищева [20]. Краткие сведения о заводах Коми края приводятся также в «Генеральном описании о монетных дворах, литейных и всех горных заводах», составленном Берг-Коллегией в 1797 г., опубликованном Государственным архивом Свердловской области [21].

Литература и источники.

1. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М.: Госполитиздат, 1974; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954; Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVIII веке. М., 1957; Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России I половины XVIII в. М., 1958; О первоначальном накоплении России XVII-XVIII вв. М., 1958; Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII вв. М., 1970; Рабинович Г.С. Город соли – Старая Руса в конце XVI-середине XVIII вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. *(Названы только те крупные труды, которые были изданы к концу 70-х гг., т.е. ко времени написания В.В.Политовым текста своей работы. – Прим. ред.)*.
2. Боголюбов В. Экономический быт крестьян северного края по крестьянским наказам в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. // Ученые записки императорского Казанского университета. Казань, 1913. Кн. I.
3. Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми (зырян). М.: Партиздат, 1932.
4. Там же. С. 91.
5. Подоров В.М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар: Коми госиздат, 1933. Т. 1, 2.
6. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М.: Госполитиздат, 1947. С. 415.
7. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 150–179.
8. Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 639–646.
9. Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая четверть. М., 1957. С. 583–590.
10. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
11. Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1929. Вып. 35. С. 11–38.
12. Там же. С. 30.
13. Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика Анны Михайловны Панкратовой. Сборник статей. М., 1958. С. 73–80.

14. Розен Б. Северная соль. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1957.
15. Трошин А.К. История нефтяной техники в России (XVII в. – вторая половина XIX в.). М., 1958. С. 8–9, 79–82.
16. Беленкина Т.И. Развитие промышленности в Коми крае в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ученые записки Коми государственного педагогического института. Сыктывкар, 1963. Вып.2. С. 3–27.
17. Балуева Д.Д. Имущественное расслоение и развитие отходничества в коми деревне в середине XVIII вв. // О первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. М., 1958. С. 222–242.
18. Сборник Русского исторического общества. Т.123.
19. Лепехин И. Дневные записки путешествия. СПб., 1814. Ч. III.
20. Челищев П. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886. С.187.
21. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Сборник документальных материалов. Свердловск, 1956. С. 80, 82, 92.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМИ КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

§1. Население, административно-территориальное устройство и управление.

В начале XVIII в. основная территория, заселенная народом коми, охватывала бассейны рек средней и верхней Вычегды, верхней Мезени и Печоры и входила в состав созданной в 1708 г. Архангелогородской губернии*. В 1719–1720 гг. при разделе губернии на три провинции часть края вошла в Устюжскую провинцию, часть – в Архангелогородскую**. Провинции в свою очередь делились на уезды. Уезды делились на более мелкие административные единицы – волости. На территории края равнозначными волости были и другие названия – погост, треть, слободка. В 1700 г. Подъячому Новгородского приказа было велено описать три вымских волости, Турецкую, Княжпогостскую, Ляльскую. В описи значилось «волость или треть Княжпогостская с деревнями» [1]. Перекраивая административную карту империи, не считались с национальным составом населения. Коми край в административном отношении неравномерно был поделен между четырьмя уездами: Яренским, Сольвычегодским, Мезенским и Пустозерским***.

Основное ядро формирующейся народности коми-зырян проживало в пределах Яренского уезда Устюжской провинции: вычегжане, вымичи, удоряне, сысоляне, отражающие в своих названиях прежний, характерный для XVII в., порядок деления населения «по землям». Уезд охватывал юго-

* В Архангелогородскую губернию вошли только населенные коми земли по верхней Лузе (бассейн р. Юг) и частично по верхней Летке (бассейн Камы), а также территории по средней и нижней Печоре и Ижме (кроме верховьев), где существовало лишь одно коми селение – Ижемская слободка. Основная часть Коми края вошла в Сибирскую губернию. В.В.Политов в данном случае опирался на ошибочную информацию, содержащуюся в «Очерках по истории Коми АССР» (т. 1, Сыктывкар, 1955). (Прим. ред.).

** При реформе 1719 г. входившая в Сибирскую губернию территория Коми края в бассейнах Вычегды и Печоры и Мезени была передана в Устюжскую провинцию Архангелогородской губернии. (Прим. ред.).

*** Не совсем точно говорить, что Коми край был «поделен между четырьмя уездами». Во-первых, в Мезенский уезд земли Коми края вошли только после упразднения Пустозерского уезда (1780 г.). Во-вторых, в названный В.В.Политовым четыре уезда входила основная часть современной территории республики, но не вся. Ряд коми селений на верхней Летке относился к Хлыновскому, а позднее Орловскому уездам, верховья Печоры относились к Чердынскому уезду. (Прим. ред.).

западные районы края по течению Вычегды, Выми, Сысолы, верховья Мезени и Вашки, а также частично верхнее течение Печоры. В дальнейшем наше внимание будет сосредоточено прежде всего на этом уезде.

В состав Пустозерского и Мезенского уездов Архангелогородской провинции входили северо-восточные районы, расположенные по течению рек Печоры, Усы, Ижмы, Цильмы. Это были пустынные, почти незаселенные районы. Бывшая Лузская Пермца, территория на юге края по рекам Лузе и Летке, относилась к Сольвычегодскому уезду.

Наиболее заселенным был Яренский уезд. Огромные лесные массивы, бездорожье заставляли жителей расселяться по берегам рек. Они же и давали название той или иной группе жителей: вычегжане, сысольцы, вишерцы. Несколько близлежащих волостей объединялись опять же по географическому признаку, в одну группу, под общим названием. В одном из донесений Яренской воеводской канцелярии в Архангелогородскую губернскую канцелярию все волости Яренского уезда подразделялись условно на 6 групп: Низовские, Верховские, Вымские, Удорские, Сысольские, Верхневычегодские.

В первую группу, Низовские волости, были включены волости от г. Яренска и дальше вверх по течению Вычегды до Жешартской волости (за пределами современных административных границ Коми). Это были 12 волостей с русским населением. Дальше располагались группы волостей, население которых было коми. Вторая группа, четыре Верховские волости, была расположена на Вычегде, начиная от Жешартской волости до впадения в нее реки Вымь: Жешартская, Гамская, Шежамская, Оквадская. Далее шли Вымские волости: Усть-Вымская, Княжпогостская, Турецкая, Ляльская, Серегово усолье. Четвертая группа волостей располагалась в междуречье верховий Мезени и Вашки под названием Удорских. К ним относились Глотова слободка, Косланский погост, Пысский погост, Вендингский погост, Важгортский погост, Низовская треть.

Волости вверх по Вычегде, от впадения в нее р. Выми до впадения р. Сысолы, а также все волости по реке Сыsole объединялись в группу Сысольских волостей. Сюда входило 20 волостей: Коквицкая, Палевицкая, Часовская, Зеленецкая, Усть-Сысольская, Вильгортская, Шешкинская, Пажгинская, Гарьинская, Ибская, Межадорская, Вотчинская, Визингская, Чукайбская, Киберская, Пыелдинская, Палаузская, Гривенская, Ужгинская, Койгородская. Это была наиболее населенная часть края.

В последнюю шестую группу входило 12 волостей, расположенных в верховьях рек Вычегды и Печоры: Корткероская, Небдинская, Вишерская, Подбельская, Деревянская, Усть-Куломская, Керчомская, Усть-Немская, Мыелдинская, Печорская, Пожегодская, Помоздинская.

Как по занимаемой территории, так и по количеству населения волости были различны. По 2-ой ревизии (1747 г.) самой населенной волостью была Усть-Сысольская, где насчитывалось 1091 душа мужского пола (д.м.п.) Значительное количество населения жило в Шежамской волости (792

д.м.п.) и в Корткеросской (755 д.м.п.). Минимальное количество населения (70 д.м.п.) отмечено в Гривенской волости [2]. Административным центром волости было село, называвшееся чаще всего погостом. Академик И.Лепехин, путешествовавший по Коми краю в 70-х годах XVIII в. писал: «В Архангелогородской губернии все государственные крестьяне разделены на волости, в коих село составляет главное место, и в коем живет волостной староста и надсматривает не только над своим селом, но и над лежащими в окружности его деревнями. В нем разбираются и мелочные крестьянские распри» [3].

Основную часть населения Коми края в XVIII в., как и в предыдущем, составляли государственные крестьяне. Разряд государственных крестьян юридически окончательно оформился в 20-х годах XVIII в. Выискивая новые дополнительные источники государственных доходов, правительство обложило крестьян «которые не за помещики», в том числе и коми, дополнительным подушным побором по 40 коп. с души. Крестьяне, платившие этот «четырёхгривенный» оклад и находившиеся в феодальной зависимости от самодержавно-крепостнического государства, объявлялись государственными крестьянами [4]. В Коми крае в 20-х годах XVIII в., по данным первой ревизии, они составляли 20282 чел., по второй ревизии – 20878 [5]. Другую малочисленную группу составляли крестьяне вотчины Вологодского и Белозерского архиепископа: Усть-Вымской, Коквицкой и Вожемской волостей, которых в 1720 г. насчитывалось 1216 чел., в 40-х годах XVIII в. – 1518 чел. Указ 1764 г. о секуляризации церковных имуществ выделил этих крестьян в новую категорию «экономических». В 1780 г. их число составляло 1598 д.м.п. [6].

По национальному составу население края было почти однородным. В официальных источниках, дающих суммарную характеристику этнического состава населения, всегда употребляется название «зыряне». Однако на территории Коми края имелись отдельные очаги и русского населения: около Усть-Выми, где, как говорилось, находились домовые вотчины вологодского епископа, около Кажимских горных заводов на Сысоле, Сереговского завода на Выми, владельцами которых были русские купцы. В районе Усть-Цильмы на нижней Печоре наряду с русскими и коми жили также ненцы. Русским по составу населения был город Яренск*. В целом русское население края было немногочисленным. Тем не менее Коми край был с древних пор связан с русскими областями. В XVIII в. он был административно объединен с русскими волостями. С давних времен край поддерживал тесные торговые отношения с соседними русскими областями, а сама территория Коми края, через которую проходили торговые пути, являлась связующим звеном между Сибирью и русскими центральными областями.

* Яренск находится вне пределов Коми республики, т.е. вне границ Коми края, которые обозначал В.В.Политов в начале главы. (Прим. ред.).

В XVIII в. происходит дальнейшее заселение еще не обжитых районов как на стыках старых «земель», так и соседних новых районов на севере и востоке, которые становились, таким образом, составной частью расширяющейся этнической территории коми-зырян. Так на базе переселенцев с Сысолы, Вычегды, Выми и Вишеры формируется население верхней Вычегды. К середине XVIII в. возрастает население Локчима, левого притока Вычегды, где появляется ряд новых населенных пунктов. В первой половине века появляются небольшие починки в самом глухом юго-восточном углу Верхневычегодского района в бассейне Северной Кельтмы. За счет миграции крестьян с верхней Вычегды заселяется верхняя Печора [7].

Все административные изменения и преобразования, проводившиеся правительством в первой четверти XVIII в. в области управления, соответственно происходили и в Коми крае. До губернской реформы 1708 г. край находился в ведении центральных учреждений, и все сношения велись непосредственно с Москвой. Петр I, в 1708 г. создав губернии, подчинил местную администрацию губернским учреждениям в Архангельске. В начале XVIII в. в Яренске по-прежнему находилась приказная изба во главе с воеводой, облаченным широкой административной и судебной властью. Воевода ведал раскладкой и сбором податей с населения. В распоряжении воеводы, кроме приказных, были яренский земской бурмистр, ведавший посадскими делами, а также таможенный и кружечный дворы. В 1703 г. была организована еще одна приказная изба в Усть-Сысольском погосте. В Усть-Сысольске существовали также таможенный и кружечный дворы. В погостах находились земские избы. Все эти учреждения были подчинены яренскому воеводе [8]. В 1715 г. Яренская приказная изба была заменена ландратской канцелярией с ландратом во главе, а в 1719 г. – канцелярией земского комиссара. Земской комиссар и его канцелярия, кроме полицейских дел и сбора налогов, ведали состоянием дорог, эксплуатацией государственных имуществ, надзором за исполнением повинностей (рекрутской, постоянной и пр.). В своей деятельности земский комиссар опирался на старост, сотских и десятских и других выборных от населения низких должностных лиц.

Вторая губернская реформа 1719–1720 гг. внесла изменения и в городское самоуправление. Была создана Яренская ратуша. В ратушу избирались ратманы из «дельных и лучших в купечестве» людей, т.е. из наиболее богатых представителей городского купечества.

В 1724 г. в Яренске создается Полковой двор. Это новое низшее звено государственного управления, организованное в целях уточнения подушной полати, усиления военно-карательных средств на местах, а также содержания войск. Полковой двор также проводил рекрутские наборы и выполнял судебные функции.

В 1726–1727 гг. правительство провело контрреформу местного управления, еще более усилив власть на местах. «Всех лишних управителей, – говорилось в указе 9 января 1727 г., – и канцелярии, конторы земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить и положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод» [9]. В 1727 г. в Коми крае было вновь восстановлено воеводское управление, которое с незначительными изменениями просуществовало вплоть до реформы губернских учреждений 1775 г. Воевода единолично или совместно со своим помощником («товарищем») давал распоряжения по поступающим свыше указам, решал хозяйственные и административные дела.

Крестьяне были опутаны круговой порукой, произволом чиновников. Печальную известность своими поборами получил воевода Бурцев и находящийся при сборе податей прапорщик Кружевников. В 1762 г., не выдержав притеснений, крестьяне послали своих ходоков к архангелогородскому губернатору с коллективной челобитной, где в 16-ти пунктах говорилось о «великих, весьма несносных обидах и разорений» со стороны Бурцева [10]. Основным злом были взятки, которые были не по карману и без того бедному крестьянину. «При подаче к нынешней (третьей – В.П.) ревизии сказок, – жаловались крестьяне, – брали от волостей со 100 душ по 10 рублей, в летнее горячее время забирает крестьян до 26 человек для поставки ему на пожню сена, а сверх того заготовлять на прокормление имеющихся у него оленей моху возов по 100 в год, да и для нагреву чая и кушанья заготовлять уголье по 20 коробов без платы» [11]. Всего, по показаниям крестьян, за 1761-1763 гг. воеводой и другими должностными лицами было взято с крестьян 5805 руб. 56 коп. Злоупотребления были настолько явны, что по указу Сената Бурцев и Кружевников были лишены своих должностей [12].

В 1775 г., чтобы укрепить дворянско-чиновничий аппарат власти на местах, правительство Екатерины II приступило к проведению нового закона под названием «Учреждения для правления губерний Всероссийской империи» [13], который внес полную реорганизацию в систему местных органов управления.

Всю территорию России предписывалось разделить на 40 губерний с населением от 300 до 400 тыс. ревизских душ в каждой. Среднее звено петровских губерний – провинция – упразднялось. Губернии с новым аппаратом управления получили название наместничества. Наместничества делились на уезды с населением 20–30 тыс. ревизских душ в каждом.

Реорганизация местного управления в Коми крае по «Учреждению в губерниях» началась в 1780 г., когда было образовано Вологодское наместничество с центром в городе Вологде. Вместе с разделением Яренского уезда на два самостоятельных были организованы параллельные учреждения в Яренске и бывшем погосте Усть-Сысольске. Уездное управление было организовано также согласно «Учреждению в губерниях»

1775 г. Во главе каждого уезда стоял капитан-исправник. Главным административным органом был нижний земской суд, возглавлявшийся капитан-исправником и состоящий из заседателей, избранных о дворян и государственных крестьян. Финансовые и хозяйственные дела сосредотачивались в уездном казначействе, начальником которого был уездной казначей. Судебными органами были городской магистрат, судивший жителей уездного центра, и нижняя расправа, судившая государственных крестьян. Полицейские функции осуществлял городничий, имевшийся в каждом уездном центре. Одновременно была проведена городская реформа, которая преследовала своей целью юридически отделить богатое население городов – купцов и дворян от трудящейся массы. Органами самоуправления в городах являлись собрания «городского общества», «общая градская дума», шестигласная дума и городской магистрат.

Посадское население было разделено по буржуазному принципу на два городских сословия – купеческое и мещанское. Те, кто объявлял капитал не менее 500 руб., зачислялись в купечество, которое освобождалось от подушной подати и получало ряд прав и привилегий в торговле. Купцы ежегодно платили налог государству в размере одного процента с объявленного капитала. Посадские люди, не объявившие капитала на указанную сумму, стали называться мещанами. По своему положению они приближались к государственным крестьянам и несли общие с ними повинности. По справке Яренской воеводской канцелярии до манифеста 17 марта 1775 г. в городе насчитывалось 325 купеческих душ, а в 1776 г. «по объявлению капитала» записано было в купечество только 47 человек, а остальные 277 человек, за исключением одного убылого, были за отсутствием капитала отнесены в сословие мещан [14]. После того, как «Городовое положение» 1785 г. сумму капиталов, необходимых для записи в купечество, повысило с 500 руб. до 1000 руб., число купцов еще уменьшилось. В 1786 г. свою просьбу об упразднении в городе шестигласной думы жители Яренска мотивировали тем, что в городе «числятся купечества второй гильдии три, да третьей 15 семейств, а мещанства с престарелыми и малолетними и убылыми 250 душ» [15]. «Учреждение о губерниях» 1775 г. не внесло принципиальных новшеств в управление Коми краем: и было таким же, как и в соседних русских уездах, где жили государственные крестьяне. Отсутствие помещичьего землевладения усиливало значение местных должностных лиц – сотских и сельских старост, формально избираемых сельским миром, а фактически назначаемых сверху из зажиточных крестьян.

Как и на всех национальных окраинах, российское правительство проводило здесь русификаторскую политику. Все делопроизводство в учреждениях велось на русском языке. В судебных делах коми крестьяне вынуждены были пользоваться переводчиками. Незнание населением

русского языка, удаленность от центра создавали благоприятные условия для безнаказанного самоуправления местной администрации.

§ 2. Природные условия, состояние экономики.

Территория Коми края* расположена на северо-востоке Европейской равнины в бассейне рек Печоры, Мезени и Вычегды между 59° и 68° северной широты и 45° и 66° восточной долготы. Край простирается с севера на юг и с запада на восток более чем на тысячу километров. Для сравнения укажем, что на этой площади могли бы разместиться такие западноевропейские государства как Англия, Голландия, Дания, Бельгия и Швейцария вместе взятые. Большая протяженность в широтном и долготном направлениях, неоднородность территории по рельефу определили значительное разнообразие природных условий края, от которых во многом зависело его экономическое развитие.

Неблагоприятные в целом природные условия выражались, прежде всего, в холодном климате. В направлении с юга на север климат становится все суровее: уменьшалось количество солнечного тепла, понижалась температура. Самая северная часть Коми края, доходя почти до побережья Северного Ледовитого океана, упиралась в безлесую тундру, где, по выражению одного из документов, «зимнею порою тундра с водою смерзается». Не оставался одинаковым климат и по мере удаления на восток к «Поясовому камню» – Уралу: зима становилась холоднее, увеличивалось количество осадков.

Жалобы на суровый климат и, как следствие этого, неурожаи хлебов звучат почти во всех крестьянских наказах в Комиссию по составлению нового уложения 1767 г. Крестьяне Усть-Цилемской слободы, распложенной в низовьях Печоры, писали: «Хлебу у нас недород часть бывает для того, что у нас лето короче теплых стран, до морозу родиться не всегда может» [16].

Аналогична жалоба крестьян Косланского погоста, который расположен на Мезени. «В нашем Косланском погосте, – писали они, – за великою нашею скудостью хлеба в посеве бывает по самому малому числу и то морозом от северного воздуха ежегодно побивает» [17]. Особенно вымерзал хлеб в низких, наволочных местах. Стремясь сохранить посевы от холодного воздуха и заморозков, коми крестьянин исстари сеял хлеб на южных склонах или вершинах холмов, которые больше обогрелись солнцем. Часто за короткое лето хлеб не успевал вызревать, и перед уборкой нужно было ждать, чтобы он созрел.

«Высеём, мы высеём

* Под Коми краем В.В.Политов подразумевал территорию, входившую по современному ему административному делению в Коми АССР, т.е. нынешнюю Республику Коми. (Прим. ред.).

Полторы четверика
 Дозревать дадим мы дадим
 Полторы недели», –
 поется в старинной календарно-земледельческого цикла песне, записанной на Мезени [18].

Характеризуя северное земледелие, А.Я.Ефименко справедливо отмечала, что на десять лет считается три года полного неурожая, три года – посредственного и лишь остальные четыре урожая – хорошего [19]. Эти слова характерны и для земледелия Коми края. В 1785 г. Правитель Вологодского наместничества генерал-поручик Мезенцев совершил инспекторскую поездку по Устюжской области. Сообщая наместническому правлению свои «впечатления», он писал, что «действительно нашел, что не только в прошлых 783 и 784 годах во многих хлеб от великих морозов вызябал, но и перед тем по года был урожай против прежних лет весьма хуже, почему они год от году прихода в упадок до такой крайности дошли, что многие и поля свои оставили за неимением семян без посева, а особенно в Усть-Сысольской и Яренской округах. А питаются подобием хлеба пихтовою корою, толчением колоса и мякин прибавлением по несколько муки, что действительно уже сам видел» [20].

Для всего края характерна была не только суровость, но и влажность климата. Большое количество осадков в виде снега и дождя, короткое лето, а, в связи с этим, слабая испаряемость повсеместно способствовали значительному накоплению влаги и заболачиванию почвы. В источниках конца XVIII в. указывается, что болот в Усть-Сысольском округе – 49, озер – 111. По-видимому, в действительности их было гораздо больше. В поймах рек имелось множество озер, образовавшихся в результате отклонения от речных русел рукавов и стариц. Из крупных озер в XVIII веке наиболее известным было озеро Синдор в Турецкой трети, имевшее репутацию целебного.

Почвы в крае преобладали подзолистые, песчаные, глинистые. В Экономических примечаниях к генеральному межеванию для всех волостей чаще всего отмечается грунт земли «сероглинистой», «серопесчаной», или «иловатой». Вследствие бедности питательными веществами и повышенной кислотности почвы отличались низким плодородием и требовали удобрений.

Различием климатических и почвенных условий обуславливался и характер растительности. Для крайнего севера была типичная тундровая растительность: низкие кустарники, лишайники, мхи. В более южных районах по заливаемым поймам рек росли сочные травы. Источники отмечают, что «трава для скота растет весьма питательна». Но основным богатством края был лес. Преобладали хвойные породы – ель, сосна, пихта, лиственница. Из лиственных пород – береза, осина, ольха, черемуха, рябина. В Экономических примечаниях указывается, что лес растет строевой и дровяной. В Усть-Сысольском уезде строевого леса было 11 513

362 десятины 967 саж., дровяного – 1 154 513 десятин 132 саж. [21]. В Яренском уезде – строевого 1 401 567 десятины 191 саж., дровяного – 49 902 десятины 1704 саж. [22]. В 1737 г. геодезист Лупандин произвел съемку и описание корабельных лесов на Выми при Весляном погосте, по рекам Елве, Коину, Ухте, Кедве, на верхней Вычегде при погосте Усть-Немском и на Сысоле при погосте Палауз [23]. Лес играл исключительно важную роль в жизни крестьян. Он был строительным материалом и топливом.

В лесах края водилось много промысловых животных: лоси, медведи, волки, росомахи, лисицы, соболи, куницы, выдры, белки, а в тундре – песцы и олени. Правда, самые ценные породы в XVIII веке были значительно выбиты. Исчезли, например, бобры, сократилось количество соболей. Охотники вынуждены были все чаще уходить на промысел за 500–600 верст от своих селений. Наибольшее промысловое значение имела белка (векша), которая в большом количестве водилась в зырянских лесах. Не случайно этот зверек был вписан в герб Яренска.

Реки и озера Коми края были богаты рыбой. Кроме щук, окуней, лещей, хариусов здесь водились ценные лососевые сорта: семга, нельма, чир, пелядь, омуль. Рыба шла для собственного употребления, а наиболее ценные сорта как семга шли на вывоз. Речная сеть края была хорошо развита. Подавляющее число рек относилось к системам трех крупнейших рек – Печоры, Вычегды, и Мезени, которые несли воды к Ледовитому океану. Небольшая южная часть территории примыкала к Волжскому бассейну. Самой «знатнейшей и судоходной рекой» была Печора, но она протекала по глухим, безлюдным местам, где жил очень небольшой процент населения. Гораздо большее значение как пути сообщения имели такие реки как Вычегда и ее притоки Вымь и Сысола. Вычегда (Эжва), как сообщают источники, брала свое начало из-под обширных парм наименее доступной части Усть-Сысольского уезда, образуясь от слияния двух истоков Вой-Вожа и Лун-Вожа. Водный путь Сысола–Вычегда–Сухона имел непосредственную связь с Устюгом Великим и Вологдой, другой путь шел по Вычегде и Северной Двине к Архангельску. Именно эти магистральные реки в XVIII веке связывали край с крупными экономическими центрами страны.

По территории Коми края из центральных районов в XVI–XVII вв. приходил древний «Чрезкаменный» путь на Сибирь. Несмотря на то, что в начале XVIII века этот путь был официально закрыт, местное население в ограниченных пределах продолжало его использовать. В документах Яренской воеводской канцелярии за 1769 г. указывается, что жители уезда «за рыбными и другими промыслами водяною коммуникациею реками Вымью до Пустозерска... ездят свободно» [24]. Общее протяжение «Чрезкаменного» пути от Сольвычегодска до Березова составляло около 3000 верст и на его преодоление требовалось 13 недель и 4 дня [25]. В пределах Коми края он начинался с Вычегды, затем следовал вверх по

Выми и ее притоку Тетере (Шомвукве) до пятиверстного Вымского волока, соединяющего бассейн Вычегды с бассейном Печоры. Волоком переходили на реку Ухту, приток Ижмы и спускались по Ижме до впадения ее в Печору.

Близ устья Ижмы «Чрезкаменный» путь соединялся с еще одним важным разветвлением, связывающим Печору с Мезенью, Пинегой и Двиной. Он начинался вверх по притоку Печоры Цильме, затем через Пезский волок выходил на реку Пезу, впадающую в Мезень. С Мезени можно было идти морем до устья Северной Двины или же до реки Кулой, откуда через Пинежский волок в реку Пинегу и снова в Северную Двину. «Чрезкаменный» же путь далее продолжался вверх по Печоре и ее притоку Усе. Из Усы въезжали в следующую речку Елец и, перевалив через «камень», попадали в речку Сось, по которой уже спускались в Обь [26].

Водные же пути связывали южные районы края с Прикамьем. С верховьев Вычегды на Каму можно было попасть через реку Нем, Немский волок, Вишеру и Колву. Верховья Сысолы тоже близко подходили к верховьям Камы.

На Печору из Прикамья путь шел по Вишере, Колве, Вишерке и через Чусовское озеро в речку Березовку, истоки которой близко подходили к речке Волоснице, впадающей в Печору. Близ устья Волосницы около 1700 года была построена пристань Хорошая Бичевка в качестве складочного пункта для чердынского хлеба и других товаров, сплавляемых весной вниз по Печоре. В 1770 г. В связи с основанием Якшинской торговой пристани сообщения по этому пути с Чердынским краем становятся более регулярными [27].

Кроме водных путей, действовавших лишь в течение короткого навигационного периода, в крае были и сухопутные пути. На юге через Койгородскую и Ужгинскую волости приходила Большая Сибирская дорога, а вдоль Вычегды и Сысолы тянулся тракт, соединяющий Усть-Сыольск и Яренск с Сольвычегодском и Лальском.

Положение края на важных транзитных путях положительно влияло на развитие торговли, промыслов, способствовало втягиванию Коми края в общую систему хозяйственного развития страны.

§3. Ремесло, промыслы и мелкотоварное производство.

Суровые климатические условия северных областей России, бедные почвы и обилие лесов способствовали тому, что наряду с земледелием в коми деревне существовала и переработка сырых материалов в тех крестьянских хозяйствах, которые их добывали. В своем хозяйстве коми крестьянин был не только земледельцем и охотником, но и плотником,

портным, шерстобитом и сапожником. Женщины помимо полевой работы пряли лен, возделывали холсты и сукна.

Развитие товарно-денежных отношений ускорило процесс превращения некоторых отраслей домашней промышленности в мелкотоварное производство. «Экономические примечания» отмечают, что в большинстве волостей крестьяне «упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, шерсть, ткют полотна, холсты разные, сукна, вяжут колпаки, чулки, перчатки нитеные и шерстяные, плетут кружева для собственного употребления и на продажу» [28].

Документы содержат мало сведений о развитии ремесленного производства в крае. Тем не менее в некоторых из них встречаются указания на отдельных крестьян-ремесленников, связанных с рынком. Но, даже изготавливая изделия на продажу, такой ремесленник еще в незначительной степени порывал с земледелием. Так, в 1729 г. крестьянин Палевицкой волости Торлопов сказал, что «питается он от пашни, да делает из железной и медной и оловянной сутуги (провода) серги и продает в народ» [29]. В 1784 г. крестьянин Часовской волости Гужев показал, что «запанки и перстни из олова льет и гребни делает, платье шьет и обучается железное ковать яко то гвоздье, скобы, и уздам удила, токмо еще не совсем искусно для себя и на продажу» [30]. Разумеется, таких специалистов было немного. В удорских волостях, где было развито животноводство, отмечают своего рода «кочующие» шерстобиты и коновалы, которые для выполнения своих работ уходили и за пределы уезда [31]. В первой половине XVIII в. большая группа плотников под названием «записных» из Усть-Вымской, Оквадской, Гривенской, Койгородской и других волостей для выполнения работ, связанных с определенной квалификацией, находилась на особом учете воеводской канцелярии [32].

Об известном развитии ремесла среди населения можно судить на основании сведений об отходниках, получаемых воеводской канцелярией из других мест. В 1759 г., например, стало известно, о 22 крестьянах Яренского уезда, записавшихся в сибирских городах в цехи «по мастерствам своим», среди которых были «кожевники, кадошники, бочкари, чарошники, чеботари, плотники, кузницы» [33].

Такие сведения поступали очень часто. Ремесленное население сибирских городов значительно пополнялось за счет выходцев из Коми края. Очень интересные наблюдения в этом направлении сделал Л.Н.Жеребцов, которому в результате этнографических экспедиций в Западную Сибирь удалось собрать дополнительные сведения, подтверждающие эту точку зрения [34]. По мнению Л.Н.Жеребцова, «в XVIII – начале XIX вв. многие коми оседали в Алтайском крае, особенно на горных заводах, построенных Демидовыми. В 18 списках приписанных к заводу крестьян и ремесленников разных специальностей в середине XVIII в. выходцев из Яренского и Усть-Сысольского уездов насчитывается 381 семья. Из них 50 несомненно коми. Так, например, в одном из списков

перечислено 196 ремесленников 34 специальностей» [35]. Автор правильно считает, что цеховые ремесленники и посадские люди – выходцы из Яренского, Сольвычегодского и УстьСысольского уездов – зачастую не сразу попадали на заводы. Они устраивались в других городах и лишь позднее по разным причинам оказывались на Алтае. Однако нередки и такие примеры, когда ремесленники завербовывались на заводы прямо на прежнем месте жительства [36].

Растущее в XVIII в. в Коми крае ремесленное производство было тесно связано с основными крестьянскими занятиями. Ремесленники либо обрабатывали продукты сельского хозяйства, охоты, лесной промышленности, либо изготавливали необходимые орудия производства.

Для XVIII в. характерен рост товарности этих промыслов. Удорские и усть-сысольские волости становились центрами салотопенного и маслобойного производства. В 1741 г. купцы Осколковы скупили у крестьян этих волостей 2 000 пудов говяжьего сала [37]. Основными рынками для продуктов этих производств являлись растущий Усть-Сысольск и Туглим. Одновременно с этим туглимские ярмарки, а также Воскресенская ярмарка в Важгорте стягивали к себе продукцию шерстобойного и сукновального производства.

Устюжская провинциальная канцелярия в отчете губернатору указывала, что крестьяне на ярмарку в Яренск привозят «их рукоделия холстину разной доброты, сермяжные сукна и прочее» [38]. По сведениям же «Экономических примечаний», крестьяне Важгортской и других волостей «прядут лен и шерсть, ткнут холст и сукна на себя и на продажу» [39].

В непосредственной связи с развитием зернового хозяйства находилось мукомольное производство и винокурение. В конце XVIII в. в Коми крае в Усть-Сысольском и Яренском уездах было 34 водяных мельницы [40]. В Шежамской волости имел свою мельницу крестьянин В. Чукичев, который просил снизить оклад с его мельницы, мотивируя просьбу тем, что «более 300 четвертей и менее никогда в помолу хлеба быть не может» [41]. Если даже мельница перемалывала 300 четвертей хлеба, она была довольно крупным предприятием. Хозяин же определял ее производственную мощность в 1000 четвертей. Относительно того, что Чукичев получал от мельницы значительный доход и не обходился без найма рабочей силы сомневаться не приходится.

В небольших масштабах, но было развито и винокурение. Как видно из челобитной 1739 г. усть-сысольского купца Елисея Суханова в Яренскую воеводскую канцелярию о нападении на его усадьбу воровских людей «о разграблении его пожитков и домовом сожжении», винокуренный завод находился в Усть-Сысольской волости на реке Челве* [42]. В челобитной приводится краткое описание разграбленного завода, позволяющее

* Човью (Прим. ред.)

представить размеры этого предприятия, состав и количество его оборудования. В винокуренной поварне находилось два куба, шесть медных котлов, две янды, три поваренки, четыре поддона, 16 медных труб и другая медная посуда. Вес медных труб и медной посуды составлял 20 пудов, да «в той же поварне затарный котел железный 32 пуда по цене на 40 рублей, 10 чанов заторных ценою по 2 рубля, да мелкие посуды и снасти деревянные и железные по цене на 10 рублей» [43].

На 1739 г. для поставки на Яренский и Усть-Сысольский кружечные дворы Сухановы должны были заготовить 1800 ведер вина. В момент нападения на усадьбу в подвалах находилось винокуренного вина 600 ведер в 15 бочках по подрядной цене 54 коп. ведро на сумму 324 рубля, которое при пожаре было уничтожено. В челобитной упоминаются также сгоревшие, заготовленные к курению припасы: «хлебного припасу ржаного и яшного 60 четвертей», 20 пудов хмеля и 300 сажений дров, да 50 дубовых бочек. Убыток составил 991 рубль. Урон, нанесенный разбойниками, был, очевидно, весьма значительный, и Сухановы не могли восстановить свое предприятие. Во всяком случае, завод на реке Чолве в документах больше не упоминается.

Винокуренный завод Сухановых в Усть-Сысольской волости не был единственным в крае. В том же 1739 г. яренский посадский и винный подрядчик Осип Малахiev владел винокуренным заводом в деревне Казлуцкой, недалеко от Яренска, и поставлял вино на Яренский кружечный двор [44]. В 1739 г. он должен был поставить 380 ведер вина на два срока: 200 ведер в апреле и мае, а остальные в октябре, ноябре и декабре подрядною ценою 54 коп. ведро на сумму 205 рублей 20 коп. В 1740 г. после смерти Осипа заводом «усильно» завладел его двоюродный брат Михайло Малахiev. С его слов, причиной этому послужило то, что жена покойного, а его невестка Матрена Малахиева стала отсылать доставшееся ей в деревне Казлуцкой имущество и скот своему новому мужу приказчику Сереговского соляного промысла Тимофею Немчинову. После смерти Осипа выяснилось, что в счет контракта 1739 г. им было поставлено 302 ведра, а остальные 78 ведер остались в долгу.

Завязалась тяжба. Жена Осипа настойчиво доказывала в Яренской канцелярии «своз» деверем посуды с завода и требовала довести дело до конца. Из Яренска в Казлуцкую был отправлен нарочный, который осмотрел завод и зафиксировал его повреждения: «поварня винокуренная, в которой у подвалу двери выломаны, и стоит тот подвал пуст». Кубов, котлов и труб не имелось, но «по усмотрению мест имелось 4 котла, только печурки, где имелись котлы изломаны, деревянная колода, в которой имелись трубы, сечена топором» [45]. На поварне работало три работника. На этом следы Казлуцкого завода теряются, но Михайло Малахiev развернул свою деятельность дальше. В 1749 г. Устюжская провинциальная канцелярия затребовала от Яренской ведомость о платеже пошлин с клеймения кубов и казанов Яренских винокуренных заводов, а

также употребленных на курение припасов и «по тому указу для свидетельства и описи у яренских винных подрядчиков Михаила Курсина, Дмитрия Оболтина, Михаила Малахиева винокуренных их заводов послан был подъячий М.Воронин, который оное свидетельство и опись при доношении объявил» [46].

При составлении ведомости выяснилось, что в полученной в 1745 г. Курсиным квитанции «в платеже с клеймения котлов поверенных пошлин» значился у Малахиева 1 котел мерою 10 ведер, а у Курсина 2 котла мерою 9 ведер каждый. В дальнейшем же, по свидетельству «доносителя» Осипа Оболтина, оказалось, что оба утаили один котел от клеймения, что «число у Малахиева и Курсина котлов написано фальшиво». На следствии в провинциальной канцелярии им удалось в большим трудом оправдаться и продолжать заниматься винокурением [47]. В свободной ведомости Каморколлегии, поданной в 1753 г. в Сенат «о кубах, казанах и заводах и винокурнях», указывалось у яренских купцов Михаила Курсина 3 куба мерою 38 ведер, у Дмитрия Оболтина и Михаила Малахиева по 3 куба мерою по 36 ведер у каждого, на которых выкуривалось в год 3054 ведра вина в год [48].

Из промыслов, изготовлявших на местный рынок орудия сельского хозяйства и охоты, наибольшее развитие получил кузнечный (на средней Вычегде на базе гамско-жешартских железных руд). Так, в документах 1761 г. содержится информация о том, что крестьянин Жешартской волости Лазарь Кузнецов, имеет ручной горн «для сплавки железа», причем этот горн существовал с 1732 г. [49]. В 1791 г. крестьянская жена Парасковья Минина с сыном жаловались в Яренскую нижнюю расправу на крестьянина Ячменева, который несколько лет назад «усильством» увез к себе из их дома «кузнечного заводу один мех, трои клещи, два молота, одно точило с железным веретеном» [50]. Вследствие полного отсутствия данных мы не можем сказать, в каком объеме поступала на местный рынок продукция жешартских кузнецов.

В лесном краю широко распространенным являлся деревообрабатывающий промысел. В обиходе крестьян употреблялась деревянная самодельная посуда, повсеместно из дерева сани, лодки и т.д.

Наличие значительных строевых лесов позволяло местному населению вытесывать доски из бревен. «Гесницы» и доски вытесывались топорами прямо из цельного или расколотого с помощью клиньев бревна, из которого получалась одна, в лучшем случае, две доски. Это вело к истреблению лесов. Уже в 1749 г. специальными указами правительство предписывало не только на судовое, но и на домовое строительство использовать не топорные, а пильные доски, и лишь в качестве временной отсрочки («пока пилование тех досок в обычай не войдет») разрешалось пользование топорными досками в течение пяти лет. Однако в 1756 г. этот срок пришлось продлить и далее.

В 60-х годах в XVIII в. в борьбе с топорным тесом правительство перешло к методу пропаганды среди населения ручной пилки лесов и рассылке пил на места для обучения. В 1769 г. по приказу Архангелогородского губернатора крестьянам Устюгской провинции было роздано 280 пил со строгим предписанием: «Если кто-либо в том пиловании лесов ко обучению рачения не имеет, и лежат те пилы бесполезно и праздно, а употребляют кроме их топорный тес, то с таковыми поступать без ослабления» [51].

Ясно, что такого количества пил было недостаточно. В Яренском уезде, например, на 100 крестьян приходилась одна пила [52]. В наказах крестьяне просили дозволения употреблять «во всякое строение досок и тесу по-прежнему топорной работы» [53].

Переход крестьян к «ручному пилованию» совершался медленно, да и то лишь под нажимом местных властей. Топорные доски по-прежнему имели широкое распространение. В 1789 г. староста Подгорной волости обнаружил топорный тес у яренского казначея Попова 240 тесниц м столько же у купца Никулина. При допросе оба показали, что «оной ими куплен готовый приплавленный из крестьян природными зырянами сверх Вычегды» [54]. Как дальше выяснилось, тесницы длиной 13 аршин и толщиной 6-7 вершков были по подряду поставлены крестьянином Палевицкой волости Иваном Размысловым, а изготовлял его крестьянин Часовской волости Цывунин с товарищем по 15 коп. за штуку [55].

Лесопильное производство в крае должно было зародиться в сфере более крупного и постоянного потребления лесоматериалов. Такие условия раньше всего сложились на заводских предприятиях. Кажимские заводы и Сереговский солеваренный промысел требовали для ремонта плотин, мастерских, ларей, труб, желобов к водяным колесам и других механизмов значительного количества пиломатериалов. Поэтому первые лесопилки («пильные мельницы») с водяным двигателем возникли именно на них как вспомогательные производства. В 1757 г. Рыбниковыми в Серегове была построена двухрамная пильная мельница на речке Ерыче, на которой распиливалось по восемь бревен в день [56]. Однако новое производство налаживалось медленно. Из-за частых неполадок и нехватки воды в пруду лесопилка работала нерегулярно и не могла удовлетворить потребность в строительных материалах. За использование же топорных досок при строительстве судов под соль предприниматели платили штрафы. В 1766 г. Рыбниковы построили на той же речке вторую, лучше оборудованную трехрамную лесопилку, которая распиливала уже 30 бревен в сутки [57]. Из 100 бревен длиной от 3 до 5 сажень получалось 500 досок или 600 тесниц.

Была пильная мельница и на Кажимском заводе, где ежегодно на «заводские потребности» выпиливалось 4000 досок [58]. Показательным надо признать появление в 1775 г. четырехрамного Седского лесопильного завода слободского купца Платукова, построенного около Ношульской пристани на реке Лузе [59]. Если в Серегове и Кажиме доски и тес шли на

внутренние потребности предпринимателей, то Седский завод работал исключительно на нужды судостроения. Известно, что заготавливали и распиливали лес на Седском заводе по договорам с заводчиком крестьяне той же Ношульской волости. Заготавливалось и распиливалось ежегодно 1000 бревен, из которых получалось 5000 досок. Таким образом, в 60-70-е годы XVIII в. лесопиление в Коми крае делало первые успешные шаги.

Коми крестьяне с давних пор умели строить не только лодки для собственного употребления, но и большие суда. В связи с развитием судоходства во второй половине XVIII в. увеличился размах судостроения. Крестьяне сами указывают, что лес идет «не только на домовое, но и на судовое строение». Были и специальные центры судостроения. Наряду со старым очагом судостроения в Ношуле в верховьях Лузы, строительством судов занималось население Сысолы, средней Вычегды и Выми.

В ряде документов описывается и техника постройки судов. Днище плоскодонной барки делалось из брусьев, поперек которых настигались корокы и конопатились. По осадке судна с внешней стороны прибавался порубень, толстый обшивной брус, чтобы судно больше порубия не грузилось. По обоим сторонам барки прикреплялись гребные весла, а с носа и кормы по одному большому правильному веслу. Барка была снабжена «завозней» – лодкой для завоза якоря – и ходила лишь одну «воду», т.е. навигацию. После доставки груза на место ее обычно там же продавали. В среднем на строительство одной барки, как видно из «судовых книг» Сереговского завода, уходило 100 распильных бревен, 7 тысяч конопатных лык и 10 пудов железа [60]. Он был несколько крупнее барки, имел «овалистое» дно, на нем имелась одна мачта, и он мог ходить под парусами. Лучшими по прочности и отделке считались дощаники, которые обычно начинали строить еще осенью. К навигации они успевали просохнуть, и сплавливались сухими и хорошо проконопаченными.

В топографическом описании Усть-Сысольского уезда отмечалось, что «дощатники употребляются не так как барки единожды, но, сплыв в Архангельск с российскими, оттоль обращаются с иностранными товарами и служат по 4-5 вод» [61]. Кроме описанных, строились также и павоски, каюки, обласа и другие мелкие суда. Основные параметры их приводятся в таблице [62].

Таблица 1

Размеры судов

Тип судна	Длина	Ширина	Высота бортов	Грузоподъемность
Дощаник	16 саж.	4 саж.	1 саж.	10-12 тыс.пуд.
Барка	15-16 саж.	5 саж.	1 саж.	10-13 тыс.пуд.
Павоска	7-9 саж.	3-5 саж.	4 арш.	4-12 тыс.пуд.
Каюк	7-8 саж.	5-6 арш.	2-3 арш.	2-3 тыс.пуд.
Облас	7-8 саж.	4-5 арш.	2 арш.	1-1 тыс.пуд.

Если постройка небольших лодок не выходила за рамки домашней промышленности, то строительство сравнительно крупных речных судов с грузоподъемностью до 12-13 тыс. пудов носило уже характер мелкотоварного производства с применением наемного труда подрядным способом. Заказчиками обычно бывали усть-сысольские и яренские купцы и заводские приказчики, а строили артели мастеровых крестьян во главе с судовым мастером. Цены за постройку судов колебались от 15-20 рублей (облас) до 125 рублей (дощаник) [63]. В контрактах на постройку судов мы постоянно встречаемся с группой специалистов-плотников, во главе которой стоит судовой мастер. Такая форма отношений обычно фиксировалась в документах при оплате их труда: «Я, мастер Тырин и мастеровые люди за работу платежем удовольствованы 75 рублями».

Старинным промыслом, привлекавшим большое количество крестьян, была разработка брусяного и точильного камня. Так называемая брусаяная гора находилась в Усть-Сысольском уезде на левом берегу Печоры недалеко от села Шугор. Гора эта представляла один из западных отрогов Урала, покрытый лесом и вытянувшийся параллельно реке Печоре с юга на север на расстоянии до 25 верст. Ломка брусяного камня производилась по течению небольших речек Сопляски и Вой, притоков Печоры в местах пересечения этими речками брусяного горного кряжа. В «Экономических примечаниях» сказано: «Окружности оная гора имеет восемь верст, вышиною ж от горизонта перпендикулярно 360 сажень» [64]. Как видно из указа Яренской воеводской канцелярии от 25 января 1745 г., разработка камня на горе велась уже во времена царя Михаила Федоровича, на что имелась специальная жалованная грамота [65]. Яренская канцелярия на основании этого документа закрепила брусаяную гору за крестьянами Усть-Немской, Мыелдинской и Печорской волостей, хотя Лепехин, путешествовавший в 1771 г. по сысольским волостям, замечает, что и оттуда в летнее время крестьяне ездили на Печору, где ломали точильный камень, а затем развозили в отдаленные места. При этом он отмечал, что «почти весь Яренский уезд сим кормился промыслом» [66]. К сожалению, мы не располагаем данными о количестве крестьян, занятых разработкой камня.

На примере брусаяно-точильного промысла видно, как перерастало мелкое товарное производство в простую капиталистическую кооперацию. С самого начала своего возникновения разработка брусаяно-точильного камня предполагала участие в ней нескольких групп людей, ибо как весьма трудоемкий процесс, ломка камня, шлифовка и отделка брусьев и точил не могла производиться одним человеком. Камень обычно добывался с глубины до четырех сажень от поверхности земли. Верхний слой земли убирался, более тонкие слои камня раскалывались клиньями и ломками. В основе производства лежал ручной труд с ярко выраженным разделением труда: одни ломали камень, другие отделяли и шлифовали его. Крупные

куски камня шли на изготовление точил, а из мелких изготовляли брусья*. Брусья были длиной от одного до четырех вершков, в ширину полтора и толщину три четверти вершка и изготавливались из расчета, чтобы каждая тысяча тянула не менее 60 пудов. Точила весили от двух до 20 пудов. Их делали круглыми: «Окружить оные точила по циркулю, что бы были круглы во все стороны и неугловаты и непродолговаты и по сторонам гладкие и нешиловаты и нещербоваты, ровные и неямоватые» [67].

Основными орудиями труда являлись ломы, топоры, кирки, железные клинья, циркули. Получаемая продукция закупалась на месте торговцами и доставлялась на Якшинскую пристань и в Усть-Сысольск, откуда расходились по всей России.

В первое время (приблизительно до второй половины XVIII в.) крестьяне сообща, организуясь в артели, занимались разработкой камня. Во второй половине века в эксплуатацию горы все шире проникает купеческий капитал. В 1770 г. за уплату подушной и хлебной недоимки в размере 1000 рублей за крестьян Печорской, Усть-Немской и Мыелдинской волостей весь промысел, по предложению губернатора Головцына, был отдан на десять лет в оброчное содержание усть-сысольскому купцу Г.Сужанову [68]. Воеводская же канцелярия зачла деньги только за одну Мыелдинскую волость. В 1777 г. усть-немские крестьяне пытались оспорить это несправедливое решение, жалуясь, что они «зачета не получили», но безуспешно. С этого времени крестьяне указанных волостей без взаимного согласия и «без точного ведома казенной палаты» начинают в розницу раздавать участки горы в арендованное содержание различным купцам, а сами подражались в работники. Подряды заключали обычно богатые крестьяне по одобрительному письму своих волостных начальников. После чего они заключали договор с тем или иным купцом.

11 марта 1792 г. усть-немские крестьяне Габов и Шомесов, получив от волостных начальников одобрительное письмо, заключили договор с усть-сысольским купцом В.Чукичевым на изготовление и поставку ему в Усть-Сысольск на одном обласе 600 пудов брусьев и точил, в том числе 5000 брусьев. Каждая тысяча брусьев должна быть весом 60 пудов, а точила от 1 до 10 пудов «неколоты, нешиловаты, хорошей работы, которые выработать своими работниками инструментами» и доставить в сентябре в Усть-Сысольск. Рядили они, Габов и Шимесов за пуд точил по 20 коп., за брусья – по 25 коп. Задаток им дан 30 руб., а остальные должны получить по доставке груза [69]. 27 марта 1792 г. подрядчик, зажиточный крестьянин Мыелдинской волости Д.Мамонтов заключил договор с тем же купцом на

* Разделение труда на брусаяной горе наблюдал также в 1901 г. В.Русанов, отбывавший ссылку в Коми крае и часто выезжающий на статистические обследования на Печору. При этом он разделял труд ломщиков камня, тесальщиков, шлифовальщиков. Владимир Русанов. Статьи. Лекции. Письма. М.-Л., 1945, С.357.

выделку и поставку брусьев и точил в Усть-Сысольск своими работниками за такую же цену [70].

Оброчная сумма и большая часть заработка крестьян шла на уплату государственных податей и сборов. В документах указывается, что выгоду от производства точил и брусьев получают арендаторы, «крестьяне же есть не что иное, как работники их, пользы обществу нисколько от нынешних работ нет» [71].

В начале XIX в. промыслами на горах заинтересовалась казна, которая провела обследование горы и выявила там большие запасы брусяного и точильного камня. Было решено передать гору в казну. Однако большие капитальные затраты, требования в большом количестве специалистов и рабочих заставили Департамент государственных имуществ изменить свои первоначальные планы. Как и прежде крестьяне продолжали сдавать гору в оброчное содержание, а сами нанимались работать на ней [72].

Мелкотоварный характер носили кожевенное и кирпичное производства, хотя и они были развиты слабо. В 1759 г. купец Г. Суханов имел кожевенный завод в Усть-Сысольске, но о производительности его сведений не имеется [73]. Небольшие кирпичные заводы, имевшиеся в Усть-Сысольске и Яренские в начале работали тогда, когда было церковное строение, но со временем кирпич стал поступать на продажу местным крестьянам. В 1734 г. на строительство Покровской церкви в Усть-Сысольске купцами Иваном и Петром Сухановыми было заготовлено кирпича 200 тысяч, да на 1735 г. было подряжено изготовить еще 100 тысяч [74].

В двух уездных городах края, где большинство жителей составляли вчерашние крестьяне – мещане, купцы и разночинцы не было цеховых ремесленников. В «Экономических примечаниях» сказано: «Цеховых мастеров серебрянников, медников, оловянных, слесарей, кузнецов, портных, сапожников, башмачников, резчиков, столяров, живописцев, часовщиков и тем подобных не имеется, кроме партикулярных людей, приезжающих из разных жительство» на время работы [75]. О занятиях же мещан и купцов говорится, что они «отъезжают к кочующим в юрты около Сибирского поясового камня, рек Печоры, Ижмы и слободы Пустозерска и ясашиным осякам, самоедам, манцам, у коих выменивают на приличный для сих иноверцев товар мягкую рухлядь, оленьи кожи, лапы и разное, по их манеру шитое платье, замши и мамонтовую кость» [76]. Эти товары перепродавались потом устюжским и московским купцам, которые специально приезжали в Усть-Сысольск в марте месяце. Таким образом, Усть-Сысольск во второй половине XVIII в. играл роль посредника между местным и всероссийским рынком.

Говоря о развитии городов, созданных по административной реформе 1775 г., несущих на себе печать феодального режима и незавершившийся процесс горообразование Ф.Я.Полянский пишет: «Избыток торговых возможностей лимитировал развитие промышленности в ряде русских

городов XVIII в., отвлекая силы мещанства. Посадский человек тянулся к торговле и предпочитал скорее быть мелким скупщиком или хотя бы приказчиком, чем ремесленником» [77]. Однако, хотя Усть-Сысольск и был довольно крупным рынком для края, товарный оборот его был сравнительно невелик. На ярмарки, которые здесь были два раза в год, первая с 1 по 10 января, вторая – с 26 ноября по 1 декабря, помимо местных купцов и уездных крестьян приезжали купцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Пустозерска и других городов. Крестьяне продавали на них продукцию своих охотничьих и рыболовных промыслов: шкурки выдр, соболей, горностаев, белок и других зверей. Привозили так же, как видно из «Экономических примечаний», диких гусей, уток, лебедей, тетеревов, рябчиков, свежую рыбу, масло, сало, овчины, телятины, сермяжные сукна. С Печоры привозили соленую семгу, сига, а также кедровые орехи. Был в продаже также хлеб – в основном рожь и ячмень.

Для купечества края особенно во второй половине XVIII в. характерна следующая операция: закупленный в усть-сысольских волостях хлеб продавался в северных волостях – в Ижемской и Усть-Цилемской слободах, в Пустозерске и др., купленную на вырученные от продажи деньги рыбу поставляли на устюжский рынок; после этого оборот повторялся.

Наиболее оживленной для северного района края была зимняя ярмарка в Важгортском погосте, на которую приезжали устюжские, архангелогородские, сольвычегодские, красноборские, мезенские купцы и крестьяне. На Выми, в Турецкой волости с давних пор продолжала действовать ярмарка в селе Турья, куда в основном съезжались устюжские, яренские и сольвычегодские купцы, а также крестьяне из соседних волостей.

Крупную роль в жизни края играли Туглимские ярмарки на средней Вычегде*, устраиваемые четыре раза в году: в январе, марте, июне и сентябре. Продавая свой товар – масло, сало, сермяжные сукна, кожи, пушнину, крестьяне в свою очередь приобретали здесь различные ткани, железные изделия и т.д.

Характер крестьянской торговли мало чем отличался от купеческой и уступал ей лишь в размахе оборотов. Основным же, объединяющим их было то, что той и другой группе было свойственно ростовщичество, связанное, главным образом, со скупкой товаров. Через торговцев и скупщиков местное крестьянство поддерживало связи со всероссийским рынком. Усиление торговых связей с общерусским рынком в свою очередь способствовало дальнейшему росту и развитию местной торговли, усилению межрайонных экономических связей.

* Село Туглим находится вне пределов современной Республики Коми. (Прим. ред.).

Литература и источники.

1. РГАДА. Ф.248, оп.5, д.220, л.53.
2. РГАДА. Ф.350, оп.1, д.4949, лл.7, 9 об.
3. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией наук. СПб., 1822. Т.5. С.203.
4. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.–Л., 1946. Т.1. С.24.
5. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т.1. С.179.
6. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.688, л.10.
7. Лашук Л.П. Формирование народности. М., 1972. С.221, 227, 230.
8. Очерки по истории Коми АССР. Т.1. С.192.
9. ПСЗ. Т.VII, № 5017.
10. РГАДА. Ф.403, оп.2, д.53, лл.1-7; д.81, л.6 об.
11. Там же. Ф.403, оп.2, д.53, л.3.
12. Там же. Д.81, л.11.
13. ПСЗ. Т.20, № 14392.
14. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.677, л.500.
15. ГААО. Ф.855, оп.4, д.3, л.26 об.
16. Сб. РИО. Т.123. С. 41.
17. Там же. С. 249.
18. Микушев А.К., Чисталев П.И., Рочев Ю.Г. Коми народные песни. Сыктывкар, 1971. Вып.3. С.133.
19. Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на крайнем Севере. С.109.
20. ГАВО. Ф.13, оп.1, д.97, л.96-97.
21. РГАДА. Ф.1294, оп.1, д.99, л.1.
22. Там же. Д.109, л.1.
23. ГААО. Ф.3, оп.1, д.4754, л.13.
24. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.1781, л.5 об.
25. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках. М., 1928. С.63.
26. Бахрушин С.В. Указ. соч. С.61-64, 77-80; Афанасьев А.П. О древних водно-волоковых путях русского севера // Этнография и фольклор Коми. Сыктывкар, 1972, С.102. (Труды Ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР; Вып.13).
27. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С.146.
28. РГАДА. Ф.1355, д.177, л.3 об., II и др.
29. Там же. Ф.609, оп.2, д.218, л.9.
30. ГААО. Ф.3, оп.1, д.208 а, л.28.
31. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.565, л.28.
32. Там же. Д.1771.

33. Там же. Д.625, лл.203-206.
34. Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975. С.3-16. (Труды Ин-та яз., лит и истории Коми филиала АН СССР; Вып.16).
35. Там же. С 154.
36. Там же.
37. Очерки по истории Коми АССР. Т.1. С.154.
38. ГААО. Ф.1, оп.1, д.13263, л.25 об.
39. РГАДА. Ф.177, оп.1, д.106, л.30.
40. РГВИА. Ф.ВУА, д.18638, ч.1, 72.
41. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.1182, л.1.
42. НАРК. Ф.230, оп.5, д.59, л.13.
43. НАРК. Ф.230, оп.5, д.59, л.13.
44. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.508, л.1.
45. Там же. Л.5.
46. Там же. Д.328, л.127.
47. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.328, л.178.
48. Там же. Ф.248, кн.2845, л.529 об.
49. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.629, л.676.
50. ГААО. Ф.3, оп.1, д.224, л.326 об.
51. ГААО. Ф.1, оп.1, д.8399, л.51.
52. Там же. Л.1 об.
53. РГИА. Ф.1258, оп.3, д.106, л.73.
54. ГААО. Ф.3, оп.1, д.95, л.1.
55. Там же. Л.31.
56. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.666, л.367 об.
57. Там же.
58. РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.177, л.30.
59. ГААО. Ф.1, оп.1, д.13818, л.5.
60. ГААО. Ф.51, оп.34, д.1, л.9.
61. РГВИА. Ф.ВУА, д.18640, л.10.
62. ГААО. Ф.855, оп.4, д.1, лл.1-20.
63. Там же.
64. РГАДА. Ф.1355, оп.1, д.177, л.56.
65. Вологодские губернские ведомости. 1849, №39.
66. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. СПб., 1814. Ч. III.
67. НАРК. Ф.355, оп.1, д.99, л.5.
68. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.679, л.106.
69. НАРК. Ф.355, оп.1, д.99, л. 2 об.
70. Там же.
71. ГАВО. Ф.18, оп.1, д.475, л.8об.

72. Беленкина Т.И. Развитие промышленности в Коми крае в конце XVIII – первой половине XIX в. // Ученые записки Коми государственного пединститута. Сыктывкар, 1963. Вып. II. С.11.
73. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.625, л.407 об.
74. НАРК. Ф.230, оп.5, д.59, л.11.
75. Там же. Ф.407, оп.4, д.1275, л.4.
76. НАРК. Ф.407, оп.4, д.1275, л.5.
77. Полянский Ф.Я. Городовое ремесло и мануфактура в России XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1960. С.50.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ В КРАЕ СОЛЕВАРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

§ 1. Геологические условия залегания соляных рассолов, техника устройства рассолоподъемных труб и соляных варниц.

В последней четверти XVI в. в Коми крае зарождается солеварение. Соль добывалась около села Серегово из подземных соляных рассолов, образовавшихся в результате попадания пресной воды на подземные соляные пласты.

Впервые характеристику этого района дал известный путешественник и натуралист XVIII в. академик И.Лепехин, посетивший Сереговский солеваренный завод в 1771 г.: «Берег реки Выми в сем месте (против села Серегово) нарочито высок и служит преградою разливающимся вешним вымским водам. Он состоит из иловатых слоев, перемешанных с песком; но другое возвышение повыше самих варниц, идущее гребнем от верху до основания, наполнено известным камнем и в коем погребены были различные морские животные, как-то: мадрепоры, тубиппоры, антрохиты; из черепокожих аноматы, пектениты и истеролиты. Сии обитатели морские, кажется, ясно гласили, что сия страна некогда составляла дно морское и что сама соль морю же началом долженствует» [1].

В геологическом строении Сереговского соленосного района принимают участие каменноугольные и пермские породы. Преобладают фиолетовые глины, известняки, песчаники. Встречаются отдельные вкрапления диабазов. Соляные воды циркулируют и в известняках и в подстилающей их гипсово-глинистой толще* [2]. Соляные пласты при крепости рассола 6-8% залегали сравнительно высоко от поверхности земли – 86,6 сажен [3]. Н.В.Устюгов отмечал пять видов работ, характерных для каждого соляного промысла: 1) устройство рассолоподъемных труб, 2) постройка варниц и их оборудование, 3) заготовка и доставка дров, 4) выварка соли, 5) сбыт готовой соли [4]. Сереговский промысел в данном случае не являлся исключением.

Техника проходки скважины и установка рассолоподъемных труб была сложным делом и отнимала много времени. Для основной части трубы – «матицы» подбиралось ровное прямое дерево до 9 сажен в длину. После тщательной обработки середина его просверливалась или выжигалась и получалась полая труба. Для установки ее на вкопанных в землю бревнах – «сохах» сооружался специальный помост, на котором устанавливалась

* Промышленные запасы Сереговского месторождения в настоящее время хорошо изучены и по подсчетам специалистов составляло 2750 млн.т. (Аникина Г.А. Природно-экономические факторы создания химической промышленности на Европейском Северо-Востоке СССР // Известия Коми филиала Географического общества СССР. Сыктывкар, 1972. С.29).

избушка для размещения буровых – «трубных» инструментов и вынудой породы. В помосте же делалось круглое отверстие для установки матицы. Вот как описывает работы по устройству рассолоподъемной трубы в письме к своему хозяину приказчик Сереговского промысла Шергин: «И начали, государь, работать на новой трубе генваря с 26 числа. По нынешнее, государь, время сохи поставлены и переклады и избушку поставили; и где трубе быть выкопала две сажени вниз и матицу делают, брусью чешут, работают с большим раденьем сколько бог поможет» [5].

Работа по устройству матицы происходила следующим образом. Вначале под помостом до появления грунтовых вод капали квадратную яму. С появлением воды в нее опускался деревянный сруб. На дне сруба устраивали скважину, куда через отверстие в помосте с помощью системы блоков комлем вверх опускалась матичная труба. Находящаяся в вертикальном положении матица, как вследствие своей собственной тяжести, так и при помощи специального груза постепенно опускалась вниз.

Дальнейшие буровые работы велись уже через матицу. Для этого был набор необходимых буровых инструментов. В более поздних описях имущества Сереговского завода мы встречаем до 80 наименований «трубных» (буровых) инструментов: долота, подсекные, долота рассекные, трезубы, мутовки, шаломы, желонки, тюрики, напарьи, буровы и т.д., применявшиеся в зависимости от качества грунта [6]. Их насаживали на длинные шесты и с помощью воротов производили буровые работы. Как образец различных технических усовершенствований, не без успеха выполнявшихся при бурении скважин местными силами, можно привести следующий случай. В письме от 19 февраля 1676 г. Шергин сообщает: «...В Луговой трубе большой 17-й бурав подломился, под верхним петником в завороте в трубе остался и прежними многими снастями добыть не могли. И сковали крюк отворотный с двумя гайками, а в гайке сковали винты, и в трубе винтовником завинтовано и на два огапа из завороту бурав вызнели февраля в 3-й день... А добывали, государь, после подлomu неделю и за помощью божию работают впредь»* [7].

После бурения в жерле матицы начинали устанавливать более тонкую в диаметре обсадную трубу, которая являлась продолжением матицы и доходила до рассола. Обсадная трубка состояла из клен – жерляных и литных трубок, которые поочередно спускались в матичную трубу и вдавливались дальше в грунт, пока не доходили до рассола. В рассолоподъемной трубе под названием «Луговая» было 20 жерляных трубок: «А посажено в ту трубу жерляных трубок и с пригонкою числом 20 трубок. Мерю их 65 сажен 2 аршина 10 вершков» [8]. Для изготовления

* Труба «Луговая» действовала 119 лет и «от долговременного употребления без поправки» в 1795 г. пришла в ветхость и была остановлена. (РГИА. Ф.37, оп.25, д.1241, л.278 об.)

жерляных трубок использовалась лиственница или сосна. Обсадная труба, чтобы не допускать туда попадания пресных вод, готовилась весьма тщательно: обмазывалась варом, оббивалась холстом, осмаливалась, вновь оббивалась пряжей и заливалась горячей смолой. Особенно тщательно обрабатывалась самая нижняя так называемая «подвойная» жерляная трубка, которая доходила до рассола. Нижний конец ее заострялся «для запора верховой воды» и заостренный конец обматывался в тир слоя, сначала грубым зырянским сукном, потом сыромятной кожей и наконец овчиной. Все это сшивалось рукавом, один конец которого одевался на трубку и завязывался просмоленной веревкой, а другой конец рукава загибался вверх. Ставы трубок тщательно конопатились и заливались горячим варом. На последнюю жерляную трубку, «притонную», наставлялись литные трубки: «А на вышеписанную притонную трубку наставлено литных 3 трубки, мерою их всех 8 сажен и 1 аршин». «Диаметр отверстия литных трубок составлял 6 вершков, толщина стенок 2 вершка. На верхние концы литных трубок надевались медные кольца, так называемые «века».

Спуск трубок был ответственной и трудной операцией, требующей много сил: «А те все трубки гнели в трубу многие люди руками за бечевы и за ужищи без ворота. А было того дела два дни. Как догнели, плотно накрепили их к матице четырьмя клины, наверх трубок положен на выставку груз бревенных обрубков» [9]. Когда рассолоподъемная труба была уже готова, через матицу по затрубкам сыпалась на дно толченая и сеяная печная глина, «чтоб та глина легла внизу на овчинный рукав впрядь для крепости от пресной воды. А сыпана та осыпь по многие дни по ушагу и по два на день, а пошло той осыпи ушутов с 20». Верхняя наземная часть матицы огораживалась срубом с крышкой, чтоб предохранить трубу от засорения.

Из рассолоподъемной трубы рассол черпался бадьями с помощью так называемого «очапа» (журавля, подобно колодезному), установленного на двух столбах, и по специальному деревянному желобу подавался в варницу. Сереговские варницы вряд ли отличались от соседних сольвычегодских и тотемских варниц. И те, и другие в XVII–XVIII вв. были «черные», т.е. без специального дымохода.

Варница представляла собой бревенчатый и сверху покрытый тесом сарай без всяких окон, только на кровле было проделано широкое четвероугольное отверстие для выхода дыма и паров. При входе в варницу строились сени или пристен для хранения дров. Дверь из пристена вела в варницу. В центре варницы находилась печь – круглая или овальной формы яма до 12 аршин в диаметре и до 5 глубиною, обделанная по краям кирпичом или диким камнем. На дне печи устраивалось поддувало с задвижкой, которой регулировался приток воздуха. Над печью на особых железных дугах-держалах подвешивалась четвероугольная сковорода – црен (чрен). Црен делался из толстого листового железа, называемого

полицами. Размеры цренов были чаще всего квадратными – 10х10 сажений глубиной в 12 вершков [10].

К одной из боковых стен варницы пристраивался ларь – ящик из толстых досок или брусьев, куда подавался рассол. Ларь соединялся с цреном желобом. Над ларем по всей длине варничной стены простиралась полата, куда складывалась для просушки вываренная соль.

Технологический процесс выварки состоял из двух основных частей. При «заводе» или первоначальной действии варницы из ларя напускалось столько рассолу, чтобы он только покрыл дно црена. Растапливали печь. Когда рассол закипал, туда вливалась небольшая порция свежего рассола и доводилась до кипения. Потом делался еще напуск рассола до тех пор, пока не заполнялся весь црен. Этот процесс, называемый засолом, составлял первую часть солеварения и длился около суток.

Во время кипения из рассола выпаривалась вода и отделялись ненужные примеси – песок и другие химические соединения, которые прибавились к краям црена, и там в специально опущенных деревянных корытах оседали. Другие органические соединения на поверхности рассола в виде пены снимались черпаками. Главная цель солеварения в первые сутки состояла в том, чтобы с помощью испарения сгустить рассол до степени, необходимой для кристаллизации соли, и в то же время очистить его. Вторая часть солеварения заключалась в том, чтобы «пустить соль на привод», т.е. заставить ее кристаллизироваться и садиться на дно в виде кристаллов. В это время жар уменьшали, потому что при медленном и спокойном испарении кристаллизация шла лучше. «Привод» длился 12–13 часов. Затем следовала «унимка» соли. Варницу отворяли, црены охлаждали. Осевшую соль сгребали, давали ей провянуть и поднимали на сушильные полаты, где ее лопатами и клеймили. Период от «унимки» до «унимки» назывался «варя». На каждую «варю» требовалось от 12 до 19 сажений дров, сосновых или еловых [11].

Ни на одном солеваренном промысле не варили соль в течение всего года. Периодически приходилось останавливать варницы для чистки и ремонта цренов и печей. Как указывал приказчик Сереговского завода, «каждый завар начинается на новом цырене или после починки» [12]. Однако первый или отремонтированный црен давал в первое время загрязненную, негодную к употреблению соль. Поэтому солевары были заинтересованы в том, чтобы сделать больше варь без перерыва на починку в одном црене. Не случайно, когда яренский бургомистр Курейн в 1764 г., вмешиваясь в дела завода, стал заставлять «безвременно» выносить из варниц песок и чинить црены, приказчик в жалобе на него в Главную соляную контору писал: «А по тамошнему обряду как варницы и цырены починиваются по окончании загреба, то есть от 15 до 18 солей выварки, так тогда ж и помянутой песок из варниц выносятся» [13]. Выварка ж одной вари соли длилась двое суток. Таким образом, непрерывное варение соли в одном црене длилось от 30 до 36 суток.

§ 2. Основание Сереговского солеваренного промысла и его развитие в XVII веке.

На раннюю историю Сереговского соляного промысла и связь его с предпринимательской деятельностью сольвычегодских Строгановых проливает свет судное дело, датируемое 1667 г., между купцами кадашевцами гостинной сотни Пахомом Иванчиным, Иваном Федоровым и Романом Ивановым с одной стороны и купцом Иваном Панкратьевым с другой, которое 13 лет разбиралось в Приказе большой казны и закончилось в пользу последнего*.

Истцом выступил П.Иванчин, который доказывал, что «Сереговское усолье, что на Выме реке, изстари Строгановых по жалованным грамотам и по прежним их купчим». В приводимых им в качестве доказательства копийных документах, полученных от Петра Владимировича Строганова, указывалось, что еще в 1582 г. царь Иван Грозный дал Афанасию Владимировичу Строганову льготную грамоту на 15 лет на право поиска и эксплуатации соляных источников по реке Выми: «И на тех диких местах рассольные места искать, и ему на том месте трубы россольные и варницы ставить, и пашни распахивать, и леса расчищать». С этого начиналось проникновение Строгановых в Вымские земли**. Через год к «диким

* Подлинник. Столбцы судного дела состоят из 18 сставов. Первый став в начале оборван, нет, вероятно, около $\frac{2}{3}$ сстава, текст утрачен. Остальные ставы удовлетворительной сохранности. На лицевой стороне внизу большая черновосковская царская печать удовлетворительной сохранности. Краткий анализ источника впервые сделал в 1929 г. краевед и директор архива Коми автономной области А.А.Цембер в статье «К истории основания Сереговского солеваренного завода». (Записки Общества изучения Коми края. Усть-Сысольск, 1929. Вып. 2. С.48–50). На наш взгляд, утверждение Е.И.Заозерской о том, что «сведений о производившихся под «Сереговою горою» поисках соляных рассолов и существовании здесь солеварен до Панкратьевых не имеется», является совершенно необоснованным. (Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII вв. М., 1970. С.172).

** Следует отметить, что Афанасий Строганов не относился к плееде «именитых Строгановых», как считает Б.Я.Розен, а был всего лишь представителем их боковой крестьянской, так называемой «циренниковой» ветви (от дер. Циренниково возле Сольвычегодска). По сведениям А.А.Введенского, «маленький циренниковский вотчинник Афанасий Владимирович Строганов имел в своих вотчинных деревнях всего только трех половников, хотя и не отставал от своих богатых родственников в эксплуатации и разорении сольвычегодского посадского населения». (Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI-XVII вв. М., 1962. С. 51).

местам» прибавляются первые участки земли, скупленные по дешевке у вымских крестьян. В 1583 г. Василий Юрьев (Югов) Серегов продал за 10 руб. Афанасию Строганову пожню на Сереговском лугу. В том же году родственники Василия, Демка Леонтьев Серегов и его племянница Софьица уступили Строганову за 13 рублей «землицу» в поскотине за ручьем и у верхнего взвоза – «а в межах та полянка снизу с Василькою Юговым, а сверху с Никитою Чакилевым, а с горы по осеку от реки по старым межам». В 1584 г. Строганов скупает у Никиты Чакилева полянку за 1 рубль и у Василия Юрьева (Югова) полянку да поженку за ручейком подле озера за 3 рубля. Через два года Строганов получил вторую льготную грамоту, которая разрешала поставить «на своей купленной земле по реке по Выми под «Сереговскою горою» варницу, варничный амбар, трубы рассольные и варить соль.

К сожалению, из имеющихся документов не видно, как разворачивалась на Вымской земле деятельность Строгановых дальше. По словам Иванчина, А.Строганов все же построил соляную трубу и варницу поставил, и в доказательство на его приоритет ссылался на описание Вымских земель в 1586 г. писцами Иваном Огаревым и Филиппом Юрьевым, утверждая, что «в то число того Усоляя писцы кроме Офонася Строганова ни за кем не написали». Ответчик Иван Панкратьев, возражая, указывал, что хотя на ту землю и имеются жалованные грамоты, но они не подлинны (подлинны грамоты, по словам Иванчина, утеряны).

В начале XVII в., кроме Строгановых, вываркой соли на Выми занимались также «лучшие» крестьяне Княжпогостской волости братья Опарины*. Писцовая книга 1608 г. отмечает «починок Ивана да Севастьяна Опариных, на починок во дворе человек их Петрушка Латыш, да на починок ж соляная варница, а оброку с варницы три рубля». Однако после 1625 г. опаринские и Строгановские варницы по неизвестным нам причинам прекратили свою работу. Во всяком случае, в 1628-29 гг. при следующем описании Яренского уезда писцы фиксируют «пустошь, что был починок Ивана да Севастьяна Опариных, да их же соляная варница пуста. Та тое ж пустые варницы жеребей Соли Вычегодской посацкого человека Васки Леотьева сына Строганова, по купчей. А Ивашка Опарин умер во 120-м (1612) году». Что же касается Строгановых, то разворот их дальнейшей деятельности на Выми, очевидно, был прекращен в связи с передвижением в Пермские земли.

Варницы в запустении находились сравнительно недолго. В 1637 г. галичанин, гостиной сотни торговый человек Данило Григорьевич Панкратьев купил промысел за 23 рубля у вдовы Севастьяна Опарина и его сына Павла. Из купчей видно, что во владение его перешли две соляные

* У «лучших» крестьян Княжпогостской волости Опариных в 1608 г. было 9 половников. (Красильникова Э.Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII веке. Сыктывкар, 1972. С.34).

трубы с варничными и амбарными местами. Энергичный Панкратьев сразу же взялся за дело и уже с 1638 г. построил первую варницу. Свыше 10 лет приказчики Д.Г.Панкратьева варили соль, не платя никакого оброка, и только в 1650 г. на варницу был положен оброк 1 руб. 10 денег в год. В 1651 г. яренский воевода Хрущев писал в Москву в Новгородский приказ, что «Данило Панкратьев подле прежней своей варницы построил безоборочно 2 соляные варницы и соль варит беспрестанно, а таможенных пошлин против первой варницы не платит, а соль продает за тем же оброком» [14].

Из специального расследования, произведенного по приказу думного Алмаза Иванова, вырисовывается следующая картина состояния промысла. В 1652-53 г. у Панкратьевых имелось уже 5 варниц и одна рассолоподъемная труба. Однако соль варилась в четырех варницах, а пятая варница была «поставлена для простою и починок», т.е. в качестве запасной.

О количестве ежегодно вывариваемой соли сказать трудно. Непосредственные производители соли «варнишные соловары» Иван Щербин, Никита Иванов, Никифор Галичанин, Фома Микунев и Марк Фотиев отказывались дать точные сведения, «потому что соль в варницах не веснят, а почему тянет кадь соли, то мы не ведаем» [15]. Яренский воевода Хрущев сообщал, что каждая варница дает в сутки 70 пудов соли. По словам же хозяина промысла Д.Г.Панкратьева, в 1651/52 гг. было вывезено соли в Вологду и в Вымский уезд в Сысольские волости в количестве 33100 пудов [16]. В Вологду ежегодно отправлялось от 5 до 7 дошаников, и по два дошаника отправлялось в Туглим, большое торговое село на Вычегде. Туда же, в Туглим, на Богоявленскую (6 января) и Благовещенскую (25 марта) ярмарки привозилось от 20 до 30 возов соли на каждую [17].

Значительное расширение Сереговского промысла приходится на последнюю четверть XVII в. при сыне Д.Г.Панкратьева Иване Даниловиче. Именно тогда и был затеян Строгановыми упомянутый выше судебный процесс, окончившийся не в пользу последних. Подъему производительности промысла в определенной мере способствовало появление здесь в 1673 г. нового приказчика, устюжанина родом И.А.Шергина, который, как пишет В.Г.Гейман, «был человек хозяйственный и, по-видимому, с большими организаторскими способностями» [18].

К началу деятельности Шергина на промысле работало 5 варниц и одна рассолодобывающая труба. Новый приказчик сразу же энергично взялся за технические усовершенствования. Вместо старых, мерою сажень с аршином, были построены огромные новые лари размером четыре сажени длиною и три с половиной шириною. Для того чтобы еще больше повысить производительность труда рабочих-водолизов, он увеличивает число этих рабочих и повышает им заработную плату. Не ограничиваясь частичными

улучшениями, Шергин в первый же год своего управления промыслом закладывает вторую рассолоподъемную трубу [19]. Это дало возможность значительно увеличить количество добываемого рассола и вывариваемой соли. К 1698 г. промысел состоял уже из 13 варниц, и выварка соли по сравнению с 50-ми годами возросла почти в 10 раз, достигнув до 310 тысяч пудов в год [20].

Основная масса вываренной соли направлялась на Вологодский рынок. Там же закупались и все необходимые для промысла припасы: железо для цренов и трубных снастей, канаты, ведра, рогожи для упаковки соли и т.д. Так в «росписи» – подробном перечне необходимых для промысла товаров, которые требовалось закупить в Вологде в 1673 г., указывалось: «200 полиц больших немецких цыренных, 100 пудов железа свийского, 5 трубок медных немецких водоливных, 50 войлоков коровьих больших и малых, 2 спуска (бечев) векошных несмоленных, 2 спуска бечев догрузов несмоленных же доброй пеньки, 15 пудов перевоев тонких из добрые пеньки, 2 спуска к боевым часам и к соляной набойке для мехового подъему доброй же пеньки, толщиной против лычных ужищ, несмоленные, 5500 рогож матиц шитых и нешитых, мочал при прежнем вдвое (все это к соляной набойке), 1000 ужищ мочальных, лык липовых против прежнего, 150-ры дружки ведер водоносных, 500 лопат осиновых, 30 дерев заступных, 5-ры сани общевни, 5-ры жернова рукомольных, 2 лагуна дегтю мазного, да 5 бочек смолы. Да мелких домашних запасов про домашних людей: 5 четв. пшеницы, 3 четв. гороху, 3 четв. семени конопляного, 4 четв. толкна, 3 четв. круп овсяных, 2 четв. круп гречишных. Да в той же росписи писано купить 5000 скал на церковные и на варочные и на анбарные кровли, а в анбарных от дожа солее чинитца велик изъян» [21].

В следующем 1665 г. требовалось прислать приблизительно то же самое, но с дополнением: 100 пудов железа карельского, затем 10 кож сыромятных и узд конских, шлей, хомутов, 100 дуг, колес; далее 1000 «обувей лаптей», пуд светилен, 12 пудов слюды, 3 пуда свеч сальных маковых и т.д.

В «росписи» 1676 г. перечисляются: «200 пудов уломского железа, 100 пудов проваренного железа, 200 пудов судоромского крычного железа, 20 пудов стали немецкой, 6 плит чугуных больших, 10 чанцов на варницы ведер по 60 и по 50, 5 мехов кузнечных, 20 кадок и 10 ушатов, 3 сита мукосейных и т.д. [22]. Как видно из «росписей», промысел ежегодно потреблял значительное количество производного железа.

Дрова закупались у местного населения, для которого это был важный подсобный промысел. В.Г.Гейман пишет, что в 1674 г., когда работало всего лишь пять варниц и было выварено за год 133000 пудов соли, потребовалось 12 000 сажень дров; очевидно, что при работе 12–13 варниц и при выварке соли, достигающей 310000 пудов, как в 1697 и 1698 годах требовалось дров до 30000 сажень [23].

Исходя из расчетов Шергина на содержание промысла требовалось ежегодно от 8 до 10 тысяч рублей в год. Первая половина этой суммы высылалась хозяевами весной к 1 марта, очевидно для снаряжения речного каравана с солью и найма судовых работников; другая половина – к 14 ноября для расплаты с дровопоставщиками и другими наемными работниками. Деньги присылались крайне нерегулярно.

Себестоимость соли составляла алтын с небольшим пуд. Продажная же цена на ближних рынках, например, в Яренске составляла 2 алтына 4 деньги пуд, а в Вологде 3 алтына. Таким образом, при затрате 10 тыс. рублей и выварке соли 300000 пудов прибыль от реализации соли на ближнем рынке составляла от 100 до 170%, а на вологодском – до 300% [24].

Квалифицированную рабочую силу составляли местные и пришлые люди. В переписной книге 1678 г. указано место происхождения большинства из них. В Серегово проживало 17 жителей Яренского уезда, в основном выходцев из Ляльской и Турьинской волостей, 16 человек из Соли Галицкой, одного из старинных русских солеваренных центров, имеющего и личную связь с гостем Панкратьевым, по происхождению Галицким посадским человеком. 11 человек переселились в Серегово из Тотмы, в том числе трубной мастер В.А.Чумаков с двумя взрослыми сыновьями, четыре человека были выходцами из Соли Вычегодской, два с Мезени и один с Вашки. «Таким образом, 1/3 квалифицированной рабочей силы – 17 человек из 51 – была местным людом, уроженцами Яренского уезда, бросившими сельское хозяйство и перешедшими на работу в промышленность» [25]. 90 помесячных и поденных рабочих, не названных переписчиками поименно, сказано, что в работничьих избах при усолье «живут разных городов и Еренского уезду тутошных ближних волостей прихожие работные люди». Без сомнения, большинство из этих работников были местными жителями [26]. Кроме выполнения при промысле черной работы они занимались поставкой дров к варницам.

В переписной книге 1678 г. упоминается около Серегово три деревни – Мироновская, Андреевская и Гичевская (Удор), жители которых были поляки и корелетяне. При них сказано: «А те деревни и поляки и корелетяне крепки гостю Ивану Панкратьеву по крепостям». Шергин в письмах к хозяину называет их «своих поляков и корелян» – еще и «домовыми людьми». Таким образом, Панкратьевы имели возможность эксплуатировать на промысле и своих собственных людей (очевидно, купленных военнопленных).

Самыми высокооплачиваемыми специалистами на промысле являлись трубный мастер и кузнец-цренщик, которые получали высшую ставку – по 36 алтын 4 деньги в неделю. Затем шли повара (по одному на варницу) с оплатой по 26 алтын и «полуспециалисты», как их называет В.Г.Гейман, подварки, водоливы, получающие по 16 алтын в неделю. К ним же по

оплате приравнивались и дровозовы, как работавшие при варницах [27]. И, наконец, самую низшую ставку – 10 алтын в неделю – получали солоносы.

В каждой варнице работало по одному повару, подварку, дровозову, по два солоносы и от шести до девяти водоливов, т.е. всего от 11 до 14 человек. При работе в среднем 10 варниц количество таких квалифицированных и полуквалифицированных постоянных рабочих людей достигало до 200 человек.

Кроме постоянных работников на промысле трудились в большом количестве и простые поденщики с платою от одного до двух алтын в день, и «срочные», нанимавшиеся обычно с весны до глубокой осени.

В исторической литературе высказывались разные точки зрения о социально-экономической природе солеваренной промышленности в XVII веке. В.Г.Гейман относит Сереговский солеваренный промысел к предприятиям «фабрично-заводского типа, пользующимся наемным трудом свободных рабочих» и достигнувшем в XVII в. «развитой капиталистической формы» [28]. Но это мнение не было поддержано последующими исследователями солеваренной промышленности.

Н.В.Устюгов относит крупные соляные промыслы к предприятиям типа мануфактуры [29]. А.А.Введенский, посвятивший свое исследование торгово-промышленной деятельности сольвычегодских Строгановых в XVI–XVII вв., высказывает сомнение относительно того, можно ли приравнивать солеваренные промыслы Строгановых к мануфактуре, т.к. они «не отвечают всем условиям, необходимым для мануфактуры» [30].

Против отнесения крупных солеваренных предприятий к мануфактуре выступил Н.И.Павленко, считая те соляные промыслы, которые обслуживались наемной рабочей силой, простой капиталистической кооперацией. Свою точку зрения Павленко подкрепляет тем, что организация соляных промыслов не претерпела существенных изменений на протяжении нескольких столетий и не могла вызвать переворота в других отраслях производства [31]. В монографии Е.И.Заозерской о возникновении крупного производства в русской промышленности XVI–XVII в. специальный раздел посвящен солеваренной промышленности. Автор приходит к выводу, что небольшая численность работников в варнице, отсутствие последовательного ряда операций по выработке и обработке продукции, простой и однообразной, а отсюда отсутствие детальной специализации дают основание относить варницу, а также сумму варниц, т.е. весь промысел не к мануфактуре, а к кооперации. «Сумма варниц не меняла его характера, но делала усолье в целом очень крупной кооперацией, простой, а не мануфактурой» [32].

Такие разногласия в определении социально-экономической сущности солеваренного производства вызваны спецификой солеварения как добывающей отрасли промышленности, сложностью и переходным характером самого явления. Конечно, в солеваренной промышленности, продукция, которой не подвергается дальнейшей обработке, не

происходило значительного разделения труда, но оно все же имело место в каждой отдельной варнице.

На крупном же промысле из 10 и более варниц число рабочих различных специальностей является уже довольно значительным. Кроме того, большое количество постоянных наемных рабочих (свыше 200 на Сереговском заводе), занятых на крупных соляных промыслах (не считая временных рабочих), значительные размеры капиталов, требовавшихся на организацию таких промыслов, большой объем производства, а также применение довольно сложной по тому времени техники для добычи рассола говорят о том, что организация производства в крупных соляных промыслах, к которым относились и Сереговские, на наш взгляд, находилась на более высокой ступени, чем простая капиталистическая кооперация.

§3. Обеспечение Сереговского промысла рабочей силой

В.Гейман отмечает на Сереговском солеваренном промысле в XVII в. полное преобладание вольнонаемного труда [33]. К этой точке зрения присоединяется Н.В.Устюгов: «Автор совершенно правильно рассматривает Сереговский соляной промысел как промысел, основанный на вольнонаемном труде», тем самым ставя вопрос «о новых социально-экономических явлениях, характерных для XVII в.» [34]. Е.И.Заозерская считает, что в Серегово применялся наемный труд, преимущественно на основе кратковременного найма, что соответствовало значительной потребности в подсобной рабочей силе [35].

Документы показывают своеобразные формы вольнонаемного труда, интерпретирующего в условиях общего господства в стране феодально-крепостнических отношений и его переплетение с различными видами принудительного труда. В Серегово применялся смешанный труд: квалифицированный и подсобный. Основной костяк первой группы составляли, как отмечалось, выходцы из старинных русских солеваренных центров. Подсобным трудом, рубкой и вывозкой дров занимались крестьяне ближних и дальних деревень Яренского уезда.

Потребность в большом количестве дров вынуждала Панкратьевых следовать примеру их богатых соседей Строгановых и любым способом добиваться приписки к заводу земель. Н.В.Устюгов обстоятельно осветил длинную и полную мытарств борьбу вымских крестьян с Панкратьевыми против приписки их к промыслам, [36] но, тем не менее, мы считаем нужным еще раз вернуться к этому вопросу.

Как видно из следственного дела, отложившегося по этому вопросу в архиве Сената, весной 1700 г. Панкратьевы подали челобитную об отдаче им к их Сереговскому промыслу трех волостей – Ляльской, Княжпогостской и Турьинской, всего 216 дворов, за уплату в казну за них 300 рублей в год в счет платежа стрелецких и новоприборных денег, с

прибавкой против ранее выплачивающихся денег на 105 руб. 20 алт. [37]. В деле упоминается об именном царском указе от 14 апреля 1700 г. об отдаче этих волостей, но когда началась тяжба крестьян с Панкратьевыми, он нигде не был обнаружен. Получив в свое распоряжение крестьян трех черносозных волостей Панкратьевы сразу же стали их эксплуатировать. За 300 руб. стрелецких и оброчных денег они были обязаны ежегодно поставлять по 2 тыс. саж. дров [38].

Несмотря на недовольство, выражавшееся в неактуальной поставке дров и выполнении различных работ, до 1712 года крестьяне не принимают решительных мер к освобождению от ярма Панкратьевых. Однако, воспользовавшись проездом в этом году через Яренский уезд сибирского губернатора Гагарина, они обратились к нему с челобитной вернуть их в прежнее состояние. Неизвестно, какие мотивы послужили основанием Гагарину для вынесения решения в пользу крестьян, но он дал соответствующие указания яренскому коменданту Кологривову. Панкратьеву, однако, удалось добиться отмены решения Гагарина и вновь добиться подтверждения своих прав на владение волостями.

Страх превратиться в лично зависимых заставили вымских крестьян в 1715 г. обратиться с челобитной в Сенат с требованием считать их «государственными крестьянами». Напоминая о том, что они «исстарь до 700-го году» были «государственными», крестьяне с горечью констатировали свое новое обременительное положение: «И в том же 700-м году они, гости, наложили на нас сильно и брали за стрелецкие и прибавочные деньги за 300 рублей варнишными дровами по 2000 сажень, а сажень четырехаршинная. И верстали в платеж малою ценою по 5, по 4 и по 3 алтына 2 деньги за сажень, и у сторонних крестьян вычегжан и сысольцев они покупали такие дрова по 8 алтын по 2 деньги за сажень» [39]. Наряду с заготовкой дров крестьяне вынуждены были исполнять и другие повинности: «Да они же, гости, наложили на нас в страдное время своего изделия и брали нас на сенокос в неволе со всех третей с 700-го по 713 год по 250 человек на год». Свое требование о возвращении их в разряд государственных, крестьяне мотивировали отсутствием именного указа 1700 г., что «кроме послушной памяти они, Иван и Семен, великого им государя никакого указа не объявили» [40].

Дело о приписке вымских крестьян в течение ряда лет разбиралось в сенате, пока в 1720 г. не было вынесено положительного решения о причислении указанных волостей вновь к государственным черносозным волостям*. Н.В.Устюгов пишет, что отсутствие подлинного царского указа

* Сенат был вынужден вынести такое определение, потому что при всем «прилежании» и «норовя ему, Панкратьеву», чиновникам не удалось отыскать именного указа. В архивах Вотчинной и Юстиц коллегий, надворного суда и других учреждениях, куда обращался Панкратьев, именного указа не был обнаружен. (РГАДА. Ф.248, д.220, л.654).

от 14 апреля 1700 г. послужило на пользу крестьянам, которым благодаря этому удалось освободиться из владения Панкратьевых. Однако вопрос остается открытым. Поиски именного царского указа пока ни к чему не привели, но, видимо, Панкратьевым удалось и в дальнейшем удержать свою власть над крестьянами, потому что в купчей 1746 г. Авдотьи Исаевой на продажу завода Рыбниковым зафиксирована и передача приписных крестьян «с женами и новорожденными детьми». («Приписными по тому усолью») [41]. В документах второй половины XVIII в., когда заводом уже владели Рыбниковы, тоже встречаются фамилии приписных. В 1776 г. в делах Яренской воеводской канцелярии упоминается приписной крестьянин Федот Борисов [42], а 1788 г. в связи с разбирательством дела о беспорядках на заводе среди зачинщиков упомянут приписной служитель Степан Немчинов [43].

О наличии крепостных на заводе во второй половине XVIII в. видно из купчей Исаевой, а также из материалов переписи 1747 г., в которой они зарегистрированы как «домовые люди» в количестве 93 человека» [44]. Забирая с завода часть своих крепостных, Исаева в той же купчей передавала вологодским купцам за 600 верст от Серегова в Тотемском уезде в Ихалицкой волости деревню Глухую «с прикащичьим и крестьянскими дворами и со всеми угодыями» [45]. Таким образом, Рыбниковы получили в свою собственность крестьян целой деревни, которыми они могли распоряжаться по своему усмотрению. В том же 1746 году Алексей Рыбников купил у вологодской помещицы вдовы Ксении Никитиной (по мужу Шелковой) в Вологодском округе сельцо Козицино. Не теряя времени, воспользовавшись проведением второй ревизии, Рыбниковы сделали попытку окончательно закрепить за собой крестьян, мотивируя это покупкой небольшого «железного» завода в Пустынской волости, и обратились в Архангельскую губернскую канцелярию с просьбой о том, «чтобы показанных по скаскам крепостных их людей из-за них от владения не отбирать, а в нынешнюю перепись записать за ними, понеже де они имеют за собой с ноября 20-го дня прошлого 1745 годы во владении общепокупные бывшего статского действительного советника Ильи Исаева от жены его, вдовы Авдотьи Семеновы дочери в Яренском уезде Сереговской соляной и железной заводы с деревнями и угодыями и людьми» [46]. Но Берг-коллегия вынесла отрицательное решение: «Малым ручным заводам деревень и людей покупать не подлежит». Однако Рыбниковы оказались людьми изворотливыми, и, видимо, сумели обойти правительственное законодательство в вопросе о приобретении дополнительной рабочей силы.

В связи с этим представляет интерес одно любопытное дело из анналов Департамента горных и соляных дел. И хотя дело выплыло наружу в начале XIX века, однако отображаемые в нем события имели место в XVIII веке. В 1815 году Департамент горных и соляных дел обратился с запросом к Вологодскому губернатору, пытаясь выяснить «на каком же основании

завод сей поступил в частные руки, т.е. на праву ли помещика или только в содержание». О том, что завод некогда принадлежал Панкратьеву, в департаменте было известно, но «когда и на каком основании первоначально приписаны к Сереговскому заводу крестьяне», того по делам департамента «не проходило».

Губернатор обратился в Казенную палату, та соответственно потребовала объяснений у Рыбникова и, кроме того, запросила Яренский и Тотемский нижние земские суды. И.Рыбников в качестве оснований на владение крестьянами сослался на своих предшественников. Панкратьевых, которые в свою очередь владели по переписным книгам 1678 г., а так же по жалованной грамоте царя Алексея Михайловича, которые вместе с купчей дошли до Авдотьи Исаевой. Таких оснований было бы достаточно, если б по справкам, наведенных палатой, не обнаружилось, что «как переписные, так и писцовые книги оказались без всякой скрепы», а жалованной грамоты ни в Государственном архиве старых дел, ни в Разрядно-сенатском архиве не нашлось [47]. Яренский нижний земской суд на предписание казенной палаты донес, что «написаны при том заводе с крепостными людьми наряду и бобыли, которые не могли показать своего отечества, а иные де бобыли его императорского величества, а не крепостные люди господина его; также и половники, которые в прежних скасках написаны были за господином его, и отечеств своих потому ж показать не могли. И сверх того приписаны явившиеся из сходу, которые показали вотчины свои не в Сереговском Усолье...»

Тотемский нижний суд сообщил, что деревни Глухая в 1710 г. написана была за гостем Семеном Панкратьевым. По первой ревизии 1722 года в Глухой было 7 крестьянских дворов с 20 душами мужского пола. Во второй ревизии деревня числилась уже за вологодским купцом Алексеем Рыбниковым с купленными у разных помещиков двумя человеками, всего 27 душ, и по третьей ревизии 1762 г. в той же деревне у Рыбниковых уже числилось 39 душ. Наконец, по четвертой ревизии в Глухой было уже 57 душ, кроме переведенных. В отношении же покупки сельца Козицино от Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии разрешения не имелось [48].

И Глухая, и Козицино явились как бы резервом рабочей силы для Сереговского завода путем перевода оттуда крестьян, ибо, как видно из дальнейших документов, Вологодская казенная палата сумела докопаться и установить, что Рыбниковыми «действительно переведены в состоящей в Яренской округе Сереговский солеваренный завод Тотемской округи деревни Глухой крестьяне Иван Поляков и Афанасий Обухов назад тому первый – десять, а последний семь годов с их семействами, которые по поданным к нынешней 5-й ревизии скаскам показаны при означенном Сереговском заводе в рублевом окладе мужеска полу 8, да женска 11 душ... о переводе коих никакого в палате производства не имелось и дозволенья дано не было» [49]. Еще раньше на завод из этой же деревни Глухой были переведены крестьяне Мартыновы с семействами, предки

которых были из иноземцев [50]. Как выяснилось, все они были переведены еще до третьей ревизии и положены в рублевый склад. Когда же переведенные крестьяне обратились с жалобой в Сенат, то Максим Рыбников в Вологодском губернском магистрате свое право на их владение доказывал лишь тем, что все те крестьяне с самой их покупки «по всем ревизиям писаны за ним, Рыбниковым» [51].

Итогом рассматриваемого дела явился сенатский указ от 13 октября 1804 года, которым деревня Глухая и сельцо Козицино, «яко приобретенные противозаконным образом», с записанными в них по последней ревизии крестьянами со всем их имуществом, были отписаны в казенное ведомство [52].

В купчей крепости Исаевой есть специальный пункт и о половниках: «А живущих на крепостных моих землях при Сереговском соляном заводе в разных местах половникам, буде они за ним жить пожелают, то тем половникам по их желанию жить у них, Рыбниковых, а нам Исаевым, дела нет» [53]. Вторая ревизия отмечает у Рыбниковых на заводе 40 половников. Помимо сельскохозяйственных работ, половники в свободное время привлекались и к заводским работам. Некоторые из половников, порвав занятия сельским хозяйством, переходили полностью на «годовое жалованье» к Рыбниковым [54]. Нередко переводимых из Глухой крестьян Рыбниковы тоже записывали в половники. Так, упомянутый крестьянин Поляков находился в половнической работе.

В сказках второй ревизии среди работных людей упоминаются также «не помнящие родства» крестьяне Авнегины, очевидно, из Авнежской волости Вологодского уезда, и Колмогоровы с Двины, из Холмогорского уезда.

Кроме перечисленных категорий зависимых от владельцев завода людей, там работало много вольнонаемных коми крестьян, которые заготавливали дрова. Заготовка и сплав дровяного леса производились по договорам. В осенне-зимний сезон дрова заготавливались, а весной в плотах приплавливались к заводу. В заготовке дров участвовали не только крестьяне близлежащих к заводу волостей, но и дальних, расположенных по Вычегде и Сыsole: Коквицкой, Палевицкой, Часовской, Усть-Сысольской, Вишерской и других волостей. Однако, несмотря на видимость договорных отношений, сущность отношений крестьян-дровопоставщиков и владельцев завода приближалась к феодальной зависимости: задатчивая принуждать и принуждая задатчивать. О масштабах задатчивания можно судить по журнальной записи Яренской воеводской канцелярии за 1776 год, где указывалось, что «забравшимися Яренского уезда крестьянами не выставлено» дров: Турецкой – 7437 саж. на 2082 руб. 32 коп., Княжпогодской – 8684 саж. на 2431 руб. 51 коп., Ляльской – 4661 саж. на 1305 руб. 8 коп., Усть-Вымской – 1583 саж. на 443 руб. 22 коп., Оквадской – 684 саж. на 191 руб. 68 коп., Коквицкой – 5369 саж. на 1503 руб. 30 ½ коп., Палевицкой – 1795 ½ саж. на 502 руб. 78 коп., Часовской 2313 саж. на

647 руб. 64 коп., Зеленецкой – 3875 $\frac{1}{2}$ саж. на 1085 руб. 13 коп., Усть-Сысольской – 1301 саж. на 364 руб. 33 коп., Вишерской – 1047 саж. на 293 руб. 27 коп. Всего 38751 саженой на сумму 10850 руб. 26 коп. [55].

Крестьяне постоянно жаловались на насилия и злоупотребления со стороны приказчицей администрации завода, которая при поставке дров занижала цены. За сажень приплавленного «худого» леса платилось 18–20 коп., «посредственного» 25–35 коп., за «добрый» 36–40 коп., вместо полагавшимся по расценкам 30–45 и 50 коп. за каждую сажень из перечисленных сортов [56]. Кроме того, за «ухват» дров и вывозку их на площадь к заводу, которые производились заводскими людьми, из крестьянского заработка высчитывалось от пяти до семи копеек с сажени.

§ 3. Сереговский завод в условиях соляной монополии.

Описание Сереговского солеваренного завода в начале XVIII в. дает переписная книга Яренского уезда 1707–10 годов, указывающая, что в нем было «2 трубы соляных, да 11 варниц, а в тех варницах 10 цыренов, а в одной варнице цырену нет, да 7 анбаров соляных и снастных, а в те анбары кладут соль и снасти судовые и иные всякие» [57].

Однако в начале XVIII в. производительность промысла начинает снижаться. Основной причиной этого явления, очевидно, была конкуренция пермской соли, добываемой из густонасыщенных рассолов и волжской самосадочной соли, которая не требовала на свое производство больших затрат. Это привело к понижению цен на основных рынках страны. Реализация сереговской соли на вологодском рынке становится все труднее, а переоборудование промысла требовало значительных капиталовложений, которых у Панкратьевых уже не хватало.

С другой стороны, сокращение производства сереговской соли можно поставить в прямую связь с установлением в 1705 г. государственной монополии на соляную торговлю. Солепромышленники с этого времени должны были сдавать соль в казну по заранее определенным низким ценам, что не только ограничивало их деятельность с области сбыта, но даже ставило в определенные рамки само производство. Сказывалась и специфика ведения солеваренного хозяйства, связанная с замедленностью оборота вложенного в солеварение капитала. Промысел, приобретенный в 1746 г. у правнучки его основателя Исаевой вологодскими купцами Рыбниковыми, был «весьма не в состоянии». В купчей на продажу указаны две действующие и одна недействующая соляные трубы, семь варниц с цыренами и «со всякими варнишными трубными железными и деревянными инструментами и другими всякими потребностями и дворовым всяким строением». На ремонт промысла, по

словам Рыбниковых, они употребили денег больше, «чем за промыслы дано»*. Обращаясь с просьбой о денежной ссуде в Главную соляную контору, они писали, что «за нескорою выручку истинных от продажной соли денег крайне недостаток причиняется, понеже большой отпуск той соли от промыслов повсегодно бывает в одну Вологду, где первого отпуска соль по поставке до зачатия продажи праздно лежит более половины года и затем денежным капиталом вновь к выварке соли с крайнею нуждою, а более займом справляемся» [58]. Поскольку казенная монополия на продажу соли являлась одним из немаловажных источников дохода государства, Главная соляная контора вынуждена была поддерживать Рыбниковых периодическим кредитованием: (в 1747 г. выдано 4 тыс., в 1748 г. и в 1753 г. по 6 тыс. рублей) с тем, однако, условием, чтобы они «с тех покупных действительных семи варницах соль варили завсегда без всяких остановки, а потом и достальные имеющиеся недействительные четыре варницы возобновляли» [59]. Одновременно соляная контора предприняла на Рыбниковых энергичный нажим, уже при покупке обязав их подпиской «промыслы содержать в добром порядке, с крайним радением и попечением и соли вываривать в год не токмо против прежде бывшей варения прежднего промышленника Исаева выварки 121322 пуда, но со многим излишеством» [60]. В случае нарушения обязательства они подвергались «немалым штрафом и истязаниям». Тем не менее выварка соли в первое время после покупки завода была низкой, хотя постепенно возрастала: в 1746 г. – 95854 пуда, в 1747 г. – 111011, в 1748 г. – 120416, в 1749 г. – 131517, в 1759 г. – 143352 пуда [61]. Вообще следует заметить, что интерес Соляной конторы к Сереговскому заводу заметно возрастал, она постоянно интересовалась делами промысла, количеством и качеством вываренной соли.

В 1775 г. Соляная контора установила годовую норму выварки для завода 241478 пудов [62]. Это вызвало энергичный протест солепромышленников. В 1777 г. Рыбников заявил, что «пропорции 241478 пудов вываривать невозможно, почему и обязать так точно он не может, а что следовало по учиненной в 1746 г. подписке довольной на этом их заводе против преждних владельцев выварки, то она так уже умножена, что оной на том на их заводе вместо преждних 121322 пудов вываривается с вящим излишеством» [63]. Действительно, как видно из документов Соляной конторы, выварка соли Рыбниковыми составляла в 1755 г. – 203686 пудов, в 1767 г. – 202784, в 1771 г. – 178266, в 1775 г. – 158000, в 1776 г. – 162014, в 1777 г. – 174996, в 1778 г. – 183993 пуда [64]*.

* Покупка обошлась Рыбниковым в 12200 руб.

* Б.Розен. без ссылки на источник указывает, что «к середине XVIII века вываривалось на варницах Архангельской и Вологодской губерний не свыше 240-250 тыс. пудов соли в год, а в 1762 г. было выварено еще

На вторичный указ Соляной конторы, посланную в Яренскую воеводскую канцелярию и ратушу о «наикрепчайшем принуждении» их к вновь положенной «прапорции» Рыбниковы дали более обстоятельную и конкретную мотивировку отказа: починка цыренов, ненастная и ветреная погода, разбивка плотов и разнос дровяного леса по Выми. Контора вынуждена была обратиться к Архангельскому губернатору, прося у него совета, «не отыщется ли какого средства тех промышленников к довольной выварке соли принудить». Выяснилось, что Рыбниковы «чинят раздел», и конторе ничего не оставалось как от принуждения к выварке установленной «прапорции» соли перейти к принуждению Рыбниковых к скорейшему окончанию раздела. В 1778 г. Соляная контора после бесплодных попыток добиться от Рыбниковых годовой «прапорции» выварки соли в размере 241478 записала в своем журнале: «Хотя Сереговским промышленникам и установлена во оном прапорция противу прежде положенной превосходней, но сие сделано больше для побуждения их к распространению выварки по мере возможности, а за неподвижное правило почесть того нельзя» [65].

О внутренних делах компании вологодских купцов и родственников Рыбниковых, 70 лет владевшими промыслами, следует остановиться отдельно. Как уже сказано, в 1746 г. Авдотья Панкратьева (Исаева) продала промыслы пятерым вологодским купцам Рыбниковым: Алексею Максиму сыну Рыбникову с детьми Иваном и Петром и Алексею Афанасьеву сыну Рыбникову с братом его Львом. Лев Афанасьев и Алексей Максимов в 1755 г. умерли. Оставшиеся владельцы Иван и Петр Алексеевы Рыбниковы с детьми стали владеть одной половиной, а Алексей Афанасьев Рыбников – другой. Последний считался «главным участником и полномочным хозяином» [66]. В 1762 г. умирает Иван Алексеев, оставив свою часть сыновьям Федору и Максиму.

Между совладельцами вскоре установились неприязненные отношения. В 1765 г. Федор Иванов Рыбников обратился с жалобой в Главную соляную контору на своих родственников, где писал, что после смерти отца «оныя дядья к усмотрению того завода не допускают, так и к советам не призывают, без меня заключают контракты на поставку соли» [67]. В действительности же выварка соли на промыслах происходила на имя Алексея Афанасьева, Петра Алексеева и Федора Иванова Рыбниковых. Соляная контора дала указание Рыбниковым «числить» Федора Иванова, которому принадлежала часть промысла, при всех операциях с солью.

Фактически дробление промысла между наследниками отрицательно сказывалось на его производительности. В 1778 г. архангельский губернатор сообщал в Главную соляную контору, что «он со своей стороны примечает умаление на Сереговском заводе в выварке соли

меньше – 183 тысячи» (Розен Б. Указ. соч. С. 94). В свете приведенных данных нам кажется такое утверждение сомнительным.

происходит не от иного чего, а единственно от разделения их завода на разные части, поелику участники оного не столь ревностно имеют смотрение, сколь бы прямо старался о размножении завода один попечительный опекун» [68]. Для сравнения он приводил следующие цифры. Во время общего содержания завода Алексеем, Петром и Федором Рыбниковыми в 1773, 1774 и 1775 гг. было выварено соли 463018 пудов, а в 1776, 1777 и 1778 гг., когда соль варили Петр и Федор (Алексей в 1776 г. умер) было выварено 521006 пудов, т.е. на 57988 пудов больше.

В 1780 г. после смерти Алексей Афанасьев Рыбникова наследники последнего по полюбовному согласию между собою продали свою половину завода Федору и Максиму Иванову Рыбниковым. Другая половина осталась за Петром Алексеевым и Федором Ивановым Рыбниковыми. Петр Рыбников в 1782 г. продал свою часть Максиму Рыбникову и его племяннику Федору Федорову, дав им до написания купчей договорное письмо. Вследствие смерти Федора Федорова в 1784 г. Максим Рыбников купил у Петра и Федора Рыбниковых их половину завода на одно свое имя. Таким образом, три части промысла стали принадлежать Максиму Иванову Рыбникову, богатому вологодскому купцу и городскому голове, а четвертая часть после смерти Федора Иванова и Федора Федорова достались по наследству во владение дочери Федора Иванова Наталье Федоровой, по мужу Филатовой [69].

По контракту, заключенному в 1786 г. с Вологодской казенной палатой, именитый дядя и его племянница обязывались совместно вываривать и поставлять соль: Рыбников – с трех, Филатова – с четвертой части промысла по 154251 пуду в год. Однако уже в 1787 году Максим Рыбников обратился с жалобой в палату, что соль по контракту вываривает и поставляет за весь завод только он со своих трех частей своим капиталом, а от племянницы его денег на выварку не поступило, и просил не отпускать ей от казны денег. Филатова в свою очередь обвиняла Рыбникова в присвоении им отпускаемых ей из казны на четвертую часть промысла денег и настаивала выдавать ей деньги на поставляемую в Вологду соль с ее четвертой части, а по остальным городам – отдавать общему их с дядей приказчику Мануйлову. Казенная палата, несмотря на настойчивые прошения Рыбникова, который доказывал свой приоритет в выварке соли, пошла навстречу Филатовой.

Затянувшаяся между родственниками тяжба вела к застою промысла и уменьшению выварки соли. Вологодский губернатор Кашин предложил Яренскому нижнему земскому суду выехать в Серегово и «освидетельствовать» завод. Как удалось выяснить, варницы Филатовой действительно оказались в бездействии, и денег от нее на производство солеварения со времени кончины Федора Рыбникова не поступало. Фактически солеварение производилось «на кошт» дяди. В ходе разбирательства дела казенная палата пришла к выводу, что Максим Рыбников сознательно сократил выварку соли, чтобы весь завод прибрать к

своим рукам, что он «о умножении вываркою соли тогда будет помышлять, когда весь завод приберет в свои руки». В глазах Кашкина, искавшего в промысле прежде всего «приращение казенного интереса», доводы Максима Рыбникова были более убедительны и он занял его сторону, тщетно пытаясь склонить несговорчивую бесхозяйственную и не имеющую средств племянницу к компромиссу с дядей.

В разгар тяжбы Максим Рыбников умер, оставив малолетнему наследнику завод в расстроенном состоянии и долги. Последнее десятилетие XVIII века в истории Сереговского завода характеризуется острой конкурентной борьбой купеческих корпораций вологжан за овладение промыслом. Предпринимательский ажиотаж по вопросу о дальнейшей судьбе завода начался сразу же после смерти Максима Рыбникова, купца первой гильдии и городского головы, который пытался при жизни объединить промысел в одних руках.

В 1795 г. завод, принадлежащий малолетнему Ивану Рыбникову (сыну Максима Рыбникова), был переведен в опеку крупному вологодскому купцу – стяжателю Степану Митрополону [70]*. К моменту передачи малолетний наследник практически остался без капиталов и без кредита, не мог производить солеварение. С 1794 г. завод содержался «выдачею на производство солеварения денег всякий раз предварительно», т.е. по существу находился на дотации у государства [71].

О производительности Сереговского завода за 1781-1796 гг. ясное представление дают проводимые данные о выварке соли за 16 лет (см. таблицу 1) [72].

Таблица 1

Выварка соли на Сереговском заводе в 1781–1796 гг.

1781 г. – 126482 пуд.	1789 г. – 185248 пуд.
1782 г. – 169068	1790 г. – 194812

* П.И.Челищев, путешествовавший в 1791 г. по северу, сообщает о лесопильных предприятиях вологжан братьев Митрополовых на Сухони, которые им были осмотрены: «Здесь, на речке Кочинге, близ ее в Сухону устья вологодскими купцами двумя родными братьями Николаем и Степаном Ивановыми детьми Митрополовыми возле лесной угоды построены два пильных амбара, в каждом по два станка или рамы; в них распиливается в сутки от 100 до 120 бревен. Выпиливаемый же тес, каждый год от 7 до 10 тысяч тесниц и до 4 тысяч брусьев отправляется на каюках в город Архангельск для продажи в Архангельское Соломбалское адмиралтейство подрядом, а иногда и на иностранные купеческие корабли. Один брат Николай Иванов, надсматривает за всеми своими заводами и домашними торгами». (Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886. С.186).

1783 г. – 180909	1791 г. – 183216
1784 г. – 175886	1792 г. – 174574
1785 г. – 156100	1793 г. – 150640
1786 г. – 170450	1794 г. – 145003
1787 г. – 173632	1795 г. – 146524
1788 г. – 178052	1796 г. – 142378

Согласно этим данным, средняя ежегодная выварка соли составляла 155935 пуд. Казна в это время от продажи сереговской соли получила свыше 40 тысяч рублей чистой прибыли в год [73], и губернские власти тем не менее считали, что из всех соляных промыслов Вологодской губернии «самый лучший и надежный есть Сереговский» [74]. К концу века солеварение на заводе постепенно сокращалось. Из 300 000 пудов соли, ежегодно требуемой для Вологодской губернии, в среднем 140 000 пудов вываривал и поставлял Сереговский завод, и лишь 45 000 поставляли казенные Тотемский и Леденгский солеваренные заводы.

Поскольку на всех трех заводах вываривалось соли не более 185 000 пудов, то недостающая годовая пропорция соли в количестве 155 000 поставлялась ежегодно с Пермских соляных промыслов Нижегородской губернии. Кроме того, сереговская соль обходилась дешевле пермской соли. Так, доставка одного пуда пермской соли в Вологодскую губернию обошлась в 1795 г. в 40 ³/₄ коп., в 1796 г. – 47 ³/₄ коп., в 1798 г. – 48 ¹/₂ коп. За сереговскую соль платилось «приготовительных» по 12 коп., «развозных» подрядчикам до места назначения – по 14 ¹/₂ коп., итого 26 ¹/₂ коп. за пуд [75].

В рапорте в Сенат Вологодский губернатор Кашкин не без оснований писал: «Управляя 8 лет Пермской губернией, которая имеет знаменитые по государству солеваренные казенные и партикулярные заводы, известно мне, что сии последние, имея собственных своих крестьян, несравненно добротнее соляной рассол, хлеб дешевле нежели в Яренском округе, и что по доброте рассола (от 16 до 16°) выварка происходит не далее 24 часов и дров потребно половинное количество против таковых же вологодских варниц, на которых по ведомостям казенной палаты выварка происходит на одних двоих, на других троих и четверо суток. При всех их выгодах, каковыя вологодские промыслы иметь не могут, пермским промышленникам соль обходится на месте, называемом Новоусольским и Ленвинским по 8 и 9 ¹/₂ коп., Соликамским по 9 и 10 коп., что и по контрактам им выплачивалось яко приготовительный капитал. По сему соображению кажется, что и на Сереговском промысле неимеющим таких выгод как Пермские, каждый пуд соли в выварке обойтись имеет не менее 9 коп., а потому ежели чрезвычайных и неожиданных расходов по промыслу не было, то наивысшую прибыль хозяину положить должно 3 коп. с пуда» [76].

В 1798 г. опекун Степан Митрополов обратился в Вологодскую казенную палату с предложением вываривать на Сереговском заводе недостающие к

годовой пропорции 115 000 пудов вместо покупной пермской соли «своим коштом» [77]. Контракт был заключен. Однако уже с 1799 г. Иван Рыбников обратился с жалобой к губернскому прокурору Т.Борноволокову, обвиняя опекуна в выварке и увозе с завода соли, якобы вываренной «своим коштом», а в действительности на казенный счет 73050 пудов, за провоз которой как своей он получил дополнительно по 36 коп. за каждый пуд [78]. Дело о подлоге с солью получило широкую огласку и рассматривалось во втором департаменте Вологодской палаты суда и расправы. Ретивый губернский прокурор собрал и другие улики компрометирующего характера: о порубке С.Митрополовым корабельного леса в Вельской округе и т.д. Борноволоков настаивал перед вышестоящими инстанциями о сдаче последним опекунских дел и доставлении подробного отчета о заводе за все время опеки.

Как видно из последующих документов, в 1799 г. С.Митрополов подал прошение в Сенат, в котором указывал, что состояние И.Рыбникова обременено долгами и, не находя средств к уплате долгов, выгоднее для малолетнего наследника завод продать и тем оплатить долги. В то же время купец просил о надбавке со стороны казны и «дотационных денег» на выварку соли, что говорит о явном стремлении не выпускать «жар-птицу» из своих рук и приобрести Сереговский завод самому. В том же году в предложении об устройстве завода, поданном вологодскому губернатору Норманну С.Митрополов писал: «Когда сей завод со всею принадлежностью отдан будет к выварке и поставке соли в собственное мое, Митрополова, управление и распоряжение впредь на четыре года, в котором ево, Рыбникова, имеется 11 участков, оцененные как значит в описи представленной Сиротскому суду суммою кроме сельцов Козицина и Семенкова и деревни Глухой со крестьяны в 41849 руб. 12 коп., тогда обязуюсь я, Митрополов, сверх приведения в благоустройство того завода, со всей оной суммы платить для пользы малолетнего в каждый год проценты по 2092 руб. 45 коп., казенную недоимку заплатить в первом году. Завод же от неимения денег и хозяйственного управления час от часу от уменьшительной и «убыточной выварки приходит в упадок» [79].

Этому мешал энергичный Борноволоков, который в стремлении вывести «на чистую воду» С.Митрополова апеллировал уже перед самим министром Г.Р.Державиным [80]. В свою очередь, Митрополов, бывавший по торговым делам даже в Англии, решил прибегнуть к покровительству министра коммерции графа Н.П.Румянцева, у которого встретил поддержку*. Борноволоков был осажен, но и С.Митрополов был устранен

* Едва ли эта поддержка была бескорыстной. В письмах Г.Р.Державину Н.П.Румянцев просил его через давление на подведомственного ему губернского прокурора оказать содействие С.Митрополову. В одном из писем Н.П.Румянцева есть такие слова: «А поелику купец сей известен мне со стороны знатного торгова и обстоятельства его, как он в письме своем

от опеки, уступив это место другим. Услышав о продаже завода, купец первой гильдии Петр Митрополов обратился в Сенат с прошением отдать ему Сереговский завод на восемь лет в арендное содержание на следующих условиях: 1) выплатить всю числящуюся на заводе недоимку, 2) завод привести в полное устройство, 3) своим капиталом выварить в первый год 200 000 пудов, а в следующие семь лет вываривать по 250 000 пудов в год и в последнем, четвертом условии, П.Митрополов брал на себя обязательство платить в пользу Рыбникова ежегодно по 5000 рублей, из них одну тысячу – непосредственно на годовое содержание Рыбникова, а остальные – на уплату его «казенных и партикулярных долгов» [81]. В качестве гарантии П.Митрополов представил внушительный залог: 300 душ крестьян, пять каменных лавок, кожевенный завод и т.д., всего на сумму 32 000 рублей [82].

Интриги и борьба за владение заводом нашли яркое отражение в так называемом деле об опеке Сереговского завода, которое началось в Вологодском сиротском суде и закончилось высшими инстанциями, и в котором живейшее участие приняли министр финансов Васильев, министр внутренних дел граф В.П.Кочубей, министр юстиции Г.Р.Державин, который одновременно занимался опекой.

Вологодский сиротский суд был против передачи завода в аренду, считая, что «при бдительной опеке промысел можно вернуть в прежнее состояние. Однако Сенат дал предписание заключить контракт об аренде. Это еще более усилило конкурентную борьбу. Прошения на «высочайшее имя» следовали одно за другим. Новый опекун завода Николай Митрополов, успев за это время выдать свою дочь за 17-летнего Ивана Рыбникова, на правах тестя пытался бразды правления взять в свои руки и просил приостановить отдачу завода в аренду, а пользоваться под надзором его, попечителя, Ивану Рыбникову до совершеннолетия. Николай Митрополов соглашался на выплату всех долгов И.Рыбникова, даже если бы кредиторы потребовали удовлетворения их в один день, и вываривать большее количество соли, чем арендатор. Прежний опекун, Степан Митрополов, поняв, что проиграл дело, писал уже наоборот, что «долги уплатятся умножительною вываркою», и, выставляя в качестве гарантии свои 30 каменных лавок в Вологде, просил отдать завод в аренду тому, «кто больше денег даст».

По личному приказу Александра I дело об опеке было передано на рассмотрение трех вышеназванных министров [83]. Фактически делом о Сереговском заводе занимался один Г.Р.Державин, который с помощью Борноволокова собрал обстоятельный фактический материал. Доклад, скрепленный подписями трех министров, был представлен на утверждение

изображает, стесняются будто-бы чиновником вам, милостливый государь мой, подчиненным, я долгом почел препроводить письмо сие в оригинале». (РГИА. Ф.1374, оп.3, д.1936, л.73).

царю. О вынесенном решении завод оставался в восьмилетнем арендном содержании за П.Митрополовым, но с наддачей – вместо пяти тысяч рублей в год до десяти тысяч. «Высочайшей» резолюцией «быть по сему» дело об опеке было закончено.

§4. Сбыт и транспортировка соли.

Важнейшим рынком сбыта сереговской соли, как и прежде, оставалась Вологда. Вместе с тем соль поступала и в другие северные города: Устюг, Сольвычегодск, Шуйский городок, Красноборск, Лальск, Никольск, Пустозерск, а так же на местный рынок – в Туглим, Яренск, Усть-Сысольск.

Развитие в XVIII в. новых районов добычи соли, особенно Прикамья и нижней Волги, значительно снизило удельный вес сереговской соли, однако она продолжала играть заметную роль в общем балансе северных районов страны. В ведомости Главной соляной конторы «Сколько с 1765 г. по 1770 г. в каждом году какой именно соли в продаже было» в графе против сереговской соли приводятся следующие цифры: в 1765 г. – 159 320 пуд., в 1766 г. – 174 511, в 1767 – 168 408, в 1768 – 188 600, в 1769 – 213 499, а всего 904 340 пудов [84]*.

Операциями по доставке соли занимались в значительной мере сами Рыбниковы. По сведениям их приказчиков, «Рыбниковы по заключенным контрактам из Усолья водяным путем на своих судах своим капиталом на казенную продажу соль ставят многие годы» [85]. В 1748 г. Соляная контора договорилась с ними о поставке соли с Сереговского завода в Вологду в течение восьми лет, до 1756 г. В контракте указывалось, что соль Рыбниковым следовало поставлять «своим коштом и за их промышленничьим страхом» в своих судах в твердых рогожных кулях. Соль перед погрузкой на суда и после разгрузки в пункте назначения надлежало взвесить и сложить в свои же амбары и своими работными людьми. За провоз, на рогожи, на наем работников и другие расходы им выдавалось по шесть с половиною копеек с пуда. Кроме того, на усушку и утечку им отпускалось на каждую 1000 по 25 пудов соли [86].

Из-за усушки и утечки часто возникали конфликты. В мае 1747 г. из Серегово было отправлено в Вологду в шести малых дощаниках и двух бараках 3 896 кулей соли весом 71 614 пудов, в том числе остаточной от 1746 г. 29 055 пудов и вываренной в 1747 г. – 42 558 пудов. В Вологду соль поступила в августе месяце в том же количестве кулей, но весом 71 285 пудов, т.е. на 328 пудов меньше. Рыбников доказывал, что соль в усушке и утечке явилась не во время пути, а еще в Серегово, «ибо та соль как

* В некоторых годах продажа превосходила выварку, видимо за счет остатков прошлых лет.

остаточная от прошлого 1746 г. так и нововыварочная в 1747 г. в набойке в мехи бывает для поспешения грузки во время вскрытия воды, еще в январе месяце» [87]. Соль при набивке в мехи взвешивают под наблюдением ратушного бурмистра и соляной продажи головы и кладут в амбар до мая месяца, до начала навигации. Если же соль при погрузке судов перевешивать, то погрузка занимала около месяца, за которое время вода успевала спасть. Без перевешивания же соли суда под погрузкой находились меньше недели. Несмотря на эти объяснения с Рыбникова были удержаны деньги, а в Яренскую ратушу был послан указ «принимать при отпуске соли каждый куль с весу».

В 1748 г. Рыбниковы доставили в Вологду 79 897 пудов соли на сумму 12 024 рубля, в 1752 г. – 135 770 пудов на 20 433 рубля [88]. В 1749 г., по данным в Соляную контору доношениям, промышленники потребовали «для лучшего сереговской соли расходу, а паче приращения казенной прибыли» предоставить им возможность «на первый случай» поставить соль из Вологды на Белоозеро в 1750 г. своим коштом 20 тысяч пудов, а потом впредь с 1751 по 1755 год по 40 тысяч каждый год зимним путем. Контора разрешила им поставлять соль для казенной продажи в Кирило-Белозерский и Череповецкий Воскресенский монастыри в указанном количестве [89].

В 1754 г. поставка соли по просьбе же Рыбниковых туда была отменена из-за якобы понесенных ими убытков. Однако Белозерский магистрат опроверг убытки Рыбниковых. По его сведениям, с 1750 по 1 апреля 1753 г. в продаже на Белоозере и в уезде сереговской соли было 124 591 пуд, за которую Рыбниковым было выдано истинных и провозных денег по 19 коп. за пуд, «а когда до оной, сереговской, пермская соль здесь в продажу происходила, то за оную выдача произведена была истинных и провозных денег по 16 коп. за пуд, и против той, пермской, за сереговскую соль в выдачу им, Рыбниковым, произошло излишних по 3 коп. с пуда, итого 3737 рублей. И от получаемых многих за соль денег получили они себе немалую сумму денег» [90]. Магистрат просил освободить его от получения сереговской соли и разрешить пользоваться более дешевой пермской солью по прежней цене по 16 коп. за пуд. В марте 1754 г. Соляная контора послала Белозерскому магистрату указ: «Во оные три месяца для казенной продажи соли на нынешний 1754 г. оным Рыбниковым поставить, а впредь Белоозеро довольствоваться с будущего 1755 года пермскою солью» [91]. Поставка сереговской соли в Белозерский уезд на этом и закончилась.

В 1770–1772 гг. Рыбниковы в Вологодском магистрате заключили два контракта на поставку соли [92]. По первому, заключенному в 1770 г. на четыре года, они должны были поставлять ежегодно в Пустозерск 3 000 пудов, в Яренск – по 3 500, Туглим – 2 500, Устюг – 35 000 пудов. Итого по 44 000 в каждый год водным путем с провозными ценами: до Пустозерска – по 19 с половиною коп. за пуд, до Яренска – по 3 коп., до Туглима – по 3 с половиною коп., до Устюга – по 5 коп. По второму контракту,

заключенному на два года, Рыбниковы брали на себя поставку соли в Вологду ежегодно по 100 000 пудов и в Шуйский городок – по 11 000 пудов, т.е. 111 000 ежегодно с провозной ценой по 8 и $\frac{3}{4}$ коп. за пуд.

Таблица 2
Стоимость доставки пуда соли речным путем с Сереговского завода
(в коп.)

До каких мест	Годы						
	1768	1769	1770	1771	1772	1773	1774
До Яренска	3	3	3	3	3	3	3
До Туглимской волости	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
До Устюга	5	5	5	5	5	5	5
До Шуйского городка	6,5	6,5	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	10,5
До Вологды	6,5	6,5	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	8 $\frac{1}{4}$	10,5

Данные таблицы 2 показывают относительную стабильность транспортных расходов в 1768–1773 гг. Надбавка в 1770 г. за транспортировку соли до Шуйского городка и Вологды, сделанная ген.-поручиком сенатором Егоркиным, объяснялась трудностями путь из-за порогов на Сухоне выше Устюга. Однако при заключении очередного контракта в 1774 г. Рыбниковы запросили надбавку по сравнению с 1773 г. за доставку соли во все указанные пункты: до Яренска и Туглима – на 1 коп., до Устюга – на 2 коп., до Шуйского городка и Вологды – на 2 $\frac{1}{4}$ коп.

В 1776 г. вологодский купец И. Филиппов заключил в Главной соляной конторе контракт на три года о поставке соли в Устюг, Яренск и Туглимскую волость. На первый год он обязывался поставить в Устюг 49 830 пудов, в Яренск – 1 597 и Тушлим – 2 316 пудов, всего 53 744 пуда, а в остальные два года – в зависимости от указаний конторы. В одном из пунктов контракта было условие: «Отпуск соли с промыслов производить в то самое время, когда он, подрядчик, потребует без остановки. Если же по приводе им, подрядчиком, судов и подвод в отпуске будет медленность или на оных промыслах соли окажется недостаточно, то все последовавшие через оное казне и ему, подрядчику, убытки взыскивать с них, промышленников Рыбниковых». В соответствии с этим пунктом контракта поверенный подрядчика Филипп Попов весной поставил под погрузку и три барки и каюк с полным числом работников – 112 человек, на которые было погружено 30 720 пудов соли. Остальная соль была не выварена, как выяснилось, из-за остановки четырех варниц в связи с ремонтом. Подрядчику пришлось плыть «с половинным грузом», от чего он понес убытки. Рыбниковы были обвинены в нарушении контракта. От остальной поставки соли Филиппов в связи с упущенным сроком и мелководьем реки

отказался. Доставка же соли в Устюг санным путем казенным коштом обходилась в два раза дороже, т.е. по 10 коп. за пуд. В конце концов соляная контора договорилась с Рыбниковыми, которые согласились сами поставлять соль. Филиппов был исключен из контракта, а Рыбниковы «на точном основании» его успешно справились с задачей.

В конце XVIII в. требования Соляной конторы о поставке сереговской соли в города губернии уже не всегда удовлетворялись промышленниками. В 1777 и 1778 гг. недостающее количество соли в Вологду и Шуйский городок в количестве 20 000 пудов до летней поставки было отдано подрядом из Костромы и Любима купцу Соколову. В 1779 г. она поставлялась из Нижнего Новгорода и Мологи. В Устюг «в прибавок» к сереговской соли архангельским купцом Латышевым поставлялась поморская соль [93].

Перевозка соли на места производства к рынку сбыта являлась одной из важнейших задач, поскольку это оказывало влияние на скорость обращения капитала и прибыль. Навигация на северных рынках начиналась в мае. К этому времени приказчики старались закончить наем работных людей. Потребность работников на суда была велика. В 1750 г. в апреле месяце было набрано для этой цели 670 крестьян разных волостей и яренских посадских людей, в 1755 г. – 730, а в августе 1756 – 765 [94].

Что касается внутренней организации труда судоработников, то нужно отметить, что они делились на десятки. В десяток входило от 20 до 30 рядовых работников, возглавляемых десятником. В десятники выбирались наиболее опытные из рядовых работников. Наемные записи на десятников и рядовых работников писались на целую артель. В записи указывалось время, с которого они должны были приступить к работе, место работы, пункт назначения судна, обязанности работников и последним – условия «ряда».

Очень часто работные люди нанимались на суда за некоторое время до их погрузки и сплава. В мае 1742 г. коми крестьяне из разных волостей, всего 120 рядовых и десятников, дали на себя наемную запись приказчику Сереговского усолья Ф.Шилову. В записи перечислялись следующие обязанности работников. Они должны были явиться в Корельскую курью, где, очевидно, зимовали дощаники, привести пять дощаников «под усолье» и поставить их к причалу, нагрузить солью «в полный груз», сделать гребни (весла) и подгребки и поносные (рулевое весло) и идти до Котласского погоста, где разгрузить. В обратный путь, в Серегово, предписывалось идти «на переменных вологодских дощаниках, в каком грузу будут» и, придя в Серегово, их разгрузить [95].

В том же месяце в другой наемной записи 55 рядовым работникам на два дощаника, где десятниками были крестьянин Палевицкой волости Огибин и крестьянин Лальской трети Позднев, вменялось в обязанность: первому явиться с работниками в Сереговское усолье «на дощаники, на грунтовый груз», изготовить к отплытию такелаж, сделать гребни и

подгребки; десятнику Позднееву со своей артелью надлежало явиться позднее, «на готовый груз», когда дощаники покинут Серегово и будут проходить мимо тех населенных пунктов, откуда были наняты работники. Соль следовало доставить в Тотьму, где разгрузить в амбары. Огибин со своей артелью «рядили по 2 руб. 35 коп. на человека, Позднеев – по 2 руб. 30 коп» [96].

Носники, или лоцманы, и кормщики являлись наиболее квалифицированными из судовых работников. Носник обязан был хорошо знать фарватер реки и фактически отвечал за проводку судна. Кормщик, подчиняясь указаниям носника, управлял судном. На долю рядовых работников выпадала самая тяжелая работа. Сплав судов вниз по течению, особенно весной при большой воде, был делом нелегким. Не случайно, когда караван достигал Усть-Выма, откуда начинался путь по Вычегде, в Усть-Вымском соборе устраивался молебен за благополучный исход плавания. Летом, в меженный период тяжело нагруженные дощаники часто садились на мель, приходилось перегружать соль в более мелкосидящие суда, а дощаник стаскивать с мели. Вот как описывают это сами Рыбниковы: «А понеже в Выме реке вода всегда скоро убывает, и в выплавке с солью судам бывают великие трудности и опасности, ибо когда вода сбежит, то за мелкостию реки не токмо таковых судов с большим грузом, но и малого судна, которое может поднять до тысячи пудов выпроводить невозможно. И за мелководием вешней воды бывали у нас, именованных неоднократно из судов на берега соли выгрузки, а особливо в 1758 году, и вся соль за маловодием, отшед до Устюга вверх по Сухоне реке невдалнем расстоянии была на берега выгружена, от чего мы, именованные, претерпевали великие и несносные убытки» [97]. Эта работа особенно была трудна поздней осенью, когда навигационный период подходил к концу, судам угрожала опасность вмерзнуть в лед в середине пути. Иногда работникам приходилось работать в ледяной воде, не имея возможности даже как следует обсушиться после работы, т.к. суда, застигнутые непогодой, часто останавливались в безлюдных местах.

Особенно была трудна доставка соли на север, в Пустозерск. В 1775 г. посыльщиками с солью были наряжены крестьяне вымских волостей: от Лальской – Иван Поповцев с крестьянами, от Княжпогостской – Степан Подоров, от Турецкой – Иван Мингалев. Соль в количестве 3 тысячи пудов надлежало доставить «водяною коммуникацией» [98]. Указанные крестьяне должны были достать лодки под соль и доставить ее в конечный пункт. Когда посыльщики приступили к порученному им делу – организации каравана – обнаружилось, что лодок и людей не хватало. Во всех трех волостях набралось лодок только под полторы тысячи пудов. Яренская канцелярия приказала в помощь вымским крестьянам выделить от Гамской волости 10 лодок и 15 человек, Шежамской – 30 лодок и 30 человек и из экономических волостей – 40 человек. В июне месяце караван из восьми павозков и 81 лодки при 229 работниках тронулся из Серегово

вверх по Выми. Посыльщик Мингалев позднее показал канцелярии, с каким трудом караван преодолевал пороги по Выми до сухопутного переволоку, по которому соль перевозили на одноколках до реки Ухты, «а по Ухте, да по реке Ижме плавлено 350 верст на открытых плотках до Ижемской слободки, а всего до Пустозерска через 955 верст».

Рассмотрим теперь, как оплачивался труд судоработников, воспользовавшись записями так называемых «судовых» приходо-расходных книг приказчиков. Сразу отметим, что заработная плата варьировалась в зависимости от расстояния, от направления движения судна, его размера и количества груза. Начнем с квалифицированных. Сплавной носник «за провоз соли» за один рейс получал: до Сольвычегодска – 6 руб., до Великого Устюга – 7 руб., до Красноборска – 6 руб., до Лальска – 6 руб. [99]. Более тяжелая, но менее квалифицированная работа рядовых работных людей оплачивалась ниже труда носников. Десятник получал за работу столько же, сколько и рядовой работник. Можно указать на сравнительно постоянный размер оплаты их труда на определенных отрезках пути. Так, от Серегова до Яренска плата составляла 2 руб., до Сольвычегодска – 2 руб. 80 коп., до Красноборска – 3 руб. 40 коп., до Устюга – 5 руб. 15 коп., до Лальска – 5 руб. 35 коп. [100]. За вынужденные простои судов платилось дополнительно 6 коп. в день.

Расчет с десятниками и рядовыми работными людьми производился с выдачей «наперед» аванса «половинных денег», которые выплачивались при составлении наемной записи. Деньги получали на всю артель десятники. Значительную часть заработка работники получали во время следования судна, т.к. приходилось питаться во время пути, а отлучки с судна запрещались. Остаток выдавался на руки после рейса. Например, в 1742 г. на три дощаника в Устюг было нанято три десятка работников с количеством по 23 человека в десятке. «Ряд» по 5 руб. 15 коп. на человека [101]. Таким образом, на каждый десяток полагалось по 118 руб. 45 коп. По записям в судовой книге на каждом дощанике деньги расходовались следующим образом. В первый каждому экипажу выдано «половинных денег» 58 руб. 22,5 коп., т.е. по 2 руб. 57 коп. на каждого работника.

Вторая выдача последовала в пути – 11 руб. 50 коп., третья – 15 руб. 14 коп, четвертая выдача составила 29 руб., по пятой выдаче дано толокна 1 пуд. 30 фунтов на 87,5 коп. И последняя выдача – 2 руб. 71 коп. – была после окончания рейса. Иного каждый десяток получил 118 руб. 45 коп.

С Котласа, где начинался путь вверх по Малой Северной Двине и мелководной и порожистой Сухоне, на суда в трудных участках обычно нанималась дополнительная рабочая сила – «наемные присадчики». Для осмотра фарватера вперед посылался лоцман. В записях о расходе денег в 1784 г. на провоз соли в Великий Устюг указывается, что восьми «наемным присадчикам» от Котласа до Устюга уплачено 10 руб. 40 коп. [102].

§ 5. Положение рабочих людей.

Работа на Сереговском солеваренном заводе была исключительно тяжела. «В варницах развивается такой страшный жар, что двери поневоле приходится держать открытыми, и в них несет снаружи холодный воздух, как ураган, а спереди жар, как в аду, при этом еще вся внутренность варницы наполнена дымом, от которого ест глаза и становится во рту горько; непривычному человеку не пробыть в варнице и 10 минут, а рабочие, видимо, привыкли и сидят себе, пронизываемые холодом сзади, припекаемые спереди, со слезящимися красными глазами» [103]. Такое описание труда солеваров дает Безносков, побывавший на заводе в начале XX в. Очевидно, в XVIII в. условия для работы были еще хуже, потому что, по словам побывавшего там И.Лепехина, «соловары почти все слабы бывают грудью» [104].

Практика взаимоотношений Рыбниковых со своими людьми по существу ничем не отличалась от взаимоотношений феодала-вотчинника с крепостными крестьянами. Средством повышения производительности труда служила палка и плеть приказчиков, которые и сами признавались, что «слегка» их применяли [105].

В апреле 1788 г. на Сереговском солеваренном заводе произошли «бунт и разбивательство» [106]. Причиной к нему послужило бесконтрольное поведение хозяйских приказчиков. Владелец завода Максим Рыбников, сам проживал в Вологде, всю полноту власти на заводе предоставил своим приказчикам Арменинову и Митрополову. В письмах приказчикам из Вологды Рыбников неизменно подчеркивал быть строгими в обращении с рабочими: «За соловарами накрепко смотреть... за поварами и подварками, чтоб варили соль порядочно и вари были полные и полновесные, а если худо, штрафовать и переменять» [107]. Особенно страдали «домовые служители» (крепостные), в отношении которых хозяйские указания были еще жестче: «Тож подтверждаю и приказываю, людей моих крепко содержать и строго почаще ковать и побольше подстегивать... пожалуйста, крепко и строго содержите, куйте и секите, я вам приказываю и покорно прошу, строго моего приказания не отлагайте, а поведение мое наблюдайте» [108]. И приказчики беспрекословно его выполняли. На промысле царил произвол и насилие. Уже потом, на следствии, из показаний опрошенных выяснилось, что Митрополов и Арменинов настолько переусердствовали, что «бунт и разбивательство» были неизбежны.

По словам всех работников, вычеты из зарплаты за каждую половину месяца были у каждого. Носник Иван Будкин, он же Кысин, сказал, что за плавание на соляных судах от Серегово до Двины приказчик давал ему плату только два рубля, «за какое плавание хозяином их положена обыкновенная плата шесть рублей» [109]. Когда Будкин потребовал

вернуть ему положенные четыре рубля, то он был лишен на два месяца работы.

Илья Шергин по приказу Арменинова был взят для работы на судно, находясь в горячке. По его словам, «на суда был введен двумя человеками, а какими именно, по бытию в болезни не упомнит». Когда караван дошел до Шежамской волости, Шергина, как ненужного, высадили на берег, а когда он вернулся в Серегово, его наказали плетью. Нарядчика при подъеме рассола Ивана Павлова Арменинов вызвал в контору и, взяв лежащую на столе цепь с колодкой, надел ему на шею, запер замком и заставил работать в колодке. А Петра Политова приказчик бил без всякой причины, приговаривая: «Я сделаю у тебя спину мягче брюха» [110]. Таким образом, обстановка на промысле была накалена до предела, и она вот-вот должна была разрядиться.

Непосредственным поводом к выступлению послужила стычка Арменинова с заводским крепостным Степаном Немчиновым. Придравшись к тому, что Немчинов не на работе, приказчик избил его черемуховой тростью и, заковав в цепи, приказал бросить в заводскую тюрьму. На следствии Немчинов показал потом, что в тюрьме его «стегали плетью, уже и кричать перестал, потом еще и молчащего стегали» [111]. На следующий день за неявку на работу по причине болезни туда же были посажены 70-летний Тихон Шидьюсов и его два сына, которые оказали приказчикам сопротивление, защищая отца.

24 апреля возмущенная толпа работных людей во главе с Ефимом Немчиновым ворвалась на заводской двор, сбила замки с тюремных дверей и, разгромив тюрьму, освободила своих товарищей. «Не прежняя ваша пора, суньтесь к нам, тогда мы вас разорвем на мелкие части», – заявил приказчикам Ефим Немчинов [112]. Те поспешили скрыться. На другой день в доме освобожденного Степана Немчинова состоялась многочленная сходка для составления жалобы на произвол приказчиков. Наивно полагаясь на защиту «отца и благодетеля» Максима Рыбникова, они в первую очередь ему приносили длинный список своих обид, скрепленный подписями 58 человек. Аналогичная жалоба была направлена с ходоками в Яренский земской суд.

Между тем, обеспокоенный событиями в Серегово, Рыбников уже сообщил в наместническое правление, что «крепостные ево люди пришли в непослушание и должностей не исправляют» [113].

Уездной исправник отказался принять жалобу, а «для сыску возмутившихся» на завод были доставлены военная команда и следственная комиссия. В списке «кого сыскать» насчитывалось 78 человек. Арестованных доставляли в Яренск. Началось следствие в земском суде, а продолжалось в Яренской нижней расправе. Были допрошены десятки участников возмущения и свидетелей. К делу о бунте было привлечено столько человек, что это угрожало работе промысла.

На суде арестованные держались с упорством и мужеством. Они отказались выдавать зачинщика выступления Ефима Немчинова: «Первенствующего никого не имели». На вопросы судей о зачинщиках приведем как характерный ответ одного Степана Перемонтинина, так как остальные сходны с ним: «Кто первый к выпуску зачинщик был того не знает, а в согласие вошел, сожалея посаженных служителей Немчинова и Шидьюсова, а при том опасаясь того, дабы и ему тож не могло от них (приказчиков – В.П.) последовать» [114].

Во взятой с бунтовщиков подписке «не чинить впредь остановки заводу» они писали, что будут выполнять работу только в том случае, если с ними будут поступать по законам: «Ежели от заводских приказчиков последует какое-либо притеснение или телесное наказание, или с случае наложения излишних работ и удержания платы и несбыточного вычета из заработанных денег – будем просить земской суд» [115]. Таким образом, участники выступления не признавали себя виновными.

В ходе борьбы с заводской администрацией солевары давали клятвы верности друг другу, скрепленные крестным целованием, между ними была произведена подписка присяги, чтобы не выдавать друг друга. Поэтому не случайно на допросах не удалось узнать имена зачинщиков, а это затягивало решение суда. Между тем из Вологды пришло указание «заводских людей привести в надлежащее и без промедления поступить с ними на основании законов» [116]. Это ускорило ход дела.

2 ноября 1788 года расправа вынесла решение: «Степана, Тихона и Алексея Шидьюсовых за противность Арменинову наказать плетьюми. Ефима Немчинова с товарищами всего 29 человек за выпуск из-под стражи, за посылку общих просьб, по невидимости зачинщиков наказать плетьюми, а других – Степана Перемонтинина с товарищами 14 человек за согласие к выпуску, за посылку общих просьб, и Василия Шидьюсова с товарищами 13 человек за посылку в обще с вышеписанными общих просьб наказать батожем» [117]. Таким образом, плетьюми и батожем было наказано 62 человека. Степану Немчину суд «зачел» побои, полученные в тюрьме от приказчиков, и его, «хотя и надлежало наказать плетьюми», не наказали. С работных людей была взята подписка о послушании, а приказчикам дано указание «в праздничные дни наказание не чинить».

Кто же участвовал в волнении, каков социальный срез его участников? Их называет сам Рыбников, а в указе из наместнического правления прямо сказано – «наказать крепостных ево людей и тех, кои соглашены ими» [118]. Последние же в подписке не скрывают своей социальной принадлежности. Среди бунтовщиков были и квалифицированные солевары, судорбочие, а также половники и бобыли. Всех их объединил тяжелый гнет и невыносимые условия труда на соляном промысле.

Бунтарские настроения сереговских работных людей проявлялись и в других поступках. Приказчики усолья не раз жаловались местным властям, что нанятые на суда работники во время следования в пути «чинят в

работах немало ослушание» и останавливают суда. Бегство с судов жестоко каралось. В правительственном указе 1747 г. предписывалось беглых работных людей, которые, взяв у хозяев задаток, бежали с судов и после нанимались у других хозяев, «возвращать с наказанием плетьюми и кошками». В 1753 г. эта мера наказания для беглых была вновь подтверждена [119].

В 1774 г. приказчик Мануйлов сообщал в воеводскую канцелярию, что нанятые им для отправления на судах в Вологду крестьяне из разных волостей уезда в количестве 307 человек, не окончив по договору всей работы, «оставив суда с солью на вольной воде, самовольно с оных судов бежали» [120]. Рыбниковы, конечно, понесли солидные убытки.

Литература и источники.

1. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. СПб., 1814. Ч. III. С.278-279.
2. Розен Б. Северная соль. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1957. С.130.
3. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С.34.
4. Там же. С. 215.
5. Гейман В.Г. Соляной промысел гостя И.Д.Панкратьева в Яренском уезде в XVII веке. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927-1928 гг. Л., 1929. Вып.35. С.15.
6. НАРК. Ф.165, оп.1, д.29, л.6 об.
7. Гейман В.Г. Указ. соч. С.16.
8. НАРК. Ф.165, оп.1, д.29, л.1 об.
9. НАРК. Ф.165, оп.1, д.1, л.3.
10. НАРК. Ф.165, оп.1, д.29, л.2.
11. НАРК. Ф.407, оп.4, д.1274, л.121; ф.165, оп.1, д.48, л.2.
12. РГИА. Ф.37, оп.25, д.1241, л.291.
13. Там же. Ф.353, оп.1, ч.3, д.1819, л.1.
14. РГАДА. Ф.141, д.137, 1659, л.2.
15. Там же. Л.42.
16. Там же.
17. Там же. Л.55.
18. Гейман В.Г. Указ.соч.
19. Там же. С.15.
20. Там же. С.15–17; Красильникова Э.Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII веке. Сыктывкар, 1972. С.22. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми фил. АН СССР).
21. Гейман В.Г. Указ.соч. С.20.
22. Там же.
23. Там же. С.21.
24. Гейман В.Г. Указ.соч.

25. Устюгов Н.В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. // История СССР. 1961, №6. С.77,78.
26. Там же.
27. Гейман В.Г. Указ.соч.
28. Там же.
29. Устюгов Н.В.. Солеваренная промышленность... С.6, 269.
30. Введенский А.А. Дом Строгановых. М., 1962. С.176, 299.
31. Павленко Н.И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы истории, 1966, №11. С.90.
32. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв. М., 1970, С.9, 94, 176, 197.
33. Гейман В.Г. Указ. соч.
34. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность...
35. Заозерская Е.И. Указ. соч.
36. Устюгов Н.В. Из истории борьбы черносошных крестьян против приписки к промышленным предприятиям // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С.73-80.
37. РГАДА. Ф.248, оп.1, д.220, л.1 об.
38. Там же.
39. РГАДА. Ф.248, д.220, лл.1-7.
40. Там же. Л.1 об.
41. НАРК. Ф.286, оп.4, д.6, л.3.
42. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.676, л.10.
43. ГААО. Ф.3, оп.1, д.79, л.2.
44. РГАДА. Ф.350, д.4949, д.1277.
45. НАРК. Ф.286, оп.4, д.6, л.3.
46. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.318, л.1.
47. ГАВО. Ф.18, оп.1, д.134, л.28.
48. РГИА. Ф.37., оп.25, д.194, лл.16-17.
49. ГАВО. Ф.388, оп.7, д.85, лл.70-71.
50. РГИА. Ф.37, оп.25, д.194, л.26 об.
51. Там же. Л.27 об.
52. ГААО. Ф.18, оп.1, д.314, л.35.
53. НАРК. Ф.286, оп.4, д.6, л.4.
54. РГИА. Ф.37, оп.25, д.194, л.34.
55. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.675, лл.83 об. – 84.
56. ГААО. Ф.3, оп.1, д.36, л.19.
57. Очерки по истории Коми АССР. Т.1. С.163
58. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.2, д.1247, л.2.
59. Там же. Л.3: д.1367, л.6.
60. РГАДА. Ф.353, оп.4, д.2780, л.16.
61. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.2, д.1334, л.1.
62. Там же. Оп.1, д.2780, л.21.
63. Там же.

64. Там же. Л.18.
65. РГАДА. Ф.353, оп.4, д.2780, л.22.
66. РГИА. Ф.1400, оп.1, д.477, л.48 об.
67. РГАДА. Ф.353, оп.1, д.1825, л.1.
68. Там же. Оп.4, д.2780, л.19 об.
69. РГИА. Ф.37, оп.25, д.1241, л.279 об.
70. РГИА. Ф.1374, оп.3, д.1936, л.46
71. РГИА. Ф.1374, оп.3, д.1936, л.17.
72. РГИА. Ф.370, оп.25, д.1241, л.279.
73. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.3, д.1644, л.8.
74. ГАВО. Ф.13, оп.1, д.328, л.198.
75. ГАВО. Ф.18, оп.1, д.29, лл.4 об.-5.
76. РГИА. Ф.1400, оп.1, д.477, л.16.
77. ГАВО. Ф.18, оп.1, д.29, л.1.
78. РГИА. Ф.1374, оп.3, д.1936, л.1.
79. РГАДА. Ф.353, оп.2, д.155, л.15.
80. РГИА. Ф.37, оп.25, д.44, лл.57-59.
81. РГИА. Ф.37, оп.25, д.44, лл.3-6.
82. Там же.
83. РГИА. Ф.37, оп.25, д.44, л.39.
84. ГААО. Ф.3, оп.1, д.10, л.5 об.-6.
85. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.652, л.269.
86. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.2, д.1220, л.9.
87. Там же. Л.10.
88. Там же. Д.1247, л.6 об.; д.1334, л.9 об.
89. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.2, д.1334, л.4.
90. Там же. Д.1367, л.17.
91. Там же. Л.20.
92. Там же. Ч.3, д.1682, л.66.
93. РГАДА. Ф.353, оп.4, д.2780, лл.19, 22.
94. Очерки по истории Коми АССР. Т.1. С.165.
95. РГАДА. Ф.615, оп.1, ч.2, д.13298, л.11.
96. Там же. Л.10.
97. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.3, д.1319, л.1.
98. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.672, л.347.
99. ГААО. Ф.51, оп.34, д.1, лл.11-12.
100. Там же. Л.13, 15, 21, 30.
101. ГААО. Ф.51, оп.34, д.1, л.13.
102. Там же. Л.17.
103. Безносков. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на р. Ухту. СПб., 1908. С.63.
104. Лепехин И.И. Продолжение дневных записок. СПб., 1814. С.280.
105. ГААО. Ф.3, оп.1, д.79, л.116.
106. ГААО. Ф.3, оп.1, д.79.

107. ГААО. Ф.3, оп.1, д.98.
108. Там же.
109. Там же. Л.126.
110. ГААО. Ф.3, оп.1, д.79, л.125.
111. Там же. Л.13.
112. Там же. Л.84.
113. ГААО. Ф.3, оп.1, д.215, л.550.
114. Там же. Д.79, л.248.
115. Там же. Л.76.
116. ГААО. Ф.3, оп.1, д.79, л.78.
117. Там же. Д.215, лл.311-312.
118. Там же. Л.550.
119. РГАДА. Ф.353, оп.1, ч.3, д.1682, л.31.
120. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.669, л.644.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДЕЛАТЕЛЬНОЙ И ДРУГИХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

§ 1. Постройка сысолевских горных заводов и добыча руды.

Рост заводского строительства в России в середине XVIII века нашел свое отражение и на территории Коми края. Первыми железоделательными предприятиями края, возникшими почти одновременно на базе крестьянского производства железа, были «железоплавильный завод» в Жешартской и молотовый завод в Пустынской волостях на средней Вычегде государственных крестьян Кузьмы Модянова и Петра Москательникова [1]. «Железоплавильный завод» был построен в 1730 г. и состоял из восьми ручных плавильных горнов. Академик С.Г.Струмилин считает, что такие «заводы», «судя по числу ручных доменных и кузнечных горнов и потребной для обслуживания рабочей силы различных профессий, явно перерастали уже в мануфактуры» [2]. Если участь, что постройка одного горна в первой половине XVIII в. обходилась от 67 до 125 руб. (по данным С.Г.Струмилиной) [3], то строители должны были обладать немалым капиталом. Начатая вскоре постройка второго молотового завода на берегу озера Светик и Пыстынской волости, когда потребовалось прорыть канал в Вычегду, устроить плотину и другие сооружения, потребовала дополнительных средств. Тогда-то, очевидно, компаньоны вынуждены были привлечь к своему делу владельца соседнего Сереговского соляного завода И.Исаева, предприятие которого, несомненно, нуждалось в железе. Во всяком случае в ведомости, представленной в 1745 г. в Берг-Коллегию приказчиком Сереговского завода Шиловым, указывается, что заводы построены «партикулярным коштом» Кузьмы Модянова, Петра Москательникова и Исаева*. К Молотову заводу был отведен небольшой участок земли: 252 сажени в длину и 160 в ширину.

В 1783 г. бывший вице-президент Коммерц-коллегии Исаев обращается с просьбой о разрешении поисков руды в Яренском уезде, которая вскоре и была найдена, впрочем ближе к собственному солеваренному заводу, в пяти местах: в Княжпогостской трети на притоке Выми речке Кылтовке, в 29 верстах от Серегово, далее вверх по Выми выше Кривого порога за 90 верст от Серегово, по реке Ижме в 400 верстах и два места в Удорских волостях на речках Иркутс и Ертومه, притоках

* В «Очерках истории СССР. XVIII век. Вторая четверть» (М., 1957. С.94), вероятно, ошибочно дана ссылка на завод Ильи Исаева (1735 г.). В это время принадлежать одному Исаеву завод не мог, т.к. Кузьма Модянов «ступил» завод Авдотье Исаевой только в 1743 г., уже после смерти ее мужа, Ильи Исаева.

Вашки [4]. В конечном итоге Исаевы вытеснили с заводов своих бывших компаньонов. В 1743 г. Кузьма Модянов «уступил» завод Авдотье Исаевой.

Источников о Жешартском и Светицком заводах сохранилось крайне мало. По сведениям за 1745 г. приказчика Исаевых Шилова, на Жешартском железоплавильном заводе выплавлялось в год до 1736 пудов чугуна, «а чистого полосового железа и чугуна выходит половина и меньше» [5]. Главным предметом производства было полосовое и поличное железо, которое в первую очередь шло на нужды Сереговского завода, а потом уже на местный рынок. Шилов доносил в Берг-Коллегию: «От оных заводов только прибыли, что выходным от них железом Сереговский соляной завод в потребных железных постройках и починках довольствуется, а в продаже железа хотя и бывает, токмо по малому числу» [6]. Однако эти сведения могут быть и преуменьшены.

В 1746 г. после смерти мужа вдова А.Исаева вместе с Сереговским соляным заводом продала и железные заводы на Вычегде Вологодским купцам Рыбниковым. Последние оказались хитрыми и изворотливыми предпринимателями. Комбинацию с покупкой железных заводов они использовали с целью заполучения уже купленных крепостных крестьян для Сереговского солеваренного завода, основного для них предприятия. Выставив покупку железных заводов в качестве веского основания в свою пользу и воспользовавшись временем проведения второй ревизии, они в 1746 г. обратились с просьбой в Архангельскую губернскую канцелярию, «чтобы показанных по скаскам крепостных их людей из-за них от владения не отбирать, а в нынешнюю перепись записать за ними, понеже де они имеют за собою с ноября 20 дня прошлого 1740 г. во владении общепокупные бывшего статского действительного советника Ильи Исаева от жены его, Авдотьи Семеновы дочери в Яренском уезде Сереговской соляной и железный заводы с деревнями и угодьями и людьми» [7]. Берг-коллегия, разгадав замыслы новоявленных претендентов на крепостных, отказала Рыбниковым в просьбе. Последним, всецело занятым делами с обустройством соляных промыслов, ничего не оставалось, как только продать заводы на Вычегде. В 1749 г. устюжские купцы Оконишников и Смольников за 250 руб. – цена, безусловно, низкая – приобрели заводы себе.

В момент продажи Светицкий молотовый завод имел молотовый анбар с двумя железными молотами весом по 10 пудов каждый (в 1736 г. был один), которые приводились в движение водой, пущенной по каналу из озера в Вычегду, плотину, водяную мельницу, мастерские и амбары «для припасов». Где и сколько отведено рудных мест, Оконишников в донесении в Берг-коллегию не указал, ссылаясь на свое отсутствие при приеме заводов и на то, что в «данной от Рыбниковых крепости не написано».

Завод обслуживался целиком вольнонаемной рабочей силой. В качестве рудокопов и заготовщиков угля выступали чаще всего местные

крестьяне. В 1763 г. Оконишников продал молотовый завод со всеми принадлежностями и ручными плавильными горнами, а также приисканную за время всего владения «синею землею» (очевидно, голубая глина в виде пермских отложений в берегах Вычегды) у Жешартского погоста, титулярному советнику А.Ф.Турчанинову [8]. Турчанинов сменил ветхие строения на новые. Однако из настоящей домны Жешартский железоплавильный завод, несмотря на его обновление, чугуна так и дал. Скорее всего владельцу было выгоднее использовать кричное железо и подвергать его перековке. Имеются некоторые сведения, что из «голубой земли» Турчанинов налажил какое-то производство краски, но документы упоминают об этом глухо. На «синюю землю» претендовал также устюжский купец Андрей Плотников, который собирался перевозить ее в Устюг, где хотел открыть красочную фабрику. Спор между Турчаниновым и Плотниковым закончился в пользу первого. Из современников на Светицком молотовом заводе побывал в начале 70-х годов XVIII в. академик И.Лепехин, который застал его в довольно сносном состоянии и дал ему краткое описание в своих записках [9].

В роли промышленников в Коми крае во второй половине XVIII в. выступили представители крупного северного купечества, которые, накопив большие капиталы в торговле, начинали вкладывать их в некоторые отрасли промышленности. В августе 1754 г. предприимчивые устюжские купцы А.Панов и А.Плотников в Устюжскую провинциальную канцелярию челобитной писали: «В прошлом де 1750 году во время путевого их проезду усмотрено ими в Яренском уезде в разных чернососных волостях, а именно: Чукайбской, Пыелдинской, Гривенской, Вотчинской, Межадорской, Визингской волостях по рекам Сыsole, а также Большой и Малой Визинге и по прочим около тех мест речкам признаки железной руды» [10]*. Челобитники просили разрешения на постройку завода в районе сысканной ими руды. 15 марта Берг-Коллегия санкционировала постройку завода. Он был выбран в Пажгинской волости при слиянии речек Ньючима и Денделя и получил название Ньючимского. Для изготовления необходимых инструментов и припасов к сооружению завода купцам разрешалось в Чукайбской волости построить четыре ручных горна для выплавки криц и для перековки их в железо, один

* Общая рудоносная площадь Сысольского бассейна достигает, по данным П.Д.Калинина, 1500 кв.км. По содержанию железа это бедные руды (сидериты, болотные и дерновые), содержащие 30-33% железа. Залегающие главным образом на поверхности или покрытие тонким слоем земли, они не требовали больших затрат на разведку и добычу. В.А.Витязева. Коми АССР, Сыктывкар, 1965 г., С.12.

вододействуемый молот на речке Вепре. Завод был окончательно построен и пущен в ход в 1761 г. [11]*.

По прошению другого устюгского предпринимателя Ивана Курочкина Берг-Коллегия в 1755 г. разрешила постройку второго завода в Койгородской волости на речке Кажим. Кажимский молотовый завод вступил в строй в 1758 г. И, наконец, в 1757 г. И.Курочкину и его компаньону Александру Юринскому было разрешено строительство третьего завода в Гривенской волости на речке Нючпас в 35 верстах от Кажимского завода [12].

Отмечая характерный для второй половины XVIII в. рост частичного капитала и черной металлургии и в других отраслях мануфактурного производства, академик С.Г.Струмилин писал: «Было время, когда предпринимательский риск настолько устрашал купеческий капитал, вскормленный в традициях быстрой оборачиваемости и легкой торговой наживы, что его чуть ли не дубинкой приходилось Петру загонять в промышленные «кумпанства». А вот во второй половине века первостепенных купцов... уже без всяких сторонних побуждений, сами увлекают свои капиталы из торговли, покупают и строят собственные доменные заводы и становятся сами первейшими заводчиками» [13].

Весьма показателен в этом плане путь прихода в промышленность купцов-компаньонов И.Курочкина и А.Юринского. Как сообщает Е.Индова, бывшие дворцовые крестьяне деревни Останино Важской волости Александр и Федор Юринские были записаны в великоустюжское купечество, а Иван Юринский в 1762 г. стал петербургским купцом 1-й гильдии [14]. Капиталы Юринских были нажиты на торгово-скупщических операциях с хлебом. В Великом Устюге у Юринских был обширный дом, при котором находились лавки, кладовые и хлебные амбары. В то же время купцы сохраняли землю и в деревне Останино. Собственный и покупной хлеб перемалывался на их собственной мельнице в той же деревне и вывозился на продажу. У Ивана Юринского во владениях, полученных в приданое за женой, дочерью купца 1-й гильдии Пянежанинова для продажи лошади и рогатый скот. И.Юринский вел большую торговлю продуктами скотоводства, собственным и скупленным хлебом и Петербурге и Архангельске.

П.И.Челищев, побывавший в 1791 г. в Великом Устюге, среди известных купеческих семей называет фамилию Ивана Курочкина, предки которого «приобретали великий капитал ревенем, отправляемым через Архангельск в Англию и за оный выручал знатную сумму» [15].

Вскоре один из представителей семьи Курочкиных, Алексей Курочкин становится компаньоном владельца Кирсинского завода Григория Вяземского в Слободском уезде Вятской провинции. Его капитал, накопленный в сфере торговли и вложенный в предприятие, способствовал

* П.Г.Любомиров приводит ошибочную дату постройки завода – 1756 г.

усовершенствованию и расширению Кирсинского завода [16]. Однако компания просуществовала недолго и вскоре распалась с превращением каждого из компанейщиков в самостоятельного заводовладельца. В 1738 г. Курочкин и Вяземский поделили между собой завод. В 1749 г. Григорий Вяземский умирает, а в 1750 г. Курочкин, найдя себе нового товарища в лице Александра Юринского, приобретает у вдовы покойного вторую половину Кирсинского завода [17]. Таким образом, к моменту перенесения своей предпринимательской деятельности на Сысолу оба уже имели некоторый опыт и ходили в ранге заводчиков.

В 1755 г. И.Курочкин и А.Юринский обратились с просьбой в Берг-Коллегию о разрешении построить им «в дачах зырянского народа» на речке Кажиме, впадающей в Сысолу, в Койгородской волости «вододействуемый железделаемый завод» с одной домной, четырьмя действующими и двумя запасными молотами [18]. В 1757 г. заводчики сообщили в Берг-Коллегию, что на речке построена плотина и молотовая фабрика с шестью горнами и четырьмя действующими молотами, а так же начато строительство домны. Однако, оказалось, что выбранное под постройку место дважды затоплялось в 1756 и 1757 гг. весенними паводками, а потому просили разрешения перенести строительство домны на отысканное ими новое место речку Нючпас в 35 верстах от Кажима.

В то же 1757 г. Берг-Коллегия дала разрешение «от строения домны на речке Кажиме уволить, а вместо оной построить домну на речку Нючпас» [19]. В феврале 1761 г. на Сысолу «для освидетельствования заводов» был командирован А.С.Ярцов (впоследствии известный русский металлург, начальник Олонецких заводов). Ярцов застал Нючпасский завод еще недостроенным, хотя Курочкин и Юринский принимали энергичные меры к его пуску. К плавке чугуна было заготовлено 102 тысячи пудов руды, 3500 пудов извести, 1820 коробов угля и 210 сажень дров. Готовились к перевозке в Нючпас доменные цеха, изготовленные на Кирсинском заводе. Кажимский же молотовый завод находился в действии с октября 1757 г. и временно до пуска домны в Нючпасе использовал привозной чугун с Кирсинского завода. За время почти четырехмесячного пребывания на заводах Ярцов подробно ознакомился с их техническим состоянием, начертил планы заводов и, вернувшись в Берг-коллегию, представил докладную записку.

В 1777 г. устюжский купец Афанасий Попов сделал попытку построить четвертый завод на речке Малой Нюле в Спаспурубской волости. Однако, как мы увидим дальше, попытка оказалась неудачной, к тому же на рудники в Спаспурубской волости претендовали и владельцы Нювчимского завода. Так или иначе, в 1790 г. недостроенный завод с плотиной и постройками и рудниками приобрели себе хозяева

Нювчимского завода, петербургские купцы Грибановы [20]*. К заводам были отведены рудники и леса на посессионном праве, «которые не присваиваются, а земля под оными принадлежит казне» [21].

Железные руды залежали не компактными массами, а небольшими быстро иссякавшими гнездами. В описании рудников Нювчимского завода отмечается, что «самые лучшие руды гнездовое положение имеют в красной, в охряной и Лазаревой глинах, а прочие в темносиней. Руды здешних рудников толщиной от 2 до 8 вершков, и то редко случается» [22]. Это заставляло предпринимателей иметь по несколько десятков рудников, расположенных в радиусе от полверсты до ста и свыше верст от завода. В 1756 г. уже при начале строительства, по указу Берг-Коллегии к Нювчимскому заводу отведено сразу 26 рудников, расположенных по Сыsole в Ибской, Межадорской, Вотчинской, Пыелдинской, Палаузской, Киберской, Чукаибской волостях, Самый дальний рудник находился в Палаузской волости в 110 верстах от Нювчима [23].

К Нючпасскому заводу было отведено 12 рудников. Самые близкие рудники «Красный» и Толоконный находились в полуверсте от завода при впадении речки Нючпас в речку Лопью, правый приток Сыsole. Самые дальние рудники «Николаевский» и «Боровской» были расположены в 41 версте по речке Кажиму. Кроме того, завод имел пять приисков, отысканных местными крестьянами по речкам Сызу и Кому. Самый дальний «Нишнекомский» прииск находился от Нючпасского завода в 65 верстах [24]. В 1782 г. к ним прибавилось еще 11 рудников, отысканных Курочкиным. Таким образом, число рудников возросло до 23. Однако, в конце XVIII в. руду добывали только на 15 рудниках, а остальные, как сообщали заводладельцы «за выработыванием руды стоят впусе» [25].

В отношении же рудников Кажимского завода в документах указывается, что «они причислены к имеющемуся ево Курочкина заводу все без остатка» [26].

Расширение производственной деятельности заводов сопровождалось расширением их рудной базы. В 1762 г. к Нючпасскому заводу было отведено еще 12 рудников, расположенных в Ибской волости в Праховских горах в 17 верстах от завода, в Визингской волости по реке Большой Визинге в горе Колье в 60 верстах и в Усть-Сыsoleской волости по речке Лем, впадающей в Вычегду, в 40 верстах от завода.

Последующий владелец Нювчимского завода верхотурский купец М.Походяшин, не ограничиваясь доставшимися ему после Панова и Плотникова рудниками, ведет широкий поиск новых рудных

* По сведениям побывавшего там этнографа Л.П.Лашука, следы несостоявшегося предприятия и сейчас еще обнаруживаются на урочище «Завод» близ села Занулье в Прилузском районе Коми АССР. (Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С.174).

месторождений в дачах государственных крестьян Спаспорубской, Лоемской, Объячевской волостей.

В 90-е годы энергичные меры по разведке руды по речкам Лопью, Локчию и Лемму предприняли нювчимские заводчики и петербургские купцы первой гильдии братья Грибановы. В конце 80-х – начале 90-х годов Грибановы наряду с эксплуатацией старых Визингских рудников начинают добывать руду и на новых, открытых в Спаспорубской и Лоемской волостях, но встретили сопротивление неожиданных конкурентов. В 1788 г. надворный советник А.Межаков обратился в Вологодскую казенную палату с просьбой запретить А.Грибанову разработку и вывозку руды из Спаспорубской и Лоемской волостей на том основании, что она якобы приискана его товарищем, лальским купцом Н.Поповым. Начались суд да дело.

Грибанов представил в Лальский земский суд контракт о сделке с крестьянами Спаспорубской волости, из которого выяснилось, что они уступили ему из своих крестьянских дач, отмежеванных по Генеральному межеванию, участок с рудниками и лесами по рекам Малой и Большой Нюлям в длину и ширину на 20 верст за 2600 руб. «в вечное и потомственное владение». Сами же обязались работать у него в рудокопных работах и жжении угля пока лес и руда не истощатся [27]*. Вслед за этим Грибанов обратился в Берг-Коллегию и к губернатору об узаконении его прав на эти места. Губернатор, которому было известно о рудниках в Спаспорубской волости уже застолбованных Н.Поповым, только руками развел и заявил: «Сие невероятно, во-первых, что земля принадлежащая к Спаспорубской волости, как известно ему, не столь обширное имеет место, где бы можно было найти, сверх обысканных Николаем Поповым, еще такие во многих количествах и коих руда была бы такого содержания, чтобы стоила провоза к Нювчимскому заводу, состоящему от Спаспорубской волости 150 верст, во-вторых, Грибанов не объявил, при каких точно урочищах рудники» [28]. Возникло подозрение, что Грибанов претендовал на чужие рудники. Однако, последний привел веские аргументы в свою защиту, сославшись на указ 1770 г. из Сольвычегодской воеводской канцелярии, разрешавшей прежнему владельцу М.Походяшину искать руду в Спаспорубской и Лоемской волостях, а «следовательно, владея Нювчимским заводом, и они тоже не должны быть лишены тех выгод, какими мог пользоваться Походяшин»

* Как видно из показаний крестьян, главной причиной, заставившей их пойти на этот шаг, была большая денежная задолженность государству: недоимка за 1789 и 1790 гг. в размере 1600 руб., за обмежеванные к их волости дачи в Вологодскую межевую контору десятинные деньги – 900 руб., хлебная ссуда на 100 руб., итого 2600 руб. ГАВО. (Ф.388, оп.6, д.1, л.208).

[29]. В претензии Межакову и Н.Попову тоже было отказано, так как выяснилось, что последний, будучи приказчиком у Походяшина и пользуясь его доверием в прииске рудников, бессовестно утаил о хозяина найденные рудники «для собственного пользования».

Кроме того Грибанов представил в 1790 г. в Лальский земской суд контракт на купленный им у наследника устюжского купца А.Попова завод с плотиной и отведенными к нему рудниками и лесами в длину и ширину по 20 верст за 5500 руб. Очевидно, смысл покупки заключался не столько в приобретении самого недостроенного завода, сколько в принадлежащих ему земельных участках. Наконец, Грибановым удалось также доказать и то, что задуманное Межаковым и Поповым предприятие было начато на речке Каланьере, впадающей в Лузу и отстоит в 22 верстах от тех мест, где они добывают руду.

В приобретении рудников по Лемму и Лопью, а также в возвращении отмежеванной от завода в крестьянские дачи пристани, Грибановы умело постарались использовать конъюнктурные моменты: войну России с Турцией и Швецией. Нювчимский завод, как и другие сысольские заводы, имел прямое сообщение водным путем с Архангельском, где строились военные корабли. В годы второй русско-турецкой войны 1787-1791 гг. специальными правительственными указами было предписано изготовление значительного количества артиллерийских снарядов и корабельного балласта для Архангельского порта возложить на частные заводы Вологодской губернии*. Выполнение заказов было возложено под ответственность самого губернатора.

Несмотря на значительные трудности (Нювчимский завод после покупки его Грибановыми требовал значительного ремонта), Грибановы успешно выполнили военный заказ, к сроку поставили 15153 штук ядер, 4150 кнпелей, 82770 штук дробы на сумму 15300 рублей, которые были отданы в казну «безнадежно» [30]. От второго заказа Грибановы просили их освободить и литье переложить на заводы Курочкина, ссылаясь на недостаток рабочей силы, отсутствие воды в пруду и то, что завод «обезсилен». Грибанов жаловался на устьсысольского исправника Кузьмина, который вмешивался в дела завода, препятствовал наборе рабочей силы. Кузьмин был переведен на такую же должность в Лальский уезд, но от выполнения заказов Грибанов освобожден не был. В 1790 г. Нювчимский завод снова отправил к Архангельску 4622 пуда снарядов.

* К этому времени в Вологодской губернии находилось всего 4 частных завода. Кроме трех заводов в Усть-Сысольском уезде, в Вельском уезде находился Терменский доменный и молотовый завод вологодского купца Матвея Колесова, который, однако, к моменту получения военных заказов бездействовал из-за выработки рудников. (ГАВО. Ф.18, оп.1, д.31, л.24).

Разумеется, не одно «ревностное усердие» руководило Грибановыми в выполнении военных заказов. Конъюнктура военного времени использовалась ими для расширения при заводской территории, для закрепления за заводом новых приисканных рудников и лесных дач. Достаточно указать, что за 12 лет с 1788 по 1780 г. Грибановы приискали 41 рудник и в крестьянских и казенных землях [31].

Обращаясь с прошением в Берг-Коллегию и подчеркивая заслуги свои перед Адмиралтейством, они просили приисканные ими в казенных дачах новые рудники по речкам Лемму и Лопью «в знак воздаяния отвести ко оному их Нювчинскому заводу во владение», а так же вернуть участок, прилегающий к заводской пристани по Сыsole между речками Карнаноелью и Варышелью, который в 1784 г. при генеральном размежевании был отмежеван в дачи крестьян Гарьинской, Пажгингской, Ибской и Шошкинской волостей. Кроме того, настаивали на разрешении им дальнейших приисков руды и снижении с них десятины с пуда выплавленного чугуна с 8 до 6 копеек. «И мы платим десятины по восьми копеек с пуда и сим равняемся с теми заводчиками, которые со стороны казенной имеют многие тысячи приписных крестьян, великое количество земель и лесов, и даже самые рудники казною еще до отдачи им заводов обретенные, вместо того, что мы теперь», - писали в прошении Грибановы [32]*.

Что касается отмежеванной от завода пристани, то в этом они еще находили поддержку: завод без пристани существовать не мог. Но в отношении рудников настырность заводчиков заставила Казенную палату и губернатора весьма настороженно отнестись к их просьбам: «Нет ли предлога Грибановых под видом рудников землею пользоваться» [33]. Сенат предписал губернатору рудники, приисканные Грибановыми в казенных дачах, обратить в пользу казны, устроив на них казенный железный завод, или же дать публикацию о торгах для частных предпринимателей. Однако охотников заводить предприятие в глухих диких местах не нашлось. Губернатор разрешил рудниками по Лемму и Лопью пользоваться Нювчинскому заводу, но увеличил десятину еще на две копейки. Под пристань же был отмежеван участок на Сыsole в длину на пять верст и в ширину 350 сажен с выплатой в казну денег за каждую десятину [34].

* В 1794 г. был издан правительственный указ, устанавливающий новые повышенные ставки попудного сбора с выплавленного металла. С чугунолитейных заводов, не имевших правительственных льгот по пособиям, лесам, землям, не имеющих приписных крестьян, указывалось взysкивать сверх платимых 4 коп. еще дополнительно 2 коп. с пуда выплавленного чугуна. Заводчики, получившие указанные льготы, должны были платить вдвое, т.е. по 8 коп. с пуда. (ПСЗ. № 17225.)

Получив рудные места и леса, заводчики тут же стали требовать запрещения пользования крестьянами лесов в районе заводов для своих нужд. В 1767 г. Панов и Плотников добились запрещения крестьянам Пажгинской, Гарьинской, Шошкинской, Ибской, Усть-Сысольской, Вильгортской, Межадорской, Вотчинской, Визингской и Пыелдинской волостей рубить лес для построек и разрабатывать новины в радиусе 50 верст от Ньючимского завода и 20 верст от каждого рудника [35]. В апреле 1768 г. Яренская воеводская канцелярия разослала сотским этих волостей указы о запрещении сооружения езов по рекам Сыsole и Визинге. Такие меры вызывали недовольство крестьян, которые стали враждебно относиться к открытию рудников на территории своих волостей. В том же 1768 г. приказчик Визингского и Коллинского рудников Ф.Светлоков жаловался в Ньючимскую заводскую контору, что при поиску руды крестьяне «ево гоняют и устраивают битьем и выговаривают, что де копайте в тех местах, где вам отвод учинен» [36]. Расширение производственной деятельности заводов сопровождалось увеличением поставок железной руды. Так, например, если в 1769 г. на Ньючимский завод было поставлено 54827 пудов руды, то в 1781 г. – 166757, а в 1798 г. – 224244 пудов [37]. Руда была поставлена из следующих рудников: Лемской – 34836 пудов, Спаспурубской – 14402, Евгеньевской – 700, Елизаветинской и Мординской – 57694, Визингской – 44194, Болотной – 34139, Ибской – 16969, Межадорской и Вотчинской – 11514, Предтеченской – 9833 пуда. За 30 лет с 1769 по 1799 г. на Ньючимский завод было доставлено 3 926 422 пуда железной руды [38]. Из них с Визингских рудников 949 770 пудов (24,2%) с Лемских 1 155 612 (29,4%) и болотной руды 890 909 (22,7%).

Большинство проплавляемых руд были бедны содержанием железа (от 15 до 35%). Что касается качества Визингской руды, то у И.Лепехина есть определенное указание, что она была более лучшего качества и содержание железа в ней доходило до 45% - «руда же дает от 100 пуд 45 чугуна» [39].

В летнее и осеннее время заготовка руды на рудниках производилась отвалами с глубины от двух до четырех саженей. Грунтовая вода, проникающая в отвал, отводилась с помощью неглубоких канавок. Руда поднималась на поверхность за веревку плетеными из березовых, черемуховых или ивовых прутьев кошелями.

В зимнее время в земле прорывались штольни высотой 1 сажень, которые укреплялись стойками и распорками по бокам, а на потолке погонными досками или плахами. Ширина штольни внизу составляла одну сажень, а в верхней части сужалась до двух аршин. Руда из штолен вывозилась на тележках [40]. Разработка руды была трудоемким

процессом. Два работника в день из данного им урока* добывали из штольни руды, от трех до десяти кошелок.

Часто в поисках жилы рабочие затрачивали первые два, а иногда и три верховых урока на то, чтобы перерыть землю через всю гору и оставались «без получения руды». «А когда в каком руднике в добыче мало будет оказываться, так что и вовсе пересечется, то оставляются недействующими», – указывается в одном из документов Нювчимской заводской конторы. В 1799 г. из 64 рудников, записанных за Нювчимским заводом, руда поставлялась только с 20. Остальные были недействующими или выработанными [41].

Добытая руда тут же при рудниках обжигалась для удаления примесей, а после обжига просеивалась деревянными и железными решетками и складывалась в кучи. В зимнее время руду санным путем отвозили на заводы, а в летнее время по Сыsole на судах. Заработная плата работающим на рудниках составляла 6 коп. в день [42]. Выжиг угля производился кучами и полукучами в зависимости от удобства местности, «где сколько скласти можно». На кучу требовалось 20, а на полукучу 10 саженой дров. Дрова складывались конусообразно, сверху обкладывались хвоей и посыпались землей. В середине кучи отставлялось отверстие – труба, через которую внутрь опускался огонь. Жжение кучи продолжалось 20, а полукучи 10 дней, после чего ее разгребали. Из 20-саженной кучи получалось 6-8, а из полукучи – 30-40 двадцатипудовых коробов угля [43]. Как видно из ведомости, посланной И.Курочкиным в Берг-коллегию, для нормальной работы Кажимского и Нючпасского заводов ежегодно требовалось 16 тысяч коробов или 320 тысяч пудов угля в год [44].

Развитие сысольских заводов сопровождалось ростом закабаленности коми крестьян. С постройкой заводов их владельцы купцы при добыче руды и заготовке угля широко использовали подневольный дешевый труд крестьян. Наем на работу происходил путем заключения кабальных договоров и контрактов с выдачей вперед задатка – части будущего заработка. Нанятые работники превращались в зависимых должников, обязанных в случае невыполнения договора отработать долг в двойном размере: «А ежели в те сроки той работы не справят, то повинны они и той волости все крестьяне платить деньги или заработать вдвойне» [45].

* Доставка определенного количества заготовленной руды, дров или древесного угля, выполненные крестьянином, назывались уроком. Добыча руды отвалом с глубины от 2-х до 4-х саженой измерялась четырьмя уроками. Первый урок – 2 аршина 4 вершка; второй 1 аршин 12 вершков; третий – 1 аршин 4 вершка; четвертый урок – 1 аршин. «А нижние сколько можно доходить до подошвенной руды по 12 и по 8 вершков». (РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.36).

В 1768 г. в Яренскую воеводскую канцелярию была подана челобитная от устюжского купца и владельца Ньючимского завода Ивана Плотникова, в которой он жаловался на крестьян Пыелдинской волости, что те в 1758, 1759 годах заняли у его отца «на платеж имеющийся на их волости подушной доимки денег 1008 руб. 30 коп.» [46]. На занятые деньги они обязывались поставлять на завод руду и жечь уголь. За деньги, занятые в 1758 г. крестьяне должны были заготовить 56 тысяч пудов руды и «с обжигом, просеянную и чистую отдать на барки», а также сложить и вжечь 10 угольных двадцатисаженных куч.

Как видно из дальнейшего решения дела, пыелдинские крестьяне не уложились в целый ряд пунктов договора: руда была добыта, но «только добыта уже после сроку», и сплавлена тоже с опозданием. Не расплатившись с первым долгом, в 1759 г. крестьяне снова были вынуждены занять деньги, но обязались за четыре года сложить, осыпать и выжечь 50 двадцатисаженных куч.

Попадая в кабалу к заводчику, крестьяне оказывались в исключительно трудном положении, т.к. оплата их труда на заводе была низкой. Так, в 1760 г. 27 человек отработали на заводе 329 дней, получая по 6 коп. в день. Их заработок составил 19 руб. 14 коп. [47]. В 1768 г., т.е. к моменту подачи на них исковой челобитной Плотникова, на крестьянах оставался долг заводу в сумме 615 рублей. Сами крестьяне с горечью констатировали, что «нами учинен умысел, что б их волости крестьян взять после того в работу и работать и будто за проценты напрасно» [48].

Широко пользовался системой закабаления новый владелец Ньючимского завода известный уральский купец М.Походяшин. Характеристику взаимоотношений заводчика-ростовщика с местными крестьянами мы находим в записках И.Лепехина: «Собственных людей у Походяшина на заводе сем нет, кроме нужных заводских мастеровых, а валовая заводская работа отправляется зырянскими руками. Бедность сих людей завела в казенные долги, которые у нас недоимкою называют и которую Походяшин внес в казну с тем, чтобы зыряне ее заработали на заводе, но коль скоро из сего заводского долгу бедные сии люди, а особливо для отдаленных и рассеянных их жилищ, выplatиться могут...» [49]. Сказанное Лепехиным проиллюстрируем документами. В 1770 г. М.Походяшин действительно принял на себя уплату подушной недоимки за крестьян Глотовской слободки, Косланского и Пысского погостов, Мыелдинской и Усть-Немской волостей [50]. (Хлеб в указанных волостях в этом году вымерз). Долг крестьяне были обязаны погасить своей работой на заводе в течение трех лет. Именно такая форма расчета более всего соответствовала интересам Походяшина.

Однако отработка затягивалась, крестьяне неохотно шли на завод, чему были свои причины. Все владельцы сысолевских заводов, принимая на работу крестьян, указывали на то, что они «сколько могут на себе хлеба занести, то в это время и работают, а, издержав хлеб, без позволения

уходят» [51]. Положения же крестьян указанных волостей по сравнению с пыелдинскими было несколько иным: они находились от своих домов за 400-500 верст. Не имея при себе достаточно хлеба, ни лошади, верхневыходские крестьяне и удорские для отработки долга использовались в основном на поденщине, получая за это мизерную плату по 5-6 коп. в день, да и то не всегда. «А в который день, где который работник определен, работы той не достало,- то не за весь день им плата производится, а в праздничные дни или заболеют, то уж и совсем платы нет. А потому не только впредь на платеж подушных денег выработать не может, но и на содержание ево при том заводе на хлеб, на платье и на обувь доставать не будет, а заводской долг более на них прибавится», – сообщал яренский воевода в устюжскую провинциальную канцелярию в связи с затянувшейся отработкой долга [52].

Прогрессирующее оскудение крестьян, ставившее под угрозу выполнение обязательных заводских работ, заставляло местные власти время от времени вмешиваться в отношения заводской администрации с крестьянами. Такое вмешательство вносило по преимуществу фискально-полицейский характер: «не от лености или нерадения» низкие заработки крестьян. Так, на Нювчимский завод из Яренской воеводской канцелярии был командирован сержант Корюхов, которому под видом инкогнито поручалось «разведать» у заводских жителей уровень жизни работников, цены на продукты, взаимоотношения с администрацией и т.д. [53]. В представленном в канцелярию рапорте сообщалось, что большинство крестьян из недоимочных волостей из-за невыносимых условий с завода сбежало. Хлебные и другие съестные припасы крестьяне получали из заводского магазина в счет заработка по довольно высоким ценам: мука ржаная 25 коп. за пуд, мясо говяжье 28 коп., крупу и толокно – 40 коп. за пуд. За спецодежду, лапти и рукавицы тоже удерживались деньги. Значительная часть поденщиков, чтобы прокормить себя, вынуждена собирать милостыню в окрестных деревнях.

Жалуясь в Архангелогородскую губернскую канцелярию на невыполнение крестьянами обязательств, нювчимские приказчики просили принять административные меры, принудить силой к отработке долга. Не доверяя яренским властям, которых обвинили «в поновровке крестьянам», устюжская провинциальная канцелярия выслала на завод своего проверяющего Шевердякова, который вскоре сообщил, что «доимочных волостей крестьяне, находясь в работах при заводе во множественном числе, не зарабатывали иногда не только в число недоимки, но и за заработанный хлеб и харч, а другие хотя из взятых продуктов и вырабатывались, только в заверку в число состоящих на них недоимки выходило самое малое число» [54]. В подтверждение приводился следующий пример. В 1771 г. 216 человек от Усть-Немской волости (160 мужчин и 54 женщины), проработав июнь месяц, «заработали по исключению недоимки только 5 рублей 61 копейку». Губернатор в

предложении Яренской канцелярии потребовал принять самые действенные меры, вплоть до отправки солдат в волости, чтобы заставить крестьян работать за взятые деньги: «Сих волостей пять, на них заводчикова долгу 2693 руб. 10 коп. Длится оной с 1770 года и за сроком, положенном в условии к заработанию тех трехгодичным, четвертый год уже» [55].

По составленной разверстке каждая волость должна была выслать по 50 человек, но фактически, как видно из таблицы, их было меньше. Новый владелец завода генерал-майор Ваксель с 1776 г. пошел даже на уступки крестьянам, дав указание использовать их на одной рубке куренных дров, с повышением платы «против вольных» на 5 коп. за каждую сажень, т.е. 35 коп. [56]. По расчетам администрации выходило, что при средней затрате труда каждый работник мог нарубить за неделю две сажени дров и заработать 70 коп., а в месяц – 2 руб. 80 коп. Из этой суммы вычиталась стоимость выдаваемого на месяц каждому человеку продовольствия: муки пуда - по 25 коп. пуд, круп 9 фунтов – по 40 коп. пуд, мяса 1 пуд – 44 коп. пуд. Итого - 1 руб. 4 коп. Сюда же был прибавлен старый долг 46 коп. Получалось, что крестьянин после всех вычетов мог получать на руки в месяц 1 руб. 30 коп., а в год 15 руб. 60 коп. «и в ближнем от своего жительства месте» [57].

И воеводская канцелярия под строгим окриком губернатора выслала в недоимочные волости за дроворубами солдата, припугнув его, в свою очередь, тем, что если он работников не вышлет «поступить с ним по силе воинского устава без упущения». Что касается соцких, «то уж с ними от Яренской канцелярии поступят по всей строгости законов, яко с противниками к неповинующимся». Однако и эта мера оказалась неэффективной. В том же 1776 г. губернатор «с крайним сожалением» констатировал, что крестьяне по-прежнему «не помышляют» являться на завод в Нювчим.

Закабалили крестьян и владельцы Нючпасского и Кажимского завода. Крестьяне Ужгинской волости еще в 1758 г. дали на себя заемную запись на 454 руб. 26 коп., а потом не могли расплатиться с этим долгом в течение 8 лет [58]. На крестьянах Койгородской волости числилось долга 80 руб. Самый большой долг числился на крестьянине Я.Ошове, который должен был отработать 28 руб. 21 коп. [59]. Нищенская оплата труда и система долговой кабалы, применявшаяся администрацией, не привлекали крестьян для работы на заводах.

§ 2. Техника и производительность заводов.

Сысольские заводы являлись довольно сложными предприятиями, состоящими из нескольких «фабрик» (цехов). Отдельными цехами заводов

являлись доменная, молотовая и формовая фабрики, меховая изба, кузница. Наиболее сложным и дорогим сооружением была плотина – глиняно-земляная дамба с деревянными прорезами «вешняками» для пропуска весенних вод. По величине плотины были различны. Например, плотина Нючпасского завода через речку Нючпас была длиной 80 сажен (172 метра), шириною по основанию 10 сажен и 6 сажен по гребню. В половодие плотина обеспечивала подпор воды в 6 аршин. Плотина Нювчимского завода имела протяжение 180 сажен (375 метров). Сравнительно сильную плотину имел Кажимский завод. При длине 350 сажен или 752,5 м. она имела 15 сажен ширины снизу и 7 сажен ширины сверху [60]*.

В каждой плотине имелось отверстие – ларевой прорез, через который вода проходила в деревянный канал (ларь). От него проходила система боковых деревянных труб и желобов, по которым вода направлялась к деревянным колесам. Гидроэнергия обслуживала на заводах почти все недоступные мускульной силе производственные операции. Основное ее назначение было приводить в действие воздуходувные меха у домен и кричных горнов. Силой воды поднимались 20-ти пудовые молоты, дробили руду, ковали металл, двигали рамы пильных мельниц.

Наиболее крупным из всех трех заводов был Нювчимский доменный и молотовый завод. Основными сооружениями его, кроме плотины, были доменный цех с доменной печью, фурменная фабрика (литейный цех). Фундамент доменного цеха был сложен из дикого камня, а корпус из красного кирпича. Завод имел 9 кричных и 16 кузнечных горнов, 6 двадцатипудовых молотов. Все заводские механизмы приводились в движение 16-ю водяными пличными колесами диаметром каждое 5 аршин. Кроме основного предприятия на заводе имелась слесарня, мукомольная и пильная мельницы, а так же 78 домов для рабочих и другие строения [61].

Нючпасский завод имел одну чугуноплавильную доменную печь, 2 кричных и кузнечных горна, один действующий молот и 4 водяных пличных колеса. В описании завода сказано: «При Нючпасском заводе по малости речки Нючпаса в зимнее время от морозов, а в летнее, в сухую погоду, остатков от доменного действия воды не бывает и потому ковки железа долговременно не происходит, а бывает она в вешнее и осеннее время в мокрую погоду на два горна не более двух недель» [62].

Кажимский завод являлся, в сущности, филиалом Нючпасского, с которого он получал чугун для передела его в своих молотовых цехах в железо. У него было 14 кричных и 5 кузнечных горнов, 7 действующих и 3

* Для сравнения укажем, что считавшиеся большими плотины уральских заводов имели следующую длину: Верхнее-Турьинский – 360 сажен или 774 метра, Вотчинский – 381 сажень или 814 метров. (Кашинцев Д. История металлургии Урала. М.–Л., 1939. Т.1. С.176).

запасных молота дляковки железа, а «для действия печей, горнов, молотов и махин» имелось 25 водяных колес. Из воспоминаний служб находились также слесарня и меховая, мучная и пильная мельницы [63].

Процесс выплавки металла на заводах был двухступенчатый, который тогда применялся в металлургии: сначала из руды выплавлялся чугун, а затем он перерабатывался в железо.

На Нювчимском заводе для выплавки штыкового чугуна, который в дальнейшем шел на переделку в железо, на одну колошу* в домну засыпался 1 короб угля, руды: Лемской 6 пудов, Елизаветинской и Мординской 6, Спаспурубской 5, Визингской 5, Васильевской 4, Предтеченской 2 пуда. Всего 28 пудов. Для отливки балласта и изделий из чугуна употреблялось 19 пудов руды Межадорской, 3 пуда Ибской и 8 болотной руды. За сутки через домну проходило от 25 до 30 колош. Суточная продукция за два нормальных выпуска достигала от 180 до 280 пудов [64]. На Нючпасском заводе проплавлялось в сутки от 750 до 1000 пудов руды и «при хорошем действии домны» выплавлялось от 250 до 300 пудов чугуна [65].

Кричные горны являлись разновидностью кузнечных и отличались от последних только размерами. Они были сделаны из кирпича, а внутри снизу и с боков обложены чугунными досками. При переработке чугуна в железо в кричный горн загружался древесный уголь и подавалось дутье. Чугун расплавлялся, находящийся в нем углерод выгорал и получалась железная крица с некоторой примесью шлака, который затем удаляется с помощью проковки.

На Кажимском заводе на одну крицу употреблялось 20 пудов угля и 12 пудов чугуна, из которых после перетяжки получалось в среднем 9 пудов полосного железа [66].

По строю производства сысольские частные заводы являлись мануфактурами органической формы. Их продукция получалась в результате последовательной переработки сырья: сначала из руды выплавлялся чугун, затем чугун переделывался в железо, которое проковывалось в различные сорта, превращалось в уклад. Разделение труда в процессе выплавки чугуна и выделки железа иллюстрируется также составом квалифицированной рабочей силы.

Домну Нювчимского завода обслуживали один доменный мастер, два подмастерья и 19 рабочих: «у возки из-под домны шлаку с лошадьми 2, у возки на домну руды с лошадьми ж 2, угленосов 6, засыпальщиков 4, при разбивке руды 5 человек» [67]. Работа происходила посменно, и в одной смене было занято 22 человека. Переработка чугуна в крицы велась тоже под наблюдением кричного мастера. На всех девяти горнах Нювчимского завода в одну смену работало 54 человека. Нормы заработной платы мастеровых и работных людей на сысольских заводах, очевидно не

* Мера засыпки руды, угля и флюсов.

превышали норм заработной платы соответствующих категорий работников на уральских заводах. За выделку из чугуна пуда железа каждому работнику платилось по 5,6 коп., «от якорей» по 30 коп. с пуда, «а за прочие работы от 3 до 12 коп. в день каждому человеку».

Кроме чугуна и различных сортов железа заводы выпускали и другую продукцию: корабельный балласт, ядра, якоря, которые водным путем отправлялись в Архангельск. Имеются указания документов и на выполнение ими специальных заказов. Уже в конце 1761 г. Курочкин и Юринский выполнили специальный правительственный заказ, изготовив на покрытие Каменноостовского питейного двора в Петербурге 350 пудов черного кровельного железа, фляжного белого луженого железа на 1315 армейской фляг, на покрытие Зимнего дворца аршинного с обеих сторон луженого 263 листа, черного крышечного для Канцелярии от строений 2333 листа, а так же 170 пудов пруткового и 100 пудов колотушечного железа [68].

В годы второй русско-турецкой войны заводы успешно выполнили ряд военных заказов. В 1788 г. по указанию Сената для Архангельского порта на Нючпасском заводе было отлито без веса ядер 11 117, кннпелей 3 040, дроби 60 630. В 1790 г. ядер 9 139, кннпелей 2 300, дроби 45 465, бомб полукартаульных 747, брандскугелей 624, гранат 3 428. На Нювчимском заводе в 1788 г. ядер 15 173, кннпелей 4 150, дроби 82 770; в 1790 г. ядер 10 000, дроби 45 465 [69].

На Нювчимском заводе отливка чугуна в 1771–1782 гг. обходилась 30–31 коп. пуд, выделка железа 63–68 коп. пуд. Продвижная цена железа в Архангельске составляла от 75 до 90 коп., балласта для судов 45–60 коп. пуд [70]. На Нючпасском заводе чугун стоил 35–40 коп., железо 50–60 коп. пуд. Выковка железа на Кажимском заводе обходилась 55060 коп. пуд. Продажная цена железа Кажимского завода составляла 80 коп. пуд. В Усть-Сысольском округе и от 90 коп. до одного рубля выработанной ими продукции.

Таблица 1

Выплавка чугуна и выделка железа на Нювчимском заводе с 1769 по 1799 гг. (в пудах) [71]

Год	Чугуна	Железа	Год	Чугуна	Железа
1769	18 362	7 193	1785	60 949	11 851
1770	23 389	15 624	1786	63 261	11 081
1771	26 868	17 053	1787	50 025	13 863
1772	29 780	19 429	1788	6 809	1 876
1773	17 225	6 298	1788	17 387	5 147
1774	22 252	11 748	1789	50 809	16 335
1775	16 992	13 683	1790	60 937	18 990
1776	17 118	9 943	1791	61 216	31 688

1777	42 244	19 227	1792	46 441	28 150
1778	32 993	18 644	1793	63 909	14 543
1779	28 995	8 994	1794	46 159	22 841
1780	53 591	10 579	1795	65 494	34 827
1781	60 815	9 471	1796	4 335	25 263
1782	15 397	5 264	1797	39 166	20 963
1783	43 030	8 695	1798	57 325	22 856
1784	39 910	9 687			

Таким образом, за 30 лет с 1769 по 1799 г. выплавлено чугуна и чугунных изделий 1 221 679 пудов и выделано 471 882 пудов железа. О количестве чугуна (в пудах), выплаваемого Ньюпасским заводом с 1778 по 1796 г. дает представление таблица 2 [72].

Таблица 2
Количество чугуна, выплавлявшегося Ньюпасским заводом в 1778–1796 гг.

год	кол-во пудов чугуна	год	кол-во пудов чугуна
1778	23 125	1787	36 671
1779	23 894	1788	34 327
1780	20 005	1789	44 669
1781	12 910	1790	47 798
1782	16 689	1791	48 977
1783	24 230	1792	50 921
1784	23 321	1793	50 780
1785	41 870	1794	48 613
1786	30 251	1795	63 053
		1796	51 350

Из таблицы видно, что ежегодная выплавка чугуна (за исключением 1781 и 1782 гг.) возрастала и за 18 лет увеличилась почти в три раза.

Таблица 3
Сведения о количестве выкованного железа на Кажимском заводе [73]

год	кол-во пудов железа	год	кол-во пудов железа
1759	8000	1784	31099
1769	12 000	1785	54 166
1761	17 859	1786	50 257
1762	11 207	1787	51 788
1763	5 403	1788	55 671
1764	22 209	1789	49 814

1765	32 206	1790	57 677
1766	26 125	1791	52 637
1767	18 420	1792	59 406
1768	26 429	1793	59 625
1769	27 922	1794	55 798
1770	30 912	1795	65 489
1771 (1-е полугодие)	16 620	1796	56 084
1783	28 674		

Н.И.Павленко справедливо отметил, что «владельцы сравнительно мелких вододействующих предприятий продавали железо только внутри России. Но как только производственная мощность предприятий обеспечивала выпуск чугуна в пределах 40–50 тыс. пудов в год и выше, промышленник тянулся к внешнему рынку, так как внутренний рынок оказывался уже недостаточным» [74].

В конце XVIII в. Грибановы заключили контракт с английской конторой «Артур Кейли и компания» о поставке за границу в три года 100 000 пудов железа, однако одновременное выполнение контракта и военных заказов явились причиной того, что вместо трехгодичного срока, контракт был выполнен только через пять лет, когда цена на железо повысилась от 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 70 коп. за пуд и Грибановы понесли убытки, лишившись «наличного капитала» [75].

В числе причин «умаления действия завода» отмечалось отсутствие постоянного контингента рабочих рук, низкое качество руды, нехватка воды в пруду, прорыв плотины в 1790 и 1794 гг. Однако, пользуясь кредитом, Грибановы еще кое-как сводили концы с концами. В 1799 г. «по причине семейных неприятностей» Грибановы лишились кредита. Это поставило их в весьма затруднительное положение, так как завод оказался под угрозой остановки. Тогда заводчики пошли на отчаянный шаг, обратившись за помощью в морское ведомство. С помощью ведомостей из заводской конторы за 1788–1803 гг. они доказали, что за это время отлили и доставили к Архангельскому порту до 225 000 пудов балласта с получением за каждый пуд: по 1793 г. – 70 коп., с 1796 по 1799 г. по 74 коп., а с 1800 года – по 84 коп., за что и были удостоены благодарности Адмиралтейской коллегии. Играя на прежнем доверии Адмиралтейства, Грибановы в прошении к морскому министру Чичагову просили его дать предписание о заключении с ними контракта на отливку в течение 5 лет еще 100 000 пудов балласта. В своем условии они предлагали ежегодно отливать по 20 тысяч пудов по цене 70 коп. за пуд, т.е. за плату, которая ими была получаемая 10 лет назад, но с тем чтобы следуемая за весь контракт сумма в размере 70 тысяч рублей была выдана наперед под залог собственного завода. По подсчетам Грибановых, от предлагаемых ими

условий контракта казна получила бы прибыли от предложенной ими цены 14 000 руб. за пуд с выплавляемого балласта, 12 600 руб. от процентов, всего 26 000 руб. [76].

В случае провала контракта с морским ведомством они были намерены просить у Берг-коллегии ссуду на 50 тыс. руб. с отдачей под залог завода, с обязательством выплатить ее за пять лет и довести за это время завод до рентабельного состояния [77]. Как дальше складывались обстоятельства – выяснить не удалось. Однако известно, что Грибановы впали в неоплатные долги «на немалотысячные суммы». В 1806 г. завод был приостановлен, а в 1809 г. московское горное правление на основании указа Сената определило «завод в отвращение дальнейшего его расстройства на удовлетворение его кредиторов и накопившейся оброчной недоимки продать с аукционного торгу» [78].

Начавшееся со второй половины XVIII в. интенсивное использование полезных ископаемых не ограничивалось одной железной рудой.

В 1745 г. архангельским купцом Ф.С.Прядуновым с разрешения Берг-коллегии в Пустозерском уезде «при малой речке Ухте» был построен первый в России нефтяной завод, на котором заготавливалось «нефти натуральной» до 40 пудов в год [79]*. На заводе постоянно работали сын Ф.С.Прядунова Степан и два-три вольнонаемных работника за плату 35 040 руб. в год. Нефть доставлялась в Москву, где передвигалась. В 1748 г. Прядунов привез в Москву «натуральной нефти» 655 кг. Для перегонки ее в лаборатории Берг-коллегии и затем для продажи в качестве лекарства. В 1749 г. Степан Прядунов привез в Москву еще 98 кг ухтинской нефти. В

* Приведем краткую справку о предыстории появления промысла Ф.Прядунова. В 1721 г. житель Мезенского уезда «рудознатец» Г.И.Черепанов сообщил в Берг-коллегию, что он нашел на р. Ухте «нефтяные ключи», а также различные руды на реках Ижме, Суле, Цильме, Пижме и Ухте. 5 мая того же года Берг-коллегия распорядилась «нефтяной ключ в Пустозерском уезде по Ухти речке велеть освидетельствовать и учинить на него пробу». В 1724 г. образцы найденной Г.И.Черепановым нефти были доставлены в Санкт-Петербург. По словам рудознатца, он на р. Ухте «зделал кадку и поставил в нефтяной ключ и счерпывал ту нефть сверху по воде по малому числу и начерпал-де то число нефти, которая с ним... в Берг-коллегию послана, в два дни». В сентябре 1724 г. Петр I распорядился «на Ухту речку... послать... Черепанова, и с ним афигера, дав им подводы и денег по рассмотрению сколько пристойно», для обустройства промысла. 5 октября того же года Берг-коллегия издала соответствующий указ, где говорилось: «...велеть им, приехав на то место, круг того нефтяного ключа в речке Ухте побити сваи и оболочь смоляным полотном и протчее учинить, как пристойнее». Но разработка открытого месторождения регулярно не велась. (Нефть и газ Коми края. Сыктывкар, 1989. С. 19–20). (Прим. ред.).

1751 г. на нефтяном промысле Ф.С.Прядунова было добыто 352 кг нефти [80].

В 1752 г. за неуплату десятинного налога Ф.С.Прядунов был заключен в долговую тюрьму, где умер в марте 1753 г. В 1756 г. завод перешел к вологодскому купцу А.И.Нагавикову, который в 1757 г. добыл 580 кг, а в 1758 г. 856 кг нефти [81]. А.И.Нагавиков поставлял нефть в Московскую аптеку [82]. В 1760 г. владельцем нефтепромысла стал коми крестьянин Иван Мингалев, в 1765 г. – яренский купец Михаил Баженов [83]. Баженов сделал попытку расширить добычу нефти. Не довольствуясь доставшимися ему нефтяными источниками, он стал искать «нефтяные ключи» в окрестностях завода. В 1767 г. посланные из Яренской воеводской канцелярии «видели другой его же, Баженова, промысел нефтяной же на другой речке, именуемой Чути, состоящей от онога Ухтинского сухим путем, например, в 4 верстах» [84]. Со своего промысла Баженов получал в год 20 пудов нефти.

Очевидно, Баженов пытался наладить и переработку нефти в родных местах, ближе к источникам ее выхода. В Ляльской трети на Выми у него находилась «поварня для перепуску нефти» [85]. В 1766 г., как видно из рапорта сотского Арихина в воеводскую канцелярию, поварня сгорела. Баженов снова обратился за разрешением «для перепуску нефти фабрику строить», но удалось ли осуществить ему этот замысел, сведений не имеется. Вероятно, в конце 1760-х гг. промысел прекратил работу.

Интересна также попытка, хотя, видимо, и неудачная, усть-сысольского купца Ивана Леонтьева Суханова в Усть-Сысольско волости на речке Дырноте построить хрустальную и стекольную фабрику [86].

Основным и решающим в развитии производительных сил края в XVIII в. являлось основание железоделательной промышленности, создание Кажимского металлургического района, продукция которого шла на общероссийский рынок. С появлением заводов коми крестьяне неизбежно втягивались в новые производственные отношения, а это подрывало устои замкнутого натурального хозяйства.

§ 3. Рабочая сила, положение рабочих, классовая борьба.

На заводах применялся вольнонаемный труд, который в условиях северного края найти было легче, чем в крепостных губерниях центральной России. К тому же, усилившееся во второй половине XVIII в. расслоение крестьянства выбрасывало на рынок труда больше количество рабочей силы, чем в первой половине века. Тем не менее, спрос на рабочую силу превышал ее предложение.

В первое время основное ядро, представляющее квалифицированную часть рабочих, доменные, фурмовые, кричные, молотовые мастера и

подмастерья, состояло из обученных заводскому мастерству государственных крестьян Вятской и Великоустюжской провинций, живших при заводах, но состоящих в подушном окладе по месту записи по последней ревизии. Заводчики Планов и Плотников жаловались в Берг-коллегию, что «несмотря на то, что они мастерствами обучились и при тех ваших заводах живут домами по немалому времени, имея исправный платеж государственных сборов, и в случае для бываемых в тех местах, где они по ревизии написаны, разных мирских служений и для платежа излишне налагаемых сверх подушных накладок... отлучаются от тех наших заводов на немалые времени, отчего в казенных исправлениях происходит остановка» [87]. Такое же явление наблюдалось и на Кирсинском заводе. Н.И.Павленко пишет, что «Куручкин и Вяземский, например, указывали на то обстоятельство, что на их Кирсинском заводе были вольнонаемные рабочие, занятые «в самых главных художествах». Однако он, «яко люди вольные, предпочитая более свои домашние нужды» или «исполняя свое желание, что б находиться в праздности, не всегда на этот завод приходили для найму». Само собой разумеется, что если бы Вяземский и Куручкин имели хоть малейшую возможность закрепить этих вольнонаемных за заводами, они воспользовались бы ею, тем более они писали о «год от году прибавляющейся скудности» в мастеровых людях» [88].

Заводской служитель Кажемского завода Евсей Костров на допросе в Усть-Сысольской нижней расправе рассказал о себе, что записан был по третьей и четвертой ревизиям Вятского наместничества в Слободской округе. Отпущенный с места жительства по увольнительному письму на один год, он проработал на Кажимском заводе 17 лет [89].

Работы, не требовавшие особой квалификации, – добыча руды, жжение угля и другие – выполнялись «наемными людьми по паспортам за договорную плату» из числа русских и коми крестьян.

В конце XVIII в. на Ньючимском заводе ежегодно работало «вольных работников» от 1000 до 1500 мужчин и от 250 до 300 женщин, на Ньючасском – 200 мужчин и 50 женщин, на Кажимском – до 300 мужчин и столько же женщин [90].

В том случае, если работник получал квалификацию мастера или подмастерья, он всяческими законными и незаконными способами удерживался на предприятии и превращался в конце концов из лично свободного в заводского зависимого человека. Нередко представители волостной администрации, чтобы вернуть в мир бывших налогоплательщиков и хлебопашцев, приходили на завод и вмешивались в дела заводской конторы.

Так, например, крестьянин Вильгортской волости Никита Мальцев стал молотовым подмастерьем. Приехавшие на завод вильгортские крестьяне пытались самовольно забрать Мальцева обратно. Ньючимская заводская контора обратилась в воеводскую канцелярию: «Оной Мальцев

от их конторы на платеж подушных денег и на содержание свое немало забрался. Да и от прежних заводчиков за 26 рублевый долг переведен к ним же» [91]. Заводчикам удалось отстоять «своего» мастерового. Так же заводская контора поступила с мастером кричной тяги Тимофеем Макаровым – крестьянином Небдинской волости. Она отказала в возвращении его в Небдинскую волость, а выплату подлежащих с него подушных денег оставила за собой и обязалась платить за него впредь, но мастера сохранила за собой в постоянных кадрах рабочих [92].

В 1769 г. Нювчимская заводская контора доносила в Яренскую воеводскую канцелярию: «На оные де заводы здешнего Яренского уезда крестьянство в разные времена приезжая в ночное время и, не спрося в заводской конторе, сыскивают своих крестьян и чинят на оном заводе поиски, отчего де мастеровые, доменные и молотовые и прочие мастера и работники, устрашаясь их поисков, принуждены разбежаться и в работе чинится немалая остановка» [93].

Коми крестьяне, ставшие на заводах квалифицированными работниками стали оседать на заводах, и работа у доменных печей и горнов становится для них потомственным занятием. Наряду с упоминавшимися уже мастерами в штате дефицитной рабочей силы на Нювчимском заводе в 1773 г. документы отмечают молотового мастера Егора Шахова, подмастера кричной тяги Михаила Попова, Григория Кузнецова, которые с семьями уже живут на заводах. Крестьянские волости и миры, расположенные в округе заводов, оказываются, таким образом, тесными узлами связанными с заводским производством.

Заводчики прибегали также к побочным, недозволенным законом способами получения рабочих рук. Они охотно принимали на работу беглых крестьян, укрывающихся от рекрутчины и уплаты податей.

В 1778 г. соцкий Небдинской волости жаловался на воеводскую канцелярию, что крестьяне Дмитрий и Зотий Семеновы да Андрей Панюков находятся на Нювчимском заводе, «укрываясь от рекрутских наборов и, состоящей на них подушного сбора недоимки не платят, для взятых их в волость к отдаче в рекруты посылаемы были нарочные, токмо де заводские отбивают» [94].

Нарочным из Часовской волости, также отправленным за беглым рекрутом, заводской приказчик заявил: «Хоть ево и увидите, токмо не свяжите, потому что здесь завод – убьют до смерти» [95]. Дело доходило до столкновений уездных властей с владельцами заводов. В 1790 г. А.Грибанов обратился в Вологодское наместническое управление с жалобой на усть-сысольского исправника Кузьмина, что тот «нередко приезжая в мой завод, и всех тех находящихся в заводских работных крестьян, с письменными видами крестьян, незнаемо почему высылает и впредь их не только что в заводские работы нанимать не велит, но и в завод пускать запретил» [96]. Конфликт закончился тем, что, учитывая недостаток рабочей силы на заводе и то, что Грибанов выполнял военные заказы,

губернатор дал указание о переводе исправника в Лальск, а его преемнику наказал «до невхождения ни в какие по заводу заводчика Грибанова разборы и следствия» [97].

Естественно, что заводчики стремились избавиться свои предприятия от влияния узкого и неустойчивого рынка вольнонаемной рабочей силы*. На крестьян, выполнявших валовую работу, Грибанов жаловался, что «они в надлежащее время в завод к работе и по нуждению нижнего земского суда все никогда не приходят». Поэтому Грибанов незамедлительно воспользовался указом Павла I от 1798 г., вновь разрешающего покупку крестьян к заводам. Свою просьбу в прошении в Берг-коллегию он мотивировал следующим образом: «Для удобнейшего производства завода и для доставления себе и казне преимущественных выгод, приторговал я купить к заводу крестьян давно уже при оном нашем заводе находящихся у обер-провиантмейстера Николая Максимова сына Походяшина, написанных за ним по последней ревизии Костромской губернии Ветлужского уезда в деревнях мужеска 65, а женска 53 души, да у надворного советника Григория Максимова сына Походяшина, написанных за ним по последней ревизии Вологодской губернии Кадниковской округи и деревнях мужеска 56, а женска 62 души». Всего, таким образом, в расчеты входила покупка 121 души мужского пола и 115 душ женского пола «с рожденными после ревизии их детьми». В апреле 1801 г. Грибанов сообщал в Берг-коллегию о совершенной сделке с надворным советником Григорием Походяшиным – покупке 56 душ мужского и 62 душ женского пола ценою за 6550 руб. Цена, довольно высокая, говорит о том, что продавались не простые крепостные люди, а обладающие определенной квалификацией**.

В купчей же Григорий Походяшин указывал: «Продаю Грибанову крепостных моих крестьян, доставшихся мне в 1790 году генваря 9 дня по купчей поручика Ивана Ивашева сына Хлопова от жены Пелагеи Алексеевой дочери и в подушном окладе положенных за мною при означенном Нювчимском его Грибанова с братом заводе и ныне во оном заводе живущих мужеска 56, женска 26 души». Смысл покупки заключался, видно, в приобретении людей, которые жили при заводе.

* Еще в 1759 г. Панов и Плотников обращались в Берг-коллегию за разрешением о приписке к Нювчимскому заводу за платеж подушных денег незаконнорожденных детей мужского пола.

** Очевидно, речь шла о покупке ранее арендованных у Походяшиных крестьян, живших при заводе и получивших навыки заводских работ. В 1789 г. находящийся на работе у Грибанова разрядчик Сидор Федоров рассказал о себе, что родом он Костромского наместничества Ветлужской округи и находится при заводе «прежде бывшего одного завода содержателя купцов Походяшиных по повелению». (НАРК. Ф.335, оп.1, д.206, л.39).

Сын известного уральского купца и заводчика Максима Походяшина, надворный советник и премьер-майор Григорий Максимович Походяшин, получил отличное образование и, живя в Петербурге, был тесно связан с просветительской деятельностью Новикова, разделяя во многом взгляды последнего [98]. Тем не менее, это не помешало ему отнестись к продаже крепостных как к самому собой разумеющемуся делу.

Не ограничиваясь покупкой крепостных у Походяшина, Грибанов в 1801 г. купил одного крепостного в Петербурге у надворного советника Зряхова и двух крепостных у коллежского секретаря Бреденбека, которые были причислены в оклад за ним к Ньючимскому заводу. Кроме того, Берг-Коллегия разрешила ему совершить купчую еще на 63 человека [99].

Таким образом, во второй половине XVIII в. основные кадры сырьевых заводов как основного, так и вспомогательного производства обеспечивались преимущественно вольным наймом. Покупка крестьян к заводам в небольшом количестве произошла только в конце XVIII – начале XIX вв., когда крепостной труд на заводах в центре России уже стал терять свое значение и многие промышленники утратили к нему интерес.

Кабальный труд, безграничный произвол заводской администрации, разорение и упадок оставленных хозяйств являлись основными причинами отказа крестьян от работы на заводах. Высылаемым в волости воинским командам вменялось: «Не смотреть на крестьянские изнеможения и в резон отговорки их не принимать и во всем поступать без ослабления». Но эти насильственные меры не всегда были успешны. В 1761 г. от недостатка рабочих Кажимский завод вообще прекратил работу. Нарочные, посланные в Гривенскую волость с повестками, обязывающими крестьян явиться на работу, были избиты на мирской сходке. А крестьяне Нечаевы, как жаловались в воеводскую канцелярию заводчики Курочкин и Юринский, «вынеся злодейски заряженное ружье и имея при том в руках обнаженные ножи и великие дубины, а в пазухах камень, чинили великие угрождения» [100]. Нередко на заводы посылались вместо работоспособных мужчин старики и дети. В 1777 г. посланный от воеводской канцелярии для исследования причин остановки Ньючимского завода доносил, что «присланы были в работы большая половина самых престарелых, а остальные малолетние, отчего и работы не происходило. А доимочных волостей крестьян в заводских работах тогда не было, потому что они из одного завода бежали» [101]. Большинство коми крестьян для зарабатывания недоимочных денег предпочитало уходить на Уральские горные заводы, Дедюхинские соляные промыслы, но и там тоже попадали в кабалу*.

* В журналах Яренской воеводской канцелярии сохранился весьма любопытный документ – письмо приказчика Златоустовского горного завода Яренскому воеводе, в котором он жаловался, что нанятые в 1773 г. для заводских работ Яренского уезда разных волостей крестьяне, при

Плохое питание, большая продолжительность рабочего дня являлись причиной многих болезней, несчастных случаев на рудниках и при выжигании угля. Лишь некоторые из них фиксировались в переписке заводских контор и Усть-Сысольской нижней расправы. Медицинская помощь на заводах отсутствовала. В апреле 1771 г. вспыхнула эпидемия на Нювчимском заводе. Из 211 работников, находившихся на заводе, 103 оказались нетрудоспособными, а 6 человек в том месяце умерло. Для ликвидации эпидемии местные власти дали указание заводской конторе «тех больных с того завода уволить вскорости» [102].

В 1774 г. произошло стихийное выступление работных людей на Нювчимском заводе [103]. О самоуправстве и «чинимых обидах работным людям» со стороны поверенных Ф.Шестакова и Н.Попова было известно владельцу завода Походяшину, но тот не принимал никаких мер. 29 мая 1774 г. заводские рабочие Ф.Угримов, Г.Зимин, А.Амосов, Г.Кузнецов и другие, как писали сами поверенные, «собрав шайку, подобную Пугачеву», поймав их и других лиц из заводской администрации на улице, стали бить. Вырвавшись из толпы, поверенные укрылись в конторе. Однако разъяренная масса работных людей с крючьями, топорами и палками «с великим азартом» подступила к конторе и стала бить окна. На заводе ударили в колокол. Волнение продолжалось на другой день. Перепуганные Шестаков и Попов «дабы не могло последовать в заводском производстве помешательства и убытка» обратились за помощью к местному воеводе, который настороженно отнесся к событиям в Нювчине. Как-никак, а «озорничество» происходило в разгар крестьянской войны под руководством Е.Пугачева и в столах воеводской канцелярии лежали секретные инструкции «о поимке разглашателей» из его «толпы». На завод был отправлен офицер с военной командой, который арестовал вожаков волнения. Выступление было подавлено.

Литература и источники.

1. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.1006, л.180.
2. Струмилин С.Г. Избранные произведения. История горной металлургии в СССР. М., 1967. С.44.
3. Там же. С.37.
4. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.770, л.486.
5. Там же. Д.1006, л.180.

захвате завода отрядами Пугачева «были отпущены в дома свои не заработав данных им в задаток немалого числа денег». Приказчик просил по приложенному к письму списку выслать тех крестьян обратно для обрабатывания долга. К сожалению, список коми крестьян, отпущенных пугачевцами с завода, в журналах не найден. Не исключена возможность, что не все крестьяне вернулись обратно. Какая-то часть их, очевидно, могла примкнуть к отрядам Пугачева. (РГАДА. Ф.609, оп.1, д.676, л.24).

6. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.1006, л.180.
7. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.318, л.1.
8. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.635, л.583 об.
9. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. СПб., 1814. Ч.3. С.289.
10. РГАДА. Ф.1303, оп.2, д.4545, л.66.
11. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.29 об.
12. РГАДА. Ф. 1303, оп.2, д.4547, л.75.
13. Струмилин С.Г. История горной металлургии в СССР. М., 1967. С.168-169.
14. Индова Е.И. Торгово-промышленная деятельность крестьян северных и северо-западных дворцовых селений в первой пол. XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С.319.
15. Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб., 1886. С.167.
16. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953. С.79.
17. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.1197, л.43 об.
18. Там же. Л.44.
19. Там же. Л.46.
20. РГАДА. Ф.271, оп.2, д.487, л.220.
21. РГАДА. Ф.1303, оп.2, д.4547, л.79 об.
22. Там же. Ф.271, оп.1, д.2960, л.35.
23. Там же. Л.32.
24. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2962, л.96.
25. Там же. Д.2957, л.28.
26. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2962, л.83.
27. РГАДА. Ф.271, оп.2, д.487, л.133.
28. РГАДА. Ф.271, оп.2, д.487, л.215.
29. Там же.
30. РГАДА. Ф.271, оп.2, д.487, л.5.
31. Там же. Д.492, л.9.
32. Там же. Д.487, л.4.
33. РГАДА. Ф.271, оп.2, д.487, л.228.
34. Там же. Л.224.
35. Там же. Ф.609, оп.1, д.646, л.389.
36. Там же. Д.649, л.203.
37. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.30.
38. Там же.
39. Лепехин И.И. Указ. соч. С.261.
40. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.35.
41. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.29 об.
42. Там же. Ф.609, оп.1, д.652, л.691.
43. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.38; д.2962, л.86.
44. Там же, лл.82, 89.

45. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.652, л.689.
46. Там же. Л.687.
47. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.652, л.691.
48. Там же.
49. Лепехин И.И. Указ. соч. С.262.
50. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.661, л.57.
51. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.1189, л.81.
52. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.676, л.6.
53. Там же. Д.679, л.85.
54. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.676, л.7 об.
55. Там же. Д.678, л.126.
56. Там же. Д.676, л.152 об.
57. Там же.
58. Там же, оп.2, д.185, л.2 об.
59. Там же л.6.
60. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2962, лл.82, 89.
61. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, лл.29-30.
62. Там же. Д.2962, л.93 об.
63. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2962, л.82.
64. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.38.
65. Там же. Л.92.
66. Там же. Д.2962, л.38.
67. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.38.
68. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.630, л.441 об.
69. Там же. Ф.271, оп.1, д.2957, лл.28, 29.
70. Там же. Ф.1355, оп.1, д.177, л.15.
71. Там же. Ф.271, оп.1, д.2960, л.30.
72. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2957, л.28.
73. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2962, л.88.
74. Там же, оп.2, д.492, л.1 об.
75. РГАДА. Ф.271, оп.2, д.492, л.3.
76. Там же.
77. Там же. Л.4.
78. РГИА. Ф.37, оп.3, д.65, л.8.
79. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.1006, л.545.
80. Трошин А.К. История нефтяной техники в России (XVII в. – вторая половина XIX в.). М., 1958. С.8.
81. Там же. С.9.
82. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.621, л.358 об.
83. Там же. Д.1933, л.3.
84. Там же.
85. Там же. Д.645, л.512 об.
86. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.649, л.270.
87. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.1197, л.40.

88. Павленко Н.И. Указ. соч. С.384.
89. НАРК. Ф.355, оп.1, д.203, л.113 об.
90. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2960, л.29; д.2962, лл.50, 80.
91. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.652, лл.609-610.
92. Там же. Д.652, л.610.
93. Там же.
94. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.680, л.470.
95. Там же.
96. ГАВО. Ф.13, оп.1, д.338, л.1.
97. Там же. Д.339, л.1.
98. История СССР. 1971, №3. С.70.
99. РГАДА. Ф.271, оп.1, д.2263, л.429.
100. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.629, л.680.
101. Там же. Д.679, л.240.
102. РГАДА. Ф.609, оп.1, д.660, л.447.
103. Там же. Д.669, л.431.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коми край являлся составной частью складывающегося северного хозяйственного комплекса страны. Несмотря на отдаленность, он не стоял в стороне от общего экономического развития и был втянут в народнохозяйственный оборот страны, а отсутствие крепостного права в его крайних формах стимулировало у населения края инициативу и предприимчивость. В связи с тем, что возможности развития сельского хозяйства в силу неблагоприятных естественно-географических условия были ограничены, эти качества проявлялись в развитии разнообразных промыслов, в промышленной и торговой деятельности населения.

О развитии производительных сил в крае, особенно во второй половине XVIII в., свидетельствовало появление новых промышленных предприятий типа мануфактур. Развитие частной металлургии в Коми крае шло по тому же направлению и определялось теми же требованиями внутреннего и внешнего рынка, как и развитие металлургии в России. Появление сысолевых заводов не было случайным. Сравнительная близость Сысольского железорудного района к Архангельску, удобство водного сообщения с ним при всё возрастающем экспорте железа не могли не привлечь внимания северного купечества к железоделательной промышленности.

Возникновение сысолевых частных железоделательных предприятий в Коми крае, как и в России вообще, в XVIII в. было связано с проникновением в металлургическую промышленность торгового капитала. Основные средства производства, промышленное оборудование, находились в личной собственности заводчика-купца, рудные же месторождения и лесные дачи принадлежали государству, которое приписывало их к заводам. Государственная же власть определяла и производственную форму предприятий, в определенной мере регламентировала выпуск продукции, запрещала самовольное закрытие предприятий.

С появлением заводов местное население неизбежно втягивалось в новые производственные отношения на основе вольного найма, что, несомненно, способствовало разрушению натурального хозяйства местного крестьянства. Но наемная рабочая сила сысолевых частных заводов не была еще в полной мере товаром, каким она является в капиталистическом обществе. Кабально-ростовщическая же форма найма и низкая заработная плата в то же время ограничивали тягу на заводы работников, имевшихся на месте.

Значительное влияние на экономическую и социальную жизнь оказывал Сереговский солеваренный промысел. Работа в варницах, на заготовке и поставке для них дров, транспортировке соли способствовали росту и развитию товарно-денежных отношений в Яренском и Усть-Сысольском уездах.

Рабочая сила на промысле пополнялась за счет найма местного населения, что говорит о том, что земля переставала для части крестьян быть единственным источником существования, но вольный наем также сочетался с разными формами принудительного труда.

Анализ развития промышленности показывает, что, несмотря на определенные успехи в развитии экономики, Коми край оставался в целом отсталой аграрно-промысловой окраиной России с преобладанием мелкого крестьянства. Здесь дольше, чем в центре сохранились старые традиции во всех областях жизни, медленнее шло общее развитие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии

Валентин Васильевич Политов (биографический очерк)

Научные исследования В.В.Политова

Опубликованные научные труды В.В.Политова

Публикации В.В.Политова в газетах

Литература о В.В.Политове и его работах

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМИ КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

§1. Население, административно-территориальное устройство и управление.

§2. Природные условия и их влияние на экономику края.

§3. Ремесло, промыслы и мелкотоварное производство.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ В КРАЕ СОЛЕВАРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

§1. Геологические условия залегания соляных рассолов, техника устройства рассолоподъемных труб и солях варниц.

§2. Основание Сереговского солеваренного промысла и его развитие в XVII в.

§3. Обеспечение Сереговского промысла рабочей силой.

§4. Сереговский завод в условиях соляной монополии.

§5. Сбыт и транспортировка соли.

§6. Положение рабочих людей и классовая борьба.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДЕЛАТЕЛЬНОЙ И ДРУГИХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

§1. Постройка сысолевских горных заводов и добыча руды.

§2. Техника и производительность заводов.

§3. Рабочая сила, положение рабочих, классовая борьба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ